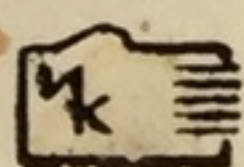

ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИИ И ПСИХОЛОГИИ ЧТЕНИЯ

«КНИГА»

Издательство
«Книга»

Государственная
ордена Ленина
библиотека СССР
имени В. И. Ленина

Проблемы социологии и психологии чтения

Издательство
«Книга»

Москва
1975

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Л. А. Гордон, кандидат исторических наук;
И. П. Осипова, кандидат педагогических наук;
Н. М. Сикорский, доктор филологических наук;
Н. Н. Соловьева, кандидат исторических наук;
В. Д. Стельмах, кандидат педагогических наук;
О. С. Чубарьян, доктор педагогических наук.

Редактор-составитель Э. Г. Храстецкий.

Глубоко
ществле
ческой п
обществ
мире со
полувек
система
быстрый
советски
утвердив
ние наци
кого уро
нашу стр
фундаме
временно
созданы
каждой
деятельн
Сегод
скольку
сти — фор
большое
Советское
развитию
Глубоко
развития
ных духо
шении эт
во и преж
В мае
шении ро
щихся и
большие у
в области
КПСС вск
турной жи
еще не по
тания сове
Меры, нам
собствовать

СОДЕРЖАНИЕ

Н. М. Сикорский. Основные задачи исследования чтения на современном этапе	3
О. С. Чубарьян. Исследование чтения и читателей в системе социальных наук	11
Н. Е. Добрынина, С. М. Смирнова. Проблематика и методика в исследовании распространенности чтения	30
А. А. Леонтьев. Место психологии в современной науке о чтении	39
Л. А. Гордон, Е. Б. Груздева. Распространенность и интенсивность чтения в городской рабочей среде	47
И. Т. Левыкин, О. В. Харитонова. Познавательные интересы современного колхозного крестьянства и чтение	65
И. К. Кирпичева. Чтение в процессе научного творчества	75
В. Э. Шляпентох. Рост уровня образования и отношение к средствам массовой информации	89
Л. Н. Коган. Книга и современное телевидение	103
Б. В. Евладов. Методологические проблемы изучения читательской аудитории газеты	117
Л. Г. Жабицкая. О психологическом подходе в исследовании восприятия художественной литературы	130
Л. И. Беяева. К вопросу о типологии читателей	143
А. А. Брудный. Понимание как компонент психологии чтения	162
Т. М. Дридзе. Проблемы чтения в свете информативно-целевого подхода к анализу текста	173
Ю. А. Сорокин. Смысловое восприятие текста научно-популярной литературы	185

Основные задачи исследования чтения на современном этапе

Глубочайшие социально-экономические преобразования, осуществленные в Советском Союзе под руководством Коммунистической партии, в корне изменили не только экономический базис общества, но и духовный мир человека — строителя первого в мире социалистического государства. В результате более чем полувекового развития советского общества возникла целостная система общественных связей и отношений, которая обеспечила быстрый рост производства, постоянный подъем благосостояния советских людей, их всестороннее духовное развитие. Прочно утвердившееся единство советского народа, дальнейшее сближение наций и социальных групп способствуют достижению высокого уровня культуры и образованности народов, населяющих нашу страну. В развитом социалистическом обществе заложен фундамент для широкой постановки социальных задач. На современном этапе построения коммунистического общества, когда созданы особенно благоприятные условия для творческого роста каждой личности, предъявляются более высокие требования к деятельности научных и культурных учреждений.

Сегодня задачи социально-культурного строительства, поскольку они связаны с одной из главных проблем современности — формированием нового человека, — приобретают очень большое значение. Ленинский Центральный Комитет КПСС, Советское правительство постоянно уделяют огромное внимание развитию всех сфер духовной жизни советского общества.

Глубоко закономерно, что на XXIV съезде КПСС проблема развития личности, создания и усвоения человеком общественных духовных ценностей заняла одно из виднейших мест. В решении этой проблемы существенную роль играет печатное слово и прежде всего — книга.

В мае 1974 г. ЦК КПСС принял постановление «О повышении роли библиотек в коммунистическом воспитании трудящихся и научно-техническом прогрессе», в котором отмечены большие успехи, достигнутые за последние годы нашей страной в области обслуживания населения книгой. Вместе с тем ЦК КПСС вскрыл серьезные недостатки в этой важной сфере культурной жизни и отметил, что уровень работы многих библиотек еще не полностью отвечает задачам коммунистического воспитания советского народа, поставленным XXIV съездом партии. Меры, намеченные в постановлении, без сомнения, будут способствовать более полному использованию книжных богатств

для формирования и воспитания нового человека, для ускорения научно-технической революции.

Особенности развитого социализма проявляются не только в устойчивом, планомерном, быстром росте экономики и повышении материального уровня жизни, но и в принципиально ином, чем при капитализме, качестве жизни всего народа, отвечающем личным и общественным интересам человека, способствующем его духовному и нравственному совершенствованию. Именно этим объясняется тот факт, что наша страна стала самой читающей державой в мире. «Огромные, с каждым годом растущие тиражи журналов и книг не раз служили предметом удивления и зависти наших коллег за рубежом,— пишет первый секретарь Правления Союза писателей СССР Г. Марков.— Если справедливо утверждение, что уровень литературы в немалой степени определяется и уровнем читателя, то мы, советские литераторы, с глубокой благодарностью говорим о вдумчивом, высокообразованном, требовательном читателе, чей интерес к нашему писательскому труду мы постоянно чувствуем, осознаем и стремимся оправдать своей работой»¹.

Появление нового читателя с его, в полном смысле, безграничными потребностями в печатном слове тоже, по-видимому, можно считать зримой чертой развитого социалистического общества. Но этот рост потребностей порождает и трудности: запросы советских людей пока не могут быть удовлетворены полностью. Книгоиздательская система страны из года в год увеличивает выпуск литературы, но еще не в тех масштабах, как этого требует жизнь. Известно, что уже сейчас заказы книготорговой сети на книжную продукцию в полтора-два раза превышают объем реального выпуска литературы. Повсеместно отмечается нехватка общественно-политической, художественной, учебной, детской и справочной литературы. И это несмотря на то, что Советский Союз уже на протяжении многих лет устойчиво занимает первое место в мире по выпуску книг — и по числу названий и по тиражу.

Статистические данные и результаты исследований убедительно свидетельствуют, что книга стала неотъемлемой частью быта советских людей: 90% людей имеют книги дома; 180 млн. читателей пользуются библиотеками, число которых сегодня составляет 360 тыс.; ежегодно читателям выдается около 1,5 млрд. книг.

Даже если ограничиться только количественными характеристиками роста книжной продукции и ее распространения среди широких слоев населения, видно, сколь актуально и сегодня звучат сказанные В. И. Лениным более 50 лет назад слова: «Книга — огромная сила». Раздающиеся время от времени голоса о скорой и неизбежной гибели книги, о замене библиотек электронной техникой отражают не столько реальное положение вещей, сколько субъективное стремление самих авторов по-

добных прогнозов представить развитие культуры не как процесс сложного взаимодействия во времени и пространстве составляющих ее элементов, а однобоко, односторонне, в рамках той или иной «техницистской» концепции общественного развития. Книга по-прежнему остается самой совершенной формой хранения и переработки информации, она — основа духовной культуры народа. И потому, как видно, в обозримом историческом будущем книгу не заменят никакие другие средства передачи информации.

Но свою роль огромной воспитательной, научной, культурной силы книга выполняет только тогда, когда ее содержание становится известным возможно большему числу людей. Именно в процессе чтения происходит великое таинство приобщения человека к новым идеям, мыслям, художественным образам. Отсюда столь большое значение процесса, обозначаемого широким и емким понятием «чтение».

Создание условий, при которых человек получил бы возможность познакомиться со всем лучшим, что создано мировой цивилизацией и отражено в книгах, воспитание культуры чтения — таковы задачи, над которыми работали, работают сегодня и должны работать еще эффективнее завтра не только люди, причастные к книжному делу непосредственно, но и все работники советской культуры. Вот почему в современных условиях очень важно, с учетом требований развитого социалистического общества, подвести итоги исследований по широкому кругу проблем, связанных с чтением, и наметить перспективы их развития, поставить основные проблемы, разработка которых способствовала бы все большему приближению книги к широким массам народа, росту уровня его духовной культуры.

Изучение проблем чтения в нашей стране имеет большие традиции. Но именно в 60-е гг., опираясь на принципы марксистско-ленинской теории и используя богатейший опыт предшественников, специалисты различных областей знания выступили организаторами ряда крупных исследований. Значительно изменилась проблемная область, привлекающая внимание ученых и практиков: от фиксирования спроса на печатные издания отдельных социальных групп исследователи все чаще переходят к постановке центральных вопросов читательской культуры, к узловым моментам книжной жизни страны. Распространенность чтения рассматривается теперь вместе со сложной системой факторов, детерминирующих те или иные ее аспекты. Читательские интересы связываются с социальной деятельностью и культурными потребностями личности. Начинают разрабатываться психологические и социально-психологические проблемы чтения, предлагаются качественно новые принципы классификации читателей. Углубленно изучается эффективность деятельности библиотек и других учреждений культуры, служащих проводниками печатного слова в массы. Особое значение приобрели

вопросы, относящиеся к выявлению места и роли чтения и печатной продукции в сложном комплексе средств массовой информации и пропаганды. Перераспределение времени и внимания, уделяемого телевидению, печати, кино- и театральному искусству, рациональное планирование и размещение учреждений, технических средств и источников массовой информации в зависимости от многообразных условий (социально-демографических, экономических, национальных и др.) вызывают все больший интерес исследователей. Наблюдается и методическое обогащение исследований: от общепринятого в 20-е гг. опроса специалисты приходят к комплексным методам. Шире внедряется в практику эксперимент, начинается разработка прогностических методик. Характерная для второй половины XX в. математизация знаний проникает и в научные дисциплины, изучающие чтение. Применение ЭВМ для обработки данных становится повсеместным явлением.

Проблемы чтения в последние годы получают все большее отражение в исследованиях по социологии культуры, печати, свободного времени, массовых коммуникаций. Работы, выполненные в Академии общественных наук при ЦК КПСС, в Институте социологических исследований АН СССР, в социологических лабораториях ряда институтов и организаций, содержат немало важных количественных показателей — прежде всего это частота обращения к печатным источникам и время, затрачиваемое на чтение. Значение их в том, что они показывают распространенность чтения в стране, его место в духовной жизни советских людей, выявляют взаимоотношение печатных источников с другими средствами массовой информации. Подобные комплексные исследования создают общий социологический фон, необходимый для детального изучения чтения.

Конкретно-социологическое исследование по теме «Советский читатель», проведенное Государственной библиотекой СССР им. В. И. Ленина в 1965—1967 гг., представило картину чтения основных социально-демографических групп населения РСФСР и восьми союзных республик страны². В нем приняло участие 168 библиотек, расположенных в основных административно-экономических районах СССР.

Сейчас исследовательская работа выходит на новые рубежи, намечается более многостороннее выявление читательских потребностей, углубленное рассмотрение закономерностей чтения. Государственной библиотекой СССР им. В. И. Ленина закончено комплексное социально-психологическое исследование «Книга и чтение в жизни небольших городов»³. Характерная особенность этого исследования — попытка разработать современные принципы дифференциации читателей в зависимости от их читательских характеристик — содержания чтения, мотивов выбора литературы, критериев оценок изданий. Эта работа, несомненно, поможет нам лучше понять социальную природу чита-

и пе-
й ин-
нима-
ьному
ежде-
ции в
рафи-
боль-
е обо-
а спе-
ряется
стиче-
а тема-
ающие
ся по-
ольшее
печати,
выпол-
в Ин-
мологи-
держат
е всего
затра-
ывают
ой жиз-
чатных
Подоб-
ический
ветский
СССР
чтения
РСФСР
участие
ративно-
рубежи,
ских по-
чтения.
законче-
ие «Кни-
и особен-
ременные
от их чи-
ов выбо-
та, несо-
оду чита-

тельского интереса, место библиотеки в его формировании. Дальнейшее развитие исследований чтения приведет к разработке многих вопросов, характеризующих этот важный социальный процесс, и будет способствовать созданию широких теоретических основ чтения. Полученные в ходе исследований данные, их проблемный анализ и обобщение должны служить обоснованием таких актуальных, постоянно дискутируемых, весьма острых вопросов, как социальная роль книги и библиотеки в современном обществе, природа и функциональная структура читательских интересов, типология читателей.

Хотелось бы в связи с этим подчеркнуть необходимость перехода от получения широкого круга фактографических данных о читателях и чтении к углубленному изучению предпосылок, определяющих и развивающих читательские потребности, к интенсивному изучению социальных и индивидуальных моментов в чтении. Такого рода исследования дадут возможность не только фиксировать эмпирические сведения, но и формировать круг чтения советских людей, укреплять в них тягу к книге, можно сказать, управлять процессом идейного, нравственного и эстетического развития человека. Отсюда вытекает необходимость изучения социально-психологических аспектов чтения, психологии читателя.

Наконец, от создания моментальной фотографии сегодняшнего чтения необходимо, по-видимому, переходить к исследованию его динамики, переходить активнее, целеустремленнее к постоянному наблюдению за обслуживанием читателей в экспериментальных базовых библиотеках. Только данные об использовании печатных источников, собранные за ряд лет на постоянных объектах, смогут обеспечить «стойкость» социологической информации и представить ретроспективные сведения о социальной роли книги и библиотеки, создающие основу для аргументированного прогнозирования книжного дела в стране.

Исследование социальных функций чтения, роли печатных источников в формировании общественного сознания современного человека, в повышении уровня его профессиональной подготовленности, в непрерывном образовании трудящихся — все это дает возможность увидеть воочию возросший духовный потенциал социалистического общества и наилучшим образом определить точки приложения творческой энергии масс.

Материалы исследований чтения и читателей вводят в научный оборот эмпирические данные о реальных возможностях удовлетворения духовных запросов людей. Такой аспект их практического значения весьма существен. Он позволяет на подлинно научной основе и с максимальной эффективностью развернуть организационную деятельность по созданию и улучшению условий для повышения культуры чтения в нашей стране.

Потребность в таком материале испытывают социальные институты, непосредственно связанные с изданием печатной про-

дукции и продвижением ее в массы. Без полных и многомерных сведений о читателях и чтении едва ли возможны теоретическое осмысление библиотечного дела и практическая работа с читателями, целенаправленное воздействие на читательский выбор, наконец, совершенствование всей системы научно-технической информации.

Получаемые в ходе исследований данные о составе читателей, об интересах различных социально-демографических групп, о популярности различных видов информации и форм пользования книгой, о месте чтения в структуре досуга населения страны помогают решить многие острые проблемы библиотечной теории и практики. Назовем некоторые из них: планирование библиотечной сети на основе изменений социальной структуры советского общества, уточнение профиля и объема комплектования фондов, повышение действенности работы с читателями.

Особенно должно быть отмечено значение данных о читателе и реальном функционировании книги в обществе для целенаправленного и успешного развития книгоиздательского дела и книжной торговли. Без этих данных нельзя научно обосновать книгоиздание, определить оптимальные варианты тематических планов выпуска книг, установить отвечающие современным условиям пропорции в распределении книг для общественного и личного пользования. Непрерывное обновление тематики выпускаемой литературы является одной из характерных черт советского книгоиздания. Проблема тематической обеспеченности ведущих отраслей народного хозяйства, науки и культуры в известной мере решена. Возникает, однако, вопрос о четком распределении потока книг по читательскому адресу и назначению, или, иными словами, о том, всегда ли удастся дать определенный тип книги определенному читателю.

Надо признать, что пропорции выпуска литературы, адресованной различным читательским группам, далеко не всегда соответствуют реальным потребностям. Менее подготовленные читатели (в частности, люди с незаконченным средним образованием) все еще недостаточно обеспечены литературой по ряду актуальных вопросов. Очень мало, например, издается популярных книг, показывающих преимущества социалистического образа жизни перед капиталистическим, работ по политической экономии социализма и капитализма, экономике промышленности и сельского хозяйства, книг о труде советских людей, советской национальной политике, об идеологической борьбе, по некоторым вопросам истории и современной деятельности Коммунистической партии Советского Союза и т. д. Нет сомнения, что исследователи получают немало материала, который позволит более обоснованно и планомерно организовать работу книжных издательств и аппарата книгораспространения.

Проблемы чтения сегодня объединяют большую группу специалистов, сотрудников многих научно-исследовательских

учреждений и библиотек, которые находятся в системе различных организаций и ведомств. Ими занимаются социологи, представители психологической науки, библиотековеды, книговеды, теоретики журналистики, представители других областей знания. При таком широком размахе исследований возникает, естественно, вопрос о координации, более рациональном использовании наших усилий и средств. В постановлении «О повышении роли библиотек в коммунистическом воспитании трудящихся и научно-техническом прогрессе» Центральный Комитет КПСС обратил внимание ряда министерств и ведомств, Академии наук СССР на необходимость обеспечить дальнейшее развитие и улучшение координации научно-исследовательской работы в области библиотековедения и библиографии. Предложено усилить роль Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина как общесоюзного научно-методического центра. Несогласованные действия отдельных организаций и специалистов в различных областях знания порою лишают их деятельность необходимой эффективности, дробят предмет изучения, мешают успешному исследованию многосторонности и специфики чтения. Дает себя знать известная методическая разобщенность, что ведет к несопоставимости получаемых результатов.

Координация исследовательских усилий и более четкое планирование этой работы сегодня особенно необходимы. Представляется целесообразным, чтобы специалисты разных отраслей знания рассмотрели возможность создания единого плана исследований по проблемам чтения с унифицированной методической основой, а возможно, и с единым руководством. При этом, конечно, не имеется в виду вталкивать в прокрустово ложе различные научно-исследовательские организации, накопившие большой и полезный опыт, и диктовать им чью-то волю; речь идет о разумной научной координации, без которой решение комплексных научно-исследовательских проблем в современных условиях невозможно. Следует подчеркнуть, что эти временные недостатки делают еще более насущной консолидацию исследовательских усилий, еще более необходимым системный подход к изучению проблем чтения. Только в укреплении сотрудничества всех наук, в сферу интересов которых входит чтение, — путь к исследованию кардинальных проблем, раскрывающих роль учреждений культуры в формировании коммунистического общественного сознания, в решении социальных, политических и культурных задач, стоящих перед нашей страной.

Одним из практических шагов, предпринятых в этом направлении, была проведенная в мае 1973 г. по инициативе Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина научная конференция «Проблемы чтения и формирование человека развитого социалистического общества». На конференции собрались не только те, кто занимается изучением чтения и читателя в рамках библиотековедения и книговедения, но и те, кто интересуется

ся соответствующей проблематикой с позиций социологии, философии, психологии, теории журналистики, науковедения, лингвистики и т. д.

Данный сборник содержит статьи представителей разных наук, в сферу интересов которых входит чтение. Большинство авторов выступало с докладами или сообщениями на конференции. В публикуемых статьях, преимущественно теоретического и методологического характера, делается попытка обобщить и проанализировать достижения и трудности современного этапа развития науки о чтении.

В статье О. С. Чубарьяна охарактеризован комплекс вопросов, связанных с раскрытием общественных функций чтения, намечены пути создания целостной теории чтения, среди которых ведущим является интеграция различных научных дисциплин, так или иначе ориентированных на изучение процессов потребления книжной продукции. В ряде статей анализируются роль и место чтения у разных слоев и групп населения, а также факторы, влияющие на него (статьи Л. А. Гордона и Е. Б. Груздевой, И. Т. Левыкина и О. В. Харитоновой, И. К. Кирпичевой). В условиях мощного роста средств массовой информации происходит перераспределение времени, уделяемого разным каналам. Сложные процессы, происходящие в этой сфере и, безусловно, оказывающие далеко неоднозначное воздействие на обращение печатной продукции, рассматриваются в статьях Л. Н. Когана, В. Э. Шляпентоха и др. Шесть статей посвящены — в разной степени, с различных точек зрения — проблемам психологии чтения. В статье А. А. Леонтьева обсуждаются перспективы и наличные возможности применения психологических методик в изучении чтения; Л. Г. Жабицкая разбирает возможности психологического подхода в исследовании читательского восприятия; Л. И. Беляева предлагает новые принципы дифференциации читателей — в соответствии с разработанной ею социально-психологической типологией; проблемам понимания текста и методикам, позволяющим фиксировать уровни этого понимания, посвящена статья А. А. Брудного.

Материалы, нашедшие отражение в сборнике, не всегда бесспорны, частью — дискуссионны, ряд выдвинутых некоторыми авторами положений требует дальнейшей разработки и проверки в эксперименте, на практике. Но известно, что наука не идет по кем-то проложенной в будущее прямой дороге, она строит ее сама. Можно надеяться, что свой вклад в развитие науки о чтении и читателях внесет и эта выполненная специалистами разных областей знания работа.

¹ Марков Г. В. И. Ленин и социалистическая культура. — «Коммунист», 1974, № 2, с. 37.

² Советский читатель. Опыт конкретно-социологического исследования. М., 1968.

³ Книга и чтение в жизни небольших городов. М., 1973.

Исследование чтения и читателей в системе социальных наук

В развитом социалистическом обществе коммуникативная система «человек и книга» раскрылась во всем богатстве своего идейного содержания и воспитательного воздействия на массы. Мощный социальный и экономический подъем, техническое перевооружение общественного производства, интеллектуализация труда, невиданный прогресс культуры вызвали интенсивный рост потребностей советских людей в разносторонних знаниях. К книге приобщились многомиллионные массы народа. Книга органически вошла во все сферы социальной, экономической и культурной жизни страны, а чтение стало непрерывно растущей потребностью народа. На XXIV съезде КПСС Л. И. Брежнев особо отметил: «В нашей стране огромен интерес к книге. По праву советский народ считается самым читающим народом в мире»¹. Мы имеем все основания утверждать, что теперь уже чтение не привилегия избранных, а целостное массовое социальное явление, одно из наиболее действенных средств формирования нового человека. Организация книжного обращения на всей территории страны с целью предоставить всем населяющим ее народам возможность неограниченно пользоваться благами чтения стала предметом государственной политики и заботы всей советской общественности.

Современная теория и практика чтения формируются в благоприятных условиях. Под влиянием таких мощных факторов общественного развития, как укрепление мировой социалистической системы, крушение колониализма и национальное возрождение народов, научно-техническая революция, рост самосознания трудящихся масс, усиливается борьба за то, чтобы все больше людей систематически пользовалось книгой, чтобы привить им навыки чтения. Одним из ярких выражений этого процесса явился Международный год книги, объявленный ЮНЕСКО в 1972 г. по предложению Советского Союза. Он встретил живой отклик на всех континентах. Под его девизом прошли содержательные международные встречи, например семинар библиотекарей развивающихся стран Азии и Африки (Москва — Ташкент), 38-я сессия ИФЛА в Будапеште, симпозиум «Книга на службе мира, гуманизма и прогресса» (Москва — Ленинград), семинар «Книга в развитии современного общества» в Белграде и другие², на которых при активном участии многих специалистов социалистических стран состоялся широкий обмен мнениями по большому кругу вопросов книжного обращения и организации массового чтения.

К анализу проблем чтения мы подходим теперь значительно более обогащенные опытом приобщения народов всего мира к чтению и пользованию книгами в современных условиях социального, экономического и культурного развития общества. Определились и наиболее существенные приметы нового подхода к этим проблемам. Если говорить о путях развития теории и практики книжного обращения в международном плане, то в этом процессе отмечаются три особенности: 1) все более широкое признание решающего вклада социалистических стран в развитие массового чтения и анализ его теоретических и практических аспектов; 2) расслоение в среде теоретиков чтения буржуазных стран и заметный рост влияния прогрессивных сил, вызванные обострением внутренних противоречий капиталистического общества и успехами социалистической культуры; 3) приобщение стран «третьего мира» к активной борьбе за распространение книги и привитие навыков чтения. Принципиальная новизна и ведущее значение социалистической науки о чтении и читателях стали реальными фактами.

Превращение чтения в массовую социальную коммуникативную систему более чем когда-либо требует научного управления процессом использования книжных богатств, теоретического обоснования сложных вопросов книжного обращения. Отвечая этой потребности, научно-исследовательская работа по широкому кругу проблем чтения заметно оживилась и получает все больший размах.

В последние полтора-два десятилетия в СССР успешно реализованы комплексные и локальные, общесоюзные и региональные программы исследований чтения различных социально-демографических групп населения. Среди них по масштабам, широте проблематики и научным результатам могут быть выделены пять исследований: «Читательские интересы рабочей молодежи» (1963—1965), «Советский читатель» (1966—1967), «Профессиональные библиотечно-библиографические запросы ученых и специалистов» (1965—1968), «Книга и чтение в жизни небольших городов» (1969—1972) и «Книга и чтение в жизни советского села» (1973—1975)³. Заслуживают интереса и исследования, проведенные в союзных республиках⁴. В итоге накоплен, обработан и введен в научный оборот огромный фактический материал, достаточно точно характеризующий книжное обращение в стране, социальную роль чтения и его распространенность. Хотя весь этот материал далеко еще не полностью осмыслен и обобщен, а многие исследовательские программы (например, «Книга и чтение в жизни рабочего класса») ждут своей реализации, тем не менее можно уже сейчас говорить о путях развития современной науки о чтении и читателях.

Социалистическая наука о чтении с первых же дней своего возникновения развивалась на основе марксистско-ленинской методологии и в своих принципиальных положениях коренным образом отличается от буржуазных концепций чтения. В этой связи необходимо подчеркнуть два основных фундаментальных положения, определивших сущность социалистической теории чтения: 1) чтение является растущей общественной потребностью, обусловленной во всех своих проявлениях социально-экономическими факторами, и 2) чтение является развернутой социальной коммуникативной системой, активно влияющей на формирование общественного сознания и на социально-экономический прогресс общества. Трудно переоценить теоретическое и практическое значение этих исходных положений. Именно на этой основе стала развиваться теория чтения, всем комплексом своих сложных проблем вошедшая в систему социальных наук.

Буржуазными теоретиками было затрачено и затрачивается немало усилий, чтобы затушевать социальную природу чтения, а следовательно, и его сущность. В этой связи прокламировались и продолжают прокламироваться теории «свободного выбора книг» и «невмешательства в круг чтения людей». На чтение распространяется «теория индивидуальных различий» во всем ее узкопсихологическом смысле и утверждается, что коммуникативные системы воздействуют на человека только лишь в соответствии с его личностными характеристиками. Тем самым вопреки реальным фактам отрицается воспитательная функция библиотечного процесса на том основании, что «библиотека не может быть педагогом для нации». В таком подходе нет и намека на научный анализ проблем чтения в органических связях с социальной и экономической жизнью.

Однако при анализе современных тенденций развития буржуазной теории книжного обращения и чтения нельзя уже не учитывать происходящего в ней процесса расслоения. Под влиянием обостряющихся противоречий капитализма и осознания преимуществ социалистической культуры у многих прогрессивных представителей буржуазной мысли меняются взгляды на роль чтения в обществе. Появилась и растет тревога за судьбу «нечитающего поколения» и обостряется общественный протест против наводнения капиталистического книжного рынка низкопробной литературой, развращающей умы людей и воспитывающей низменные инстинкты. С точки зрения общественных интересов чудовищным представляется факт легализации в некоторых странах порнографической литературы, ставшей предметом большого бизнеса.

Как на один из примеров роста прогрессивных тенденций в оценке общественной роли чтения мы могли бы сослаться на высказывание крупного французского специалиста в области со-

циологии чтения Р. Эскарпи. Он приходит к выводу, что на чтение и распространение книг влияют такие мощные социальные факторы, как «вторая мировая война, установление социалистического строя в значительной части стран, издающих книги, деколонизация и ее последствия в области культуры». Более того, «распространение чтения, распространение и потребление книги,— пишет Р. Эскарпи,— отнюдь не нейтральное занятие. Это всегда вопрос идеологии. Нельзя забывать, что методистское учение в Англии, просветительский рационализм во Франции и идеи марксизма в СССР в самом начале обязаны успехам книжной культуры»⁵. Достаточно убедительный пример, показывающий усиление международного значения социалистической теории чтения.

Интерес народов всего мира к советскому опыту использования книжных богатств и привлечения миллионных масс народа к чтению неуклонно возрастает. Не случайно, что одна из наиболее значительных международных встреч в рамках Международного года книги — симпозиум «Книга на службе мира, гуманизма и прогресса» — состоялась в Москве — Ленинграде (сентябрь 1972 г.). В приветственном слове Генерального директора ЮНЕСКО Рене Майо было сказано, что «никакое другое место не могло бы лучше подойти для этой встречи, чем столица великой страны, руководители и народы которой с такой решимостью неустанно стремятся поднимать уровень образования и культуры и видят в книге... особого рода орудие, служащее не только прогрессу человечества и общества, но и миру, дружбе между народами и борьбе против расизма и колониализма»⁶.

Советский Союз был первой страной в мире, где в наиболее полном и последовательном виде была создана в масштабе всей страны управляемая государством социальная коммуникативная система «человек и книга». Социалистическому обществу далеко не безразлично, что читают трудящиеся, какова идейная и познавательная ценность книг, составляющих круг чтения населения, как практически итоги чтения реализуются в общественной жизни. Партия всегда рассматривала все дело книжного обращения и организации массового чтения как составную органическую часть идеологической работы и отводила этому направлению развития культуры одно из важных мест в коммунистическом строительстве. Качественно изменилось и наполнилось принципиально новым содержанием само понятие «чтение». Буржуазные теоретики относили и продолжают относить чтение лишь к области индивидуальной и даже чисто интимной деятельности человека. В условиях же социалистических преобразований чтение стало пониматься как социальный процесс, как массовое общественное явление, непосредственно влияющее на все стороны жизни страны. Поэтому, под влиянием происходящих в стране социальных сдвигов, роль коммуникативной системы «человек и книга» продолжает возрастать и предстоит даль-

на чтение альные листы, де-е того, не кни-е. Это истское нции и книж-казыва-кой тео-спользо-ых масс то одна ках Ме-бе мира, нинграде го дирек-е другое м столица кой реши-ования и жащее не у, дружбе изма»⁶. наиболее итабе всей икативная ству дале-идейная и ения насе-обществен-книжного тавную ор-а этому на-в коммуни-аполнилось тение». Бур-сать чтение тимной дея-их преобра-процесс, как ляющее на и происходя-ивной систе-дстоит даль-

нейшее совершенствование этой системы, чтобы она еще полнее и эффективнее служила задачам формирования человека развитого социалистического общества, поставленным XXIV съездом партии.

Таким образом, в чтении на первый план выдвинулась его социальная природа. Яркую и исчерпывающую характеристику природы чтения в социалистическом обществе дал В. И. Ленин. В статье «О кооперации», говоря о путях решения одной из важнейших проблем коммунистического строительства — кооперировании крестьянства, он отмечал: «...без поголовной грамотности, без достаточной степени толковости, без достаточной степени приучения населения к тому, чтобы пользоваться книжками, и без материальной основы этого, без известной обеспеченности, скажем, от неурожая, от голода и т. д. — без этого нам своей цели не достигнуть»⁷. Следовательно, чтение, его распространность В. И. Ленин относит к тем условиям и средствам, которые обеспечивают социальный и экономический прогресс, осуществление культурной революции, и рассматривает пропаганду книги и руководство чтением как органическое звено всей системы идеологической работы партии.

Опираясь на это ленинское положение, партия всегда считала распространение массового чтения политической задачей и использовала книжное обращение как средство повышения творческой активности масс. Еще в 1928 г. Центральный Комитет партии принял специальное постановление «Об обслуживании книгой массового читателя», в котором подчеркнул, «что необходимо в большей мере, чем до сих пор, добиваться, чтобы массовая литература была орудием мобилизации масс вокруг основных политических и хозяйственных задач»⁸.

Более чем полувековой советский опыт наглядно и убедительно показал жизненность и перспективность преимущественного развития социальных аспектов чтения. В итоге планомерной общегосударственной работы по управлению чтением как социальным процессом в СССР достигнуто, во-первых, комплексное использование всех социальных функций чтения для коммунистического воспитания народа и разностороннего гармонического развития личности; во-вторых, активное общественное воздействие на круг чтения советских людей с целью сконцентрировать их внимание на лучших книгах, способствующих идейной закалке и формированию материалистического мировоззрения, и, в третьих, превращение печатного слова в общенародное достояние. Все это не могло не сказаться самым благотворным образом на формировании науки о чтении и читателях, не определить ее главнейшую задачу — всесторонне и глубоко исследовать пути и формы проявления социальной природы чтения.

Говоря об итогах развития советской науки о чтении и читателях, необходимо выделить и подчеркнуть три основных послед-

ствия преимущественной ориентации на социальные аспекты чтения.

1. Сделав упор на социальные проблемы, мы получили возможность научно анализировать закономерности развития массового чтения как целостного общественного явления. Тем самым создается исходная общая теоретическая база для всего книжного обращения. Теперь уже нельзя решать вопросы издательского дела, книгораспространения, библиотечного дела, пропаганды книги, не опираясь на общие выводы и положения теории чтения, не учитывая типологию читателей, многообразие читательских интересов и факторов, влияющих на их формирование. От этого во многом зависит эффективность книжного обращения в стране.

2. Преимущественное развитие социальных аспектов чтения изменило взгляд на роль общества в организации массового чтения. Наука сосредоточилась не только и не столько на выработке методов пропаганды пользы чтения, к тому же нередко примитивной, а на выявлении и обосновании путей практического осуществления ответственности общества за уровень, содержание и распространенность чтения, путей и средств формирования общегосударственной системы пропаганды книги и руководства массовым чтением. Характерно, что принятая в 1971 г. международными неправительственными организациями «Хартия книги» пока лишь только декларирует положение об обязанности общества обеспечить «всем людям возможность пользоваться благами чтения»⁹, не вскрывая смысла этого положения и не выявляя необходимых социальных условий для его претворения в жизнь. Для Советского Союза и других социалистических стран это уже пройденный этап, ибо в них ответственность общества за направленность и распространение массового чтения нашла свое практическое воплощение. Новое в постановке этого вопроса состоит в том, что в социалистических странах речь идет не о разрозненных мерах частного характера, а о создании единой общегосударственной системы организации массового чтения и пропаганды книги с привлечением всех современных средств информации.

3. Преимущественная ориентация нашей науки на социальные аспекты чтения позволила расширить рамки использования теории чтения не только для выводов чисто профессионального характера, но и для анализа общих проблем развития социалистического общества. Так, на материалах, характеризующих направленность, содержание и распространенность чтения, отчетливо прослеживается стирание граней между умственным и физическим трудом, между городом и деревней, степень использования в общественном производстве достижений науки и техники, укрепление межнациональных связей и взаимообогащение культур народов СССР¹⁰, создание для женщин равных с мужчинами условий для культурного развития и др.

Таким образом, в СССР на базе более чем полувекового опыта использования книжных богатств народом сложилась качественно новая в своих основных исходных положениях теория чтения, рассматривающая все дело книжного обращения как социальную коммуникативную систему, органически связанную с политической, экономической и культурной жизнью страны.

* * *

Какие же конкретные проблемы чтения вошли в круг современных теоретических и практических интересов? Прямолинейно ответить на этот вопрос трудно. Во-первых, современная теория чтения в своей многогранной структуре объединяет сложный комплекс проблем, глубокое исследование которых может быть осуществлено лишь на основе теснейшей интеграции наук и широкого взаимопользования научных методов. Во-вторых, многое в современной теории чтения только вырабатывается, и огромный фактический материал, накопленный в последнее десятилетие, пока еще недостаточно осмыслен и обобщен. Но при всем этом мы имеем достаточно оснований утверждать, что уже складываются фундаментальные выводы и основные тенденции развития теории чтения, определяются ее главные направления и научные проблемы.

Теория чтения формируется и развивается как целостный научный комплекс. Ее основная задача — синтезировать и обобщать факты и выводы, добытые и сформулированные при исследовании различных аспектов чтения. В итоге выработалась сложная структура теории чтения, включающая следующие важнейшие направления: 1) социология чтения; 2) психология чтения; 3) педагогика чтения; 4) общая теория чтения. В последние полтора-два десятилетия, в связи со значительным оживлением и расширением фронта исследовательских работ, все эти направления стали больше отвечать современным политическим, экономическим и культурным потребностям страны, наполнились новым содержанием и существенно укрепились в своей теоретической основе. При этом значительное повышение внимания к анализу общих закономерностей развития массового чтения составляет одну из важнейших тенденций современных исследований в области книжного обращения.

Социология чтения. В последнее десятилетие наибольшие успехи достигнуты в исследовании проблем социологии чтения. Реализация нескольких крупных исследовательских программ позволила собрать обширную и разностороннюю информацию о состоянии книжного обращения в стране и на этой основе сформулировать некоторые положения, характеризующие читательскую активность советского народа¹¹. В исследовательской практике вычленились и стали предметом преимущественного внимания три основные проблемы социологии чтения: распро-

страненность книги и чтения, место книги и чтения в системе современных коммуникативных средств и соотношение каналов удовлетворения общественной потребности в чтении.

Распространенность чтения — многоаспектная проблема, требующая анализа на основе тесной интеграции многих наук и применения различных методов социологических исследований. Это емкое понятие вошло в широкий научный оборот и обозначает степень привлечения населения к чтению и пользованию книжными богатствами. Речь идет не только о построении количественных отношений, но и о серьезном анализе социальных аспектов книжного обращения, о качественной характеристике состояния массового чтения.

В последнее десятилетие усилиями исследовательских центров и многих библиотек собран и обработан большой массив репрезентативных данных о чтении школьников, работающей молодежи, населения небольших городов, жителей села, ученых и специалистов и др. Хотя этот материал и нельзя еще назвать всеобъемлющим, устойчивым и, главное, легко сравнимым в динамике, он уже составляет основу для обобщения по следующим проблемам распространенности чтения:

1) общая характеристика книжного обращения в стране и степень доступности печатного слова народу; например, выявилось, по обобщенным данным, что в городах 89,3% населения читают газеты, 75,3% — книги и 72,3% — журналы (Грушин Б. Свободное время. М., 1967, с. 81);

2) зависимость распространенности чтения от социально-демографических факторов (например, от уровня образования, социального положения, качества труда, общественной активности и др.);

3) место чтения в структуре свободного времени и отсюда интенсивность чтения (по мере увеличения свободного времени неуклонно растет показатель интенсивности чтения);

4) структура чтения, т. е. соотношение чтения различных видов изданий, разносторонность чтения и др.

Эти характеристики выражают закономерности развития массового чтения в прямой зависимости от происходящих в стране социальных процессов. Но эти связи становятся еще более значимыми, если рассматривать влияние распространенности чтения на решение социальных задач. Так, по конкретным материалам распространенности чтения отчетливо прослеживаются такие социальные последствия чтения, как стирание границ между умственным и физическим трудом (в общеобразовательном чтении рабочих и инженеров теперь уже не наблюдается сколько-нибудь существенных различий), между городом и деревней (показатели распространенности чтения в городах и на селе выравнивались, а в некоторых случаях сельские показатели превышают городские), степень вооруженности людей новейшими достижениями науки и техники (непрерывное возрастание

интенсивности профессионального чтения), взаимообогащение национальных культур (распространенность чтения литератур братских народов).

Другая проблема социологии чтения — место книги в системе современных коммуникативных средств — также привлекает пристальное внимание исследователей и практических работников. Специфичность постановки этой проблемы в советской социологии чтения заключается в том, чтобы на основе анализа фактического материала сделать перспективные выводы о путях наиболее полного и рационального использования всех современных коммуникативных средств для повышения распространенности чтения и эффективной пропаганды книги.

Многие, особенно на Западе, упорно говорят о конкурирующем влиянии друг на друга различных коммуникативных средств и о вытеснении чтения радиовещанием и телевидением. Смешно было бы не видеть, что с развитием радио и телевидения произошло перераспределение источников информации. Но данные о распространенности чтения показывают, что в социалистических странах средства информации не конкурируют, а взаимодействуют друг с другом. С развитием современных коммуникативных средств пропаганда книги значительно обогатилась. Программы радиовещания и телевидения все больше внимания уделяют передачам о книгах, оказывая тем самым благотворное влияние на формирование читательских интересов и распространение чтения. Появились новые формы ориентации в книжных богатствах и общественного воздействия на круг чтения людей. Более того, данные исследования чтения (например, в небольших городах) показывают, что наиболее активные радиослушатели и телезрители являются и более активными читателями. Поэтому проблема состоит не в том, чтобы искать противоречия, а в том, чтобы складывать единую общегосударственную систему организации массового чтения с максимальным использованием для этой цели всех современных коммуникативных средств.

Крайне важная в теоретическом и практическом аспектах проблема соотношения каналов удовлетворения общественной потребности в книгах вошла в социологию чтения сравнительно недавно. Она в каких-то ограниченных показателях была включена в программы исследований «Советский читатель» и «Книга и чтение в жизни небольших городов» и в виде самостоятельного раздела «Социальная роль сельской библиотеки» в программу «Книга и чтение в жизни советского села». Настало время на основе анализа большого опытного материала определить, какое место в удовлетворении общественной потребности в книгах занимают и будут занимать в обозримом будущем библиотеки, книжная торговля, личные собрания и другие каналы. Для такого анализа определилась и исходная позиция — непрерывное возрастание роли общественных форм пользования книга-

ми. Именно через этот канал достигается наиболее эффективное управление процессом книжного обращения и конкретная помощь в формировании круга чтения советских людей.

Психология чтения. Интерес к анализу психологических аспектов чтения — давняя традиция русской и советской науки. Однако в последние полтора-два десятилетия психология чтения вступила в новую фазу развития, выражающуюся в том, что она стала органической частью и одним из важнейших направлений формирующейся теории чтения¹². Практически это означает вызванную потребностями жизни необходимость осуществить переход от изучения отдельных (локальных) вопросов психологии чтения к формированию целостной психологической теории, без которой теперь уже невозможно создание научных основ пропаганды книги и руководства чтением.

Все еще не изжит разнобой в понимании предмета психологии чтения. Одни считают, что психология чуть ли не поглощает все аспекты чтения, и ставят знак равенства между ней и так называемым читателеведением (по нашему мнению, крайне неудачный термин), т. е. по сути дела непомерно расширяют границы психологии чтения¹³. Другие в поисках различий в понимании предметов социологии и психологии чтения относят к социологии общую характеристику чтения как социального процесса и оставляют психологии лишь вопросы, связанные с определением реакции личности на книгу. И в том и в другом случае исследовательская работа не получает должного четкого направления и теряется основная задача психологии чтения — анализ проблем читательского интереса и читательского восприятия не только в субъективном, но и в социально-психологическом плане.

Всесторонняя теоретическая разработка всего комплекса вопросов читательского интереса составляет одну из главных задач психологии чтения. Это сложная многоаспектная проблема, глубокое исследование которой должно дать ответ на вопросы о сущности и природе читательского интереса, о влиянии различных, в первую очередь социальных, факторов на его формирование, о формах проявления и специфике читательского интереса различных социальных групп населения. В этом плане делается пока крайне мало. Не были прояснены кардинальные вопросы читательского интереса и в ходе дискуссии, организованной журналом «Библиотекарь» в 1967—1968 гг.¹⁴, и на конференции по психологии чтения, проведенной Ленинградским институтом культуры в 1971 г.¹⁵

Другой проблеме психологии чтения — читательскому восприятию — было уделено больше внимания, но разрабатывается она односторонне. Изучаются преимущественно вопросы восприятия художественной литературы¹⁶, но пока остается в тени восприятие общественно-политической, научно-познавательной и профессиональной литературы.

Педагогика чтения. Это понятие входит уже в научный оборот и, по нашему мнению, более четко и полно выражает воспитательную сущность книжного обращения как научно управляемого социального процесса. В системе высшего библиотечного образования и в практической деятельности круг вопросов пропаганды книги и руководства чтением охватывается понятием «работа с читателем». Название это скорее выражает лишь практическую сторону вопроса, а вузовский курс преимущественно рассматривает методику пропаганды книги. Сама по себе эта методика как составная часть педагогики чтения имеет большое значение для формирования и совершенствования профессионального мастерства. Но цели, характер и масштабы книжного обращения в современных условиях требуют более широкого подхода к проблеме. Эту задачу и предстоит выполнить педагогике чтения, которая, опираясь на выводы и положения всего комплекса наук, исследующих чтение, разрабатывает конкретную программу научного управления процессом книжного обращения, использования всей системы пропаганды книги и руководства чтением для воспитания человека развитого социалистического общества.

Мы не можем не отметить известного отставания в развёртывании фронта научно-исследовательских работ по педагогике чтения. Огромный опыт книжного обращения и организации массового чтения, особенно библиотечный опыт, пока еще мало изучен и обобщен. Предстоит разработать и реализовать специальные исследовательские программы и методики, провести серию экспериментов и построить типовые модели для различных звеньев системы пропаганды книги. Все это в ближайшей перспективе должно привести к выводам и положениям, вооружающим коммуникативные каналы четкой программой совершенствования механизма общественного влияния на формирование круга чтения советских людей.

Важнейшей научной и практической задачей педагогики чтения становится разработка и обоснование принципов и критериев формирования круга чтения различных социально-демографических групп населения и эффективной системы методов пропаганды книги и руководства чтением. Что читать, как выбирать книги, нужные для чтения в целях повышения коммунистической сознательности, непрерывного пополнения запаса знаний и повышения профессионального мастерства, какими средствами обеспечить ориентацию народа в книжных богатствах — вот те первоочередные вопросы, которые ждут более глубокого, чем это имеет место, исследовательского подхода, научного анализа и четких рекомендаций. Подготовка и реализация исследовательских программ по всему кругу этих вопросов значительно облегчается тем, что в теории чтения сложились уже определения понятий, составляющих основу педагогики чтения, таких, как «руководство чтением», «пропаганда книги», «круг

чтения», «самообразовательное чтение», «культура чтения». Развитие социологии и психологии чтения еще более укрепляет научную базу педагогики чтения, делает ее выводы более доказательными и перспективными.

Создание научных основ пропаганды книги и руководства чтением немыслимо без глубокого исследования широкого круга проблем библиографии. Однако такого рода специально программированные исследования, ориентирующие библиографию на органическую связь с теорией чтения, пока еще не получили должного развития. Библиография чаще всего трактуется односторонне как методика составления указателей, и в меньшей мере исследуются те ее аспекты, которые связаны с применением библиографического метода для ориентации в книжных богатствах. В итоге библиография явно недостаточно работает на теорию и практику чтения.

Исключением из этого является рекомендательная библиография. Приятно отметить, что в последние годы она имеет хотя и первые, но серьезные научные успехи. Этот сдвиг был обусловлен тем, что исследования проблем рекомендательной библиографии проводились в теснейшей связи с проблемами руководства чтением. Сама рекомендательная библиография рассматривается теперь не только как система указателей, но и как основной метод пропаганды книги и руководства чтением всеми коммуникативными средствами, что существенно обогатило педагогику чтения¹⁷.

Необходимо отметить перспективность недавно поставленного Государственной библиотекой СССР им. В. И. Ленина в ряде библиотек эксперимента по комплексному использованию системы рекомендательно-библиографических пособий в руководстве чтением¹⁸. В итоге сложилась некая модель, внедрение которой в библиотечную практику будет способствовать повышению эффективности пропаганды книги и руководства чтением, обогащать педагогику чтения. Этот эксперимент еще раз подтвердил плодотворность подхода к рекомендательной библиографии как методу пропаганды книги и привел к выводу, что совокупность рекомендательно-библиографических пособий представляет собой целостную систему, определяющую круг чтения различных социально-демографических групп населения¹⁹.

В заключение отметим, что одной из важнейших задач библиотековедения является разработка в теснейшем союзе с другими науками комплексных проблем, относящихся к формированию и укреплению единой общегосударственной системы пропаганды книги и руководства чтением с максимальным использованием для этой цели всех современных средств массовой информации. Опыт показывает, что повышение действенности и эффективности книжного обращения в стране находится в прямой зависимости от теоретического обоснования и практического воплощения идеи единства системы пропаганды книги и ру-

ководства чтением различных социально-демографических групп населения²⁰.

Выделение указанных исследовательских направлений — социологии, психологии и педагогики чтения — отнюдь не означает, что сложный процесс чтения соответственно механически расчленяется на параллельные самостоятельные линии. Оно протекает комплексно, в теснейшем взаимодействии всех составляющих его элементов, на единой социальной и психолого-педагогической основе. Многое в указанных направлениях, выделенных скорее для удобства исследования, переплетается, взаимобогащается. В этой связи еще более повышается синтезирующая роль общей теории чтения, значение интеграции наук для комплексного изучения проблем книжного обращения.

Общая теория чтения. В современных условиях общая теория чтения переживает период становления. В результате глубоких социальных, экономических и культурных преобразований, происшедших в стране, многие теоретические вопросы чтения требуют пересмотра, переосмысления и обогащения в свете нового опыта. Если говорить об основной научной задаче, то общая теория чтения в ее современном виде должна вскрыть и обосновать важнейшие закономерности книжного обращения в развитом социалистическом обществе. На первый план выдвинулись две научные проблемы: общественная функция чтения и чтение как непрерывно растущая массовая общественная потребность.

Исследование комплекса проблем, связанных с анализом общественной функции чтения, приобретает принципиальное значение и, по сути дела, имеет своей конечной целью раскрыть во всех ее связях и проявлениях роль книги в формировании духовного мира современного человека, раскрыть и конкретизировать социальный смысл и социальные последствия чтения. В разработке этой проблемы советские исследователи могут исходить из признанной уже оценки чтения как одного из действенных факторов, во-первых, формирования общественного сознания людей и их мировоззрения, во-вторых, активизации непрерывного образования, возрастающее значение которого было особо подчеркнуто XXIV съездом КПСС, и, в-третьих, совершенствования профессиональных знаний трудящихся. Не случайно в обращении ЦК КПСС «Учредительному съезду Всесоюзного добровольного общества любителей книги» подчеркнуто, что «партия высоко ценит воспитательную, мобилизующую и организующую роль книги в формировании нового человека, в развитии и приумножении материальных и духовных ценностей советского общества»²¹. Это положение определяет содержание исследовательских программ, составляет основу практической работы всего аппарата издания и распространения книг²².

Для углубления научных основ книжного обращения большое теоретическое и практическое значение имеет и исследование чтения как непрерывно растущей массовой общественной

потребности. Это фундаментальная проблема, решение которой позволит научно объяснить истоки высокой читательской активности, характерной для Советского Союза, раскрыть социальные, экономические и культурные факторы, влияющие на формирование читательской аудитории, на общественную потребность в чтении.

Особенно актуальной стала и проблема типологии читателей. Ныне действующая в практической работе издательств, библиотек, книоторговых учреждений группировка читателей во многом устарела и не отвечает современным требованиям. Рост коммунистической сознательности трудящихся, изменения в социально-демографической структуре советского общества, повышение образовательного уровня, наконец, возрастание требований к кадрам автоматизированного и высокотехнологизированного общественного производства требуют нового подхода к группировке читательской аудитории, новых критериев дифференциации пропаганды книги, руководства чтением, информационного обслуживания²³. Теперь уже ясно, что только при тесном взаимодействии различных научных дисциплин, каждая из которых исследует свои аспекты книжного обращения, может быть сформирована целостная теория чтения.

* * *

Следует особо отметить, что, наряду с реализацией многими библиотеками и институтами культуры специальных исследовательских программ, вопросы книжного обращения и чтения теперь уже довольно широко присутствуют в общих конкретно-социологических и психолого-педагогических исследованиях. При анализе таких больших проблем социального развития, как обогащение духовного мира человека, изменения в социально-демографической структуре советского общества, укрепление межнациональных связей и взаимообогащение культур, структура свободного времени и его использование, теперь довольно широко привлекается эмпирический материал о книжном обращении в стране, о чтении и читателях²⁴.

Опираясь на большой опыт, мы можем уже говорить о тех преимуществах, которые открывает в исследовании проблем чтения интеграция наук.

Во-первых, интеграция наук дала возможность выйти на исследование широкой социальной проблематики чтения в теснейшей связи с социальным, экономическим и культурным развитием страны, подойти к чтению как к целостной социальной системе. Это позволило поднять теорию чтения на уровень требований современной науки и дало возможность избежать опасностей эмпиризма в решении многих вопросов книжного обращения, способствовало преодолению узкопрофессионального характера теории чтения и включению ее в систему социальных наук.

Во-вторых, интеграция наук позволила вывести исследования за пределы читательской аудитории библиотек и анализировать закономерности развития чтения всего населения. Программа «Советский читатель» была реализована на внутрибиблиотечном материале, и поэтому ее выводы касались лишь читателей библиотек и, естественно, не могут быть применены для характеристики чтения всего населения. Но достаточно взглянуть на последующие исследовательские программы — «Книга и чтение в жизни небольших городов» и «Книга и чтение в жизни советского села», ориентированные на изучение чтения всего населения (по репрезентативной выборке), как мы увидим, что интеграционный процесс здесь проявился значительно полнее и определил более широкую проблематику исследования.

В-третьих, на базе интеграции наук складываются разнообразные научные методы исследования чтения и читателей. Характерно, что в новейших исследованиях стали применяться комплексные исследовательские методики, а это повышает достоверность сведений и снижает элементы субъективизма в их оценке. Мы не можем считать процесс формирования методики завершенным, поскольку в исследованиях пока господствуют социологические и библиографические методы, но не за горами более широкое применение методов психологии, педагогики, математики и других наук.

Мы не ставили своей задачей дать анализ вклада каждой науки — социологии, педагогики, психологии, библиотековедения, библиографии, книговедения — в разработку проблем чтения. Эту работу, по-видимому, надо еще выполнить. Но вместе с тем нельзя не учитывать и трудностей разграничения сфер интересов каждой науки, потому что интеграционный процесс в изучении чтения протекает не механически, а в органической взаимосвязи. В данном случае мы хотели бы особо сказать о возрастании интеграционной роли библиотековедения, где исследование проблем чтения и читателей стало одной из главных задач и заняло уже довольно видное место. И это вполне естественно, поскольку библиотека была и будет хотя и не единственным, но важнейшим каналом продвижения книг к народу и организации массового чтения. Сегодня в сфере влияния библиотек в качестве их читателей находится уже $3/4$ населения страны, а в годы девятой пятилетки ожидается увеличение числа читателей библиотек еще примерно на 20 млн. человек. Это солидная и наиболее надежная база для дальнейшего развертывания работы по изучению чтения и читателей. Тем более, что в перспективе роль библиотек в организации массового чтения и укреплении общегосударственной системы пропаганды книги и руководстве чтением всеми средствами информации будет неуклонно возрастать. Нельзя также не учитывать, что достижения теории чтения прежде всего реализуются в библиотечной практике, в сфере общественного пользования книгами.

В заключение следует остановиться на некоторых нерешенных вопросах развития науки о чтении и читателях.

Выравнивание фронта исследовательских работ. Несмотря на несомненные успехи в развертывании исследовательских работ, еще далеко не все актуальные проблемы чтения находятся в поле зрения исследователей. В разработке одних проблем мы значительно продвинулись вперед и уже располагаем интересными выводами и положениями, тогда как другие, не менее актуальные проблемы разрабатываются слабо, а по многим из них еще не начаты серьезные исследования. Такое положение становится все более нетерпимым, поскольку ставится под угрозу основополагающая идея о структурной целостности процесса чтения и о необходимости комплексного подхода к его исследованию.

Задача выравнивания фронта исследовательских работ прежде всего относится к основным направлениям теории чтения. Наиболее продвинутой оказалась социология чтения, но заметно отстают психология и педагогика чтения. По социологии чтения определилось головное научное учреждение — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, ею занимаются государственные библиотеки союзных республик и некоторые институты культуры. А по психологии и особенно педагогике чтения таких головных научно-исследовательских центров пока еще нет.

Повышение практической направленности исследований.

В постановлении ЦК КПСС «О повышении роли библиотек в коммунистическом воспитании трудящихся и научно-техническом прогрессе» отмечено, что «научные исследования в области библиотековедения нередко носят отвлеченный характер, не заканчиваются выработкой конкретных предложений и рекомендаций»²⁵. Это целиком и полностью относится и к исследованию проблем чтения.

Прежде всего отметим, что в исследованиях чтения и читателей пока недостаточно используется прогностический характер социальных наук. В большинстве случаев дело ограничивается констатацией и объяснением фактов, в то время как динамика чтения, без знания которой невозможно делать сколько-нибудь обоснованные прогностические выводы и определять направления развития практической работы по пропаганде книги и руководству чтением, анализируется слабо. Сказывается, по видимому, и то, что большинство исследований носит эпизодический, разовый характер. Не найдены пока формы систематического наблюдения за чтением различных социально-демографических групп населения.

Далее, мы не научились еще завершать каждое исследование выработкой четких рекомендаций практического характера.

ра. Нередко рекомендации не вытекают непосредственно из материалов исследования, что не вооружает практических работников навыками анализировать собственный фактический материал и конкретизировать рекомендации применительно к его особенностям.

Наконец, практические последствия далеко не всегда закладываются в исследовательские программы. В этом отношении выгодно отличается программа исследования «Книга и чтение в жизни советского села», которая предусматривала три этапа: социологическая характеристика распространенности чтения на селе, социально-психологический анализ роли сельской библиотеки как центра пропаганды книги и руководства чтением и построение на практике в 5—6 селах экспериментальной модели оптимальной системы библиотечного обслуживания сельского населения. Это уже законченный исследовательский цикл с программированным практическим выходом. Такой подход к делу открывает новые возможности увязки теории с практикой, привлечения огромной армии практических работников к осмыслению опыта и прогнозированию развития массового чтения.

* * *

Мы попытались изложить основные выводы, вытекающие из опыта исследования проблем чтения последних полутора-двух десятилетий, и наметить те задачи, которые предстоит решать совместными усилиями представителей различных социальных наук. Наука о чтении и читателях, отвечая практическим потребностям, складывается в целостную теорию и переживает полосу подъема. Многое в этой науке только намечается, еще ограничен фронт исследовательских работ, но несомненно то, что определились тенденции развития теории чтения, методологический подход к ней и обширная проблематика чтения как целостной социальной коммуникативной системы. Вместе с этим мы не можем не подчеркнуть тот факт, что складываются исследовательские коллективы, растут кадры, занятые решением этих проблем, многие из которых уже заявили о себе в специальной литературе.

Значительным событием в научной жизни стала Всесоюзная научная конференция «Проблемы чтения и формирование человека развитого социалистического общества» (май, 1973 г.). Она подвела итоги развития науки о чтении за последние полтора-два десятилетия и наметила важнейшие проблемы, ждущие своей разработки. Конференция вновь подчеркнула все возрастающую актуальность дальнейшего развития массового чтения, которое стало одним из важнейших средств формирования коммунистической сознательности и мобилизации творческой активности трудящихся на выполнение программы мира и созидания, намеченной XXIV съездом КПСС²⁶.

Потребность в глубокой научной базе всего дела пропаганды книги и руководства чтением миллионов людей в современных условиях развития социалистического общества непрерывно возрастает. И чем острее и качественнее будет выполняться работа по созданию научных основ пропаганды книги и руководства чтением, тем эффективнее вся система книжного обращения в стране будет служить задачам коммунистического строительства.

- ¹ Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971, с. 90.
- ² См., напр.: Каневский Б. П. 38-я сессия ИФЛА и проблема «Чтение в изменяющемся мире». — «Библиотекосведение и библиография за рубежом», 1973, вып. 45, с. 32—48; Каневский Б. П., Набатова М. Б., Еремина Ж. С. Книга на службе мира, гуманизма и прогресса. (Международный симпозиум в Москве. Сентябрь 1972 г.). — «Книга. Исследования и материалы», 1973, вып. 27, с. 5—27.
- ³ Читательские интересы рабочей молодежи. М., 1966; Советский читатель. Опыт конкретно-социологического исследования. М., 1968; Специалист, библиотека, библиография. М., 1971; Книга и чтение в жизни небольших городов. М., 1973; Добрынина Н. Е. Комплексное исследование «Книга и чтение в жизни советского села». — «Сов. библиотекосведение», 1973, № 4, с. 3—14.
- ⁴ См., напр.: Вильмане С. Х. Изучение чтения и читательских интересов в Латвийской ССР. — «Сов. библиотекосведение», 1974, № 1, с. 39—45; Вескимяги К., Хансен Х. Из опыта исследования «Читатель массовой библиотеки Эстонской ССР в 1967 году» — «Библиотеки СССР», 1969, вып. 43, с. 36—46.
- ⁵ Эскарпи Р. Революция в мире книг. М., 1972, с. 29, 119.
- ⁶ «Сов. библиотекосведение», 1973, № 1, с. 8.
- ⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 45, с. 372.
- ⁸ О партийной и советской печати, радиовещании и телевидении. М., 1972, с. 396.
- ⁹ «Бюллетень ЮНЕСКО для библиотек», 1972, № 5, с. 254.
- ¹⁰ См., напр.: Добрынина Н. Е. Чтение как фактор взаимообогащения культур народов СССР. — «Сов. библиотекосведение», 1973, № 6, с. 58—65.
- ¹¹ Более подробно о ходе развития социологии чтения и решаемых ею проблемах см.: Стельмах В. Д. Основные направления изучения чтения и читательских интересов на современном этапе. — «Библиотеки СССР», 1970, вып. 47, с. 3—16; Стельмах В. Д. Социология книги и чтения. — «Библиотеки СССР», 1971, вып. 50, с. 34—43.
- ¹² Беляева Л. И. Проблемы интеграции библиотекосведения и психологии. — «Библиотеки СССР», 1971, вып. 50, с. 44—65.
- ¹³ См., напр.: Баренбаум И. Е. История читателя как социологическая и книговедческая проблема. — В кн.: Научная конференция, посвященная «проблемам психологии чтения и читателя». Краткие тезисы докладов. Л., 1971, с. 6—9.
- ¹⁴ «Библиотекарь», 1967, № 6, с. 18—22; 1969, № 6, с. 17—19. См. также: Умнов Б. П. Читательский интерес как научное понятие. — «Труды Ленинградского ин-та культуры», 1967, вып. 18, с. 87—97.
- ¹⁵ Научная конференция, посвященная «проблемам психологии чтения и читателя». Краткие тезисы докладов. Л., 1971.
- ¹⁶ См., например, интересные работы: Никифорова О. И. Психология восприятия художественной литературы. М., 1972; Художественное восприятие. (Сборник статей). Л., 1971.
- ¹⁷ Более подробно о значении рекомендательной библиографии в руководстве чтением см.: Современные проблемы рекомендательной библиографии. (Сборник статей). М., 1973.

- 18 Смирнова Б. А. О критериях эффективности рекомендательной библиографии.— «Библиотеки СССР», 1972, вып. 54, с. 35—53.
- 19 См., напр.: Тугов Ю. М. Рекомендательная библиография — объект системного исследования.— «Сов. библиография», 1970, № 3, с. 40—55.
- 20 Интересный опыт концентрации усилий всех средств информации для пропаганды книги описан в статье: Вохрышева М. Г. Система средств пропаганды художественной литературы и опыт изучения ее эффективности.— «Сов. библиотековедение», 1974, № 1, с. 29—38.
- 21 «Правда», 1974, 3 окт.
- 22 Интересные попытки применить современную постановку вопроса об общественной функции чтения к анализу социальной роли библиотек сделаны в работах: Серов В. В. Ленинская национальная политика и развитие библиотечного дела в СССР.— «Сов. библиотековедение», 1973, № 3, с. 6—19; Инькова Л. М. Социальные функции советской массовой библиотеки.— Там же, 1973, № 2, с. 16—30.
- 23 См., напр.: Смирнова С. М. Дифференциация читателей и воспитание всесторонне развитой личности.— «Сов. библиотековедение», 1973, № 6, с. 66—72; Карташов Н. С. Классификация специалистов-читателей научных библиотек.— «Научные и технические библиотеки СССР», 1972, № 9, с. 3—9.
- 24 См., напр.: Коган Л. Н. Искусство и мы. М., 1970; Сельская молодежь. Социологический очерк. М., 1970; Коллектив колхозников. Социально-психологическое исследование. М., 1970.
- 25 «Правда», 1974, 26 мая.
- 26 Всесоюзная научная конференция «Проблемы чтения и формирование человека развитого социалистического общества».— «Сов. библиотековедение», 1973, № 6, с. 46—57.

Проблематика и методика в исследовании распространённости чтения

Общеизвестно, что в социологическом исследовании методика сбора и анализа данных в значительной мере обусловлена его проблематикой. Однако при разработке программы исследования подчас трудно бывает четко установить все многообразные связи изучаемых проблем с процедурами, позволяющими получить материал, продвигающий нас по пути к решению поставленных задач.

Трудность определения этих связей заключается в том, что нередко один выдвинутый в исследовании вопрос требует применения нескольких разных методов сбора информации, равно как один и тот же метод может «обслуживать» ряд проблем. Именно такого рода сложности чаще всего вынуждают проводить исследования в соответствии с принципом «постучимся в любую дверь», по меткому выражению К. Мозера¹. Стараясь избежать подобного — не вполне корректного с научной точки зрения — положения, социологи много сил и времени уделяют подготовке программы на предварительном этапе исследования. Примером тщательной, скрупулезной разработки всех взаимосвязанных компонентов является программа исследования «Человек и его работа»². Однако такой подход не всегда возможен. В. Э. Шляпентох в книге «Социология для всех» (М., 1970) на конкретных примерах показывает, что некоторые части программы определяются непосредственно в ходе исследования. Особенно это относится к тем работам, которые, по определению В. Э. Шляпентоха, «носят пионерский характер и заполняют практически абсолютный информационный вакуум» (с. 183).

Исследования в области социологии чтения, возобновившиеся в нашей стране в 60-х гг., спустя четверть века, можно считать как раз такого рода работами. Естественно, что их авторы вначале придерживались в основном разведывательного плана действий, который принимается, когда исследователь не обладает достаточно четким знанием выбранного объекта и может поэтому лишь приблизительно представлять его структуру, характер связей внутри нее и тем более причины, детерминирующие какие-то свойства объекта³.

Предпринятое Государственной библиотекой СССР им. В. И. Ленина в 1965—1967 гг. исследование по теме «Советский читатель»⁴ должно было, хотя бы частично, восполнить образовавшийся в нашей стране за многие годы пробел в изучении чтения. В данной статье мы остановимся только на одной проблеме — распространённости чтения и печатных источников в чи-

тательской среде, интерес к которой возник в процессе отбора и осмысления материала по теме «Советский читатель». Представляется целесообразным показать, как эта проблема обеспечивалась методически в те годы и как она трансформировалась по содержанию и методике в последующих работах сектора книги и чтения научно-исследовательского отдела библиотековедения и теории библиографии Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

Проблему распространенности чтения и печатных источников в разных социальных слоях с полным основанием можно отнести к числу комплексных. Она вбирает в себя широкий круг вопросов: определение понятия «читатель»; соотношение читающей и нечитающей публики; распределение используемых читателями наборов изданий; степень интенсивности, регулярности чтения; источники получения литературы различными категориями читателей; жанрово-тематический и языковой диапазон чтения и т. д.

При исследовании этой проблемы следует также учитывать факторы, влияющие на распространенность чтения. Можно выделить факторы социально-демографические (пол, возраст, образование, род занятий, семейное положение), социально-психологические и психологические (цели и мотивы чтения), географический фактор (регион, город или село, отдаленность от крупных культурных центров), факторы культурной среды (культурно-бытовые условия семьи и поселения, включая состояние библиотечного обслуживания, читательская атмосфера семьи, трудового, учебного коллектива) и факторы, связанные с воздействием средств массовой информации (радио, телевидение, кино) ⁵.

Разумеется, только комплексное изучение этой проблемы во взаимосвязи с указанными факторами поможет с достаточной полнотой ответить на вопрос, как широко обращаются книги в народе.

Работа над темой «Советский читатель» не предусматривала исследования проблемы распространенности чтения во всем многообразии ее аспектов. Более всего нас интересовали диапазон чтения, содержание и направленность читательских запросов. Основная задача состояла в изучении читателя как представителя определенной социально-профессиональной группы. Что же касается соотношения между читающей и нечитающей публикой,—отправного момента в анализе проблемы распространенности чтения, то необходимость располагать этого рода данными возникла до некоторой степени стихийно, в процессе изучения сельского читателя. Подворный опрос-интервью жителей села, выявив среди них нечитающую часть, натолкнул на мысль заняться разными аспектами соотношения между читателем и теми, кто не читает, более подробно. В городах же при изучении чтения рабочих, инженерно-технических работников, школь-

ников-старшекласников, студентов и учителей использовались главным образом анкеты, распространявшиеся через базовые библиотеки. Следовательно, здесь наш исследовательский коллектив заведомо имел дело исключительно с читающей частью городского населения.

В проекте «Советский читатель» проблема распространенности чтения перед нами лишь приоткрылась. Интервьюирование жителей села проводилось посредством единого для всех изучавшихся групп опросного листа и, естественно, многие специфические вопросы чтения на селе в нем не затрагивались. Тем не менее, некоторые контуры этой проблемы наметились. Так, выявилось, как соотносится на селе общее число читателей книг с числом тех, кто книг не читает; каков процент пользующихся сельскими библиотеками и читающих помимо них; насколько широка сфера распространения газет и какова регулярность обращения к ним. Кроме того, в листе для интервью содержался вопрос о числе книг, прочитанных респондентом за год. Опросный лист позволял получить косвенные данные о влиянии аудиовизуальных каналов массовой информации на чтение. Однако собранный материал не анализировался под углом зрения распространенности чтения, ибо он подчинялся основной, ведущей задаче — дать содержательную картину чтения обследуемых групп населения.

Как самостоятельная, во всем своем объеме, проблема распространенности чтения встала перед нами в процессе разработки последующих проектов — «Книга и чтение в жизни небольших городов» (1969—1971) и «Книга и чтение в жизни советского села» (1973—1975).

В проекте «Советский читатель» — ввиду характера самого объекта исследования — не возникала необходимость в точном определении понятия «читатель». В дальнейших исследованиях (чтение на селе и в небольших городах) уже потребовалось дать эмпирическую интерпретацию этого понятия.

При всей кажущейся простоте⁶ определить понятие «читатель» нелегко, ибо исследователи чтения и у нас в стране, и за рубежом, собирая и анализируя статистические данные, используют разные «точки отсчета». Так, австрийские источники указывают, что лишь 5% населения Австрии может быть отнесено к категории постоянных читателей, т. е. тех, кто прочитывает хотя бы по одной книге в месяц⁷. Во Франции 42% жителей — читатели книг. Сюда входят те, кто за год прочитал хотя бы одну книгу⁸. Социологи чтения в Англии не включают в разряд читателей лиц, читающих в профессиональных целях. В таком случае читатели книг в стране составляют 45% населения. В нашей стране широко известен такой показатель, как 180 миллионов читателей. Но это число лиц, посещающих библиотеки, и, безусловно, определенную часть из них составляют те, кто пользуется не одной библиотекой, равно как и те, кто

бывает в какой-либо библиотеке единожды в год или берет литературу не для себя.

При разработке понятия «читатель» важны не только параметры, связанные со степенью регулярности и интенсивностью использования отдельных видов печатной продукции. Решая вопрос, можно или нельзя отнести человека к категории читателей, необходимо учитывать также цели, мотивы и физические возможности обращения к печатным источникам. В самом деле, встречаются случаи, когда человек берет, например, журнал «Крокодил» только для того, чтобы просмотреть иллюстрации. Имеют место и такие факты: у человека, ранее активного читателя, с возрастом нарушено зрение и он не читает сам, но регулярно слушает прочитываемые ему вслух тексты.

Приступая к сбору информации, мы, конечно, имели на «входе» исследования некоторые теоретические представления. Нам казалось неправомерным включать в категорию читателей только лиц, читающих книги, поскольку информационная значимость материала, публикуемого в газетах и журналах, бывает не ниже, чем в книгах. Так как в чтении значительной части людей большое место занимает специальная литература, мы не считали верным сводить понятие «читатель» к понятию «читатель художественной литературы». И, наконец, при определении частоты обращения к печатным изданиям мы отказались от «жесткости», свойственной многим социологическим исследованиям чтения. Наш исходный принцип состоял в том, что критерии регулярности использования различных видов печатных источников неодинаковы. Это обусловлено особенностями каждого источника, прежде всего оперативностью. Если к газетам и книгам читатели обращаются ежедневно или несколько раз в неделю, то к журналам — один или несколько раз в месяц.

Ясно, что при таком подходе к изучению читателя потребовался выход за пределы библиотеки, нужна была, соответственно, и иная — по сравнению с проектом «Советский читатель» — методика сбора информации.

Поскольку программы последующих исследований сектора книги и чтения предусматривали выделение среди жителей города и села читающей публики, то потребовалось изучать все население, начиная со школьного возраста. Соответственно строилась и выборка: пропорциональное представительство от всех слоев общества, от всех возрастных, образовательных и социально-профессиональных групп.

Связь проблемы распространенности печатных источников с такими показателями, как наличие домашних библиотечек, подписка на периодические издания, усложняет выборку, ибо требует включения в качестве основного объекта исследований семью. Именно на базе посемейной выборки распространенность чтения изучалась по программе исследования «Книга и чтение в жизни советского села».

Но взять основным объектом исследования семью нам было важно не только потому, что проблема распространенности чтения включает определение значимости внебиблиотечных источников получения литературы. Дело в том, что внутри семьи имеет активное обращение и сама библиотечная книга. Это как бы дополнительный потенциал библиотеки, который необходимо учитывать при исследовании ее роли в распространении чтения. Измерение этого потенциала обеспечивалось методикой, частично разработанной в процессе реализации проекта «Книга и чтение в жизни небольших городов» (учет спроса читателей библиотек, «книжные закладки» и др.).

Как в небольших городах, так и в селах половина книг, взятых из библиотеки, совершила дополнительный оборот, была прочитана другими членами семьи и знакомыми. Движение книги выявлялось не только в момент опроса читателей, но и с помощью так называемой книжной закладки, на которой читатель указывал круг лиц, которым он рекомендовал данную книгу, а также свое отношение к ней. В селах мы изучали не только «путешествие» библиотечной книги, но и такую грань проблемы распространенности чтения, как читательская атмосфера семьи (чтение вслух, информация о прочитанном, беседы о книгах, читательское лидерство).

Основным методом сбора информации по программе «Книга и чтение в жизни небольших городов» был стандартизированный опрос-интервью населения по месту жительства, в трудовых и учебных коллективах.

Как метод исследования проблемы распространенности чтения опрос-интервью имеет преимущества перед анкетированием и с технической стороны, и со стороны содержания получаемой информации. Так как при анкетном опросе часть листов не возвращается к исследователям, то приходится вносить существенные поправки в первоначально построенную выборку или каким-либо другим образом учитывать отклонения от нее. В этом отношении метод интервью более экономичен. Кроме того, при анкетировании невозможно проконтролировать правильность понимания вопросов и обеспечить должную полноту ответов.

С целью уточнения понятия «читатель» и более глубокого проникновения в проблему распространенности чтения мы спрашивали респондентов о частоте обращения к печатным источникам, о мотивах чтения, о содержании интересов к газетам, журналам, книгам и об оценке прочитанного. Важным моментом интервьюирования был тот факт, что литературу, о которой шла речь, интервьюер видел в доме респондента сам. Это повышало достоверность собранного материала. Интервью по месту жительства оказалось наиболее пригодным методом для изучения читательской атмосферы семьи и ее воздействия на распространенность чтения.

Мы еще больше убедились в необходимости причислять к читателям как тех, кто читает книги, так и тех, кто обращается к периодике. Это особенно существенно в отношении специалистов. Исследование показало, что из них 92% читают специальную литературу, в том числе книги — 46%, журналы — 78%¹⁰. Далее оказалось, что круг чтения значительной части читателей художественной литературы замыкался каким-либо одним жанром (чаще всего приключенческим). Естественно, читательский кругозор таких людей значительно уже кругозора даже тех лиц, которые регулярно читают одни газеты.

Что же касается частоты обращения к печатным источникам, то строгий учет этого параметра при разработке понятия «читатель» оказался затрудненным. Ведь с одинаковым успехом можно отнести к читателям и тех, кто ежедневно читает несколько строк текста, и тех, кто берет, допустим, книгу или журнал только по воскресеньям, но зато прочитывает произведение целиком. Было признано целесообразным считать читателем каждого, кто с той или иной степенью регулярности обращается к любому из печатных источников — газете, журналу, книге. Конечно, предусматривался обозримый отрезок времени — период проведения нами опросов жителей небольшого города в течение года. Помимо этой общей временной характеристики вводились более конкретные показатели частоты обращения к газетам, журналам, книгам, что позволило дифференцировать читателей по степени их читательской активности (пассивные, малой и средней активности, высокой активности), а также по кругу используемых источников (читающие все виды изданий или читающие только книги, только газеты, только журналы, различные сочетания их).

Чтобы замерить реальную частоту обращения к печатным источникам, в исследовании использовалась панельная техника: три раза проводилось интервью по программе «Что Вы читаете сегодня?» Эта программа включала сбор сведений о книгах, журналах, газетах, читаемых респондентом в дни опроса, о предыдущей прочитанной книге, журнальной или газетной статье, о литературе, намеченной к чтению.

Круг опрашиваемых каждый раз сужался: если первый опрос охватывал всех читателей (из выборки исключались нечитающие), то в следующий раз исключались те, кто ограничивался чтением периодики. В итоге была скомплектована контрольная группа читателей, которые в период всех опросов читали книги. Анализ читательского лица этой группы позволил нам продвинуться дальше в изучении проблемы распространенности чтения, коснуться таких ее аспектов, как степень устойчивости чтения литературы определенной тематики и жанров, удельный вес основных источников получения книг и др.

Опыт панельного опроса показал эффективность этого метода изучения чтения, натолкнул на мысль о проведении перма-

нентных замеров исследуемых характеристик для выявления тенденций развития чтения, что и будет осуществлено в исследовании динамики чтения на селе и ее прогнозировании.

В исследовании чтения в небольших городах и на селе большое внимание уделялось вопросу о сочетании общественных и личных каналов получения литературы. Применявшаяся методика интервьюирования предусматривала сбор данных о том, где читатель берет книги для чтения, в какие библиотеки он записан и как часто их посещает.

Разумеется, нельзя выявить роль библиотеки в распространении чтения только методом интервью. Необходим сбор данных и иными путями. В обеих последних работах мы использовали сплошной учет спроса в библиотеках по единой документации. Учет спроса, проведенный дважды, отражал читательские требования и посещаемость библиотеки различными категориями населения. Возможности библиотеки в распространении литературы различных отраслей знания, тематики и жанров особенно рельефно выявились при сравнении данных, полученных в результате этих процедур, с данными учета спроса покупателей в книжных магазинах небольших городов.

Материал, собранный при интервьюировании населения, учете читательского спроса в библиотеках и книжных магазинах, естественно, нуждался в подкреплении статистическими показателями, отражающими «материальную основу» читательской деятельности. Мы стремились определить источники поступления каждой конкретной книжной новинки, газеты, каждого журнала, географию их оседания в фондах библиотек общественного и личного пользования, интенсивность обращения к ним.

Данные о подписке семей на периодические издания, о наличии и составе домашних библиотечек были получены не только методом опроса, но также путем анализа документации местных отделений «Союзпечати». Изучение состава фондов базовых библиотек проводилось двояко: посредством анализа библиотечной документации (официальная статистическая форма 6-НК) и использования библиографической описи книг. В г. Острогжске была зарегистрирована на учетных карточках литература, поступившая за два года в ведущие библиотеки и книжный магазин, в исследовании чтения на селе — книги 1973 года издания, полученные 75 базовыми библиотеками по всем регионам Советского Союза.

С проблематикой исследования связана не только методика сбора материала, но и методика его обработки.

Анализ полученных данных показал, что имеется возможность определения по ряду параметров читательских типов. Построение типологии читающей публики потребовало особой системы обработки социологической информации: она содержит элементы многомерного анализа, элементы типологической программы обработки.

Если в первых исследованиях сообщались итоговые сведения о читателях газет, журналов, книг обособленно, то в работах «Книга и чтение в жизни небольших городов» и «Книга и чтение в жизни советского села» у нас появилась возможность рассмотреть структурно, комплексно обращение читателей к этим видам изданий. Введение в обработку трех типобразующих компонентов (газета, журнал, книга) теоретически предполагало наличие восьми групп людей, которые пользовались печатными источниками в различных сочетаниях или не читали их совсем. В реальной жизни групп, характеризующих разновидности читающей публики, оказалось меньше. Наиболее крупная из них включает тех, кто читает и газеты, и журналы, и книги. Затем следует группа читающих только периодику, среди которых выделяются читающие только газеты.

Типологическая обработка применялась нами и для дифференциации читающей публики по содержанию чтения. При этом мы опирались на опыт обработки анкет в исследовании «Советский читатель», когда группы читателей определялись по степени разносторонности их запросов.

В последующих работах комбинированным путем устанавливалась степень разносторонности чтения отраслевой литературы. Затем более детально выявлялся круг интересов (в сочетаниях) читателей общественно-политической литературы, естественнонаучной, художественной и др.

Применение многомерного анализа и элементов типологической обработки позволило получить данные, характеризующие распределение книжного потока в небольших городах и селах. В свою очередь, сравнение локальных фондов с комплектом выходящей литературы, предназначенной для массового спроса, изучение степени рассеяния и дублирования новых книг приобретают особое значение для централизованных систем.

Различные сочетания признаков определяли тип реципиента. Исходным материалом были сведения о том, по каким каналам (телевидение, радио, печать) человек предпочитает получать информацию по интересующим его вопросам из разных областей жизни (международные отношения, наука и техника и т. п.), какому из печатных источников (газета, журнал, книга) отдается предпочтение в подобных ситуациях.

Методом типологической обработки можно было выявить реальное соотношение предпочтений. А это очень важно и для теории, и для практики. Ведь вопрос о типологии реципиентов, в том числе и читателей, связан с решением актуальнейшей задачи формирования нового человека, всесторонне развитой личности. В свете этой задачи необходимы точные знания о доле участия разных идеологических институтов, среди них и библиотек, в воспитании гармонического человека.

В исследованиях распространенности чтения в нашей стране основное внимание сегодня уделяется роли массовых библиотек

в решении этой проблемы. В соотношении читающей и нечитающей публики в нашей стране, особенно после введения всеобщего среднего образования, будет неуклонно расти читающая ее часть. Социологические исследования установили, что к нечитающим относится минимальный процент — преимущественно лица, которые не могут читать по состоянию здоровья, и пожилые люди, не имеющие навыков чтения. К проблеме распространности чтения в этом плане сегодня следует относиться как к чисто практической задаче, решаемой библиотечными работниками, ибо основное ее содержание — привлечь читателей к пользованию библиотеками, создать условия, при которых любому человеку в нашей стране были бы доступны все богатства библиотечных фондов.

Что же касается таких относящихся к проблеме распространности чтения глубинных и чрезвычайно подвижных процессов, как жанрово-тематический и языковой диапазон читательских потребностей, то они требуют постоянного изучения. Зависимость этих процессов от многих переменных, в том числе и от мотивационной сферы читателя, обуславливает необходимость выхода за рамки «чисто» социологического исследования и разработки соответствующих программ, включающих методы, применяемые в социальной и общей психологии, а также в педагогике чтения.

-
- ¹ Мозер К. Методы социального исследования. 1969, вып. 1, с. 2. [Информ. бюл. № 16 (31)]. Серия: переводы и рефераты. Подробнее об этом см.: Лекции по методике конкретных социальных исследований. Под ред. Г. М. Андреевой. М., 1972, с. 42—47.
 - ² Человек и его работа. Под ред. А. Г. Здравомыслова, В. П. Рожина, В. А. Ядова. М., 1967, с. 12—98.
 - ³ См. об этом: Лекции по методике конкретных социальных исследований, с. 42—47.
 - ⁴ Советский читатель. Опыт конкретно-социологического исследования. М., 1968.
 - ⁵ См. об этом: Книга и чтение в жизни советского села. Вып. 4. Распространенность чтения и печатных источников на селе. Сост. М. Д. Афанасьев. М., 1974. (Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина).
 - ⁶ Иллюзия понятности, пишет А. Г. Здравомыслов, «тем сильнее, чем более употребительными являются термины» (Здравомыслов А. Г. Методология и процедура социологических исследований. М., 1969, с. 61).
 - ⁷ Die Lesesituation in Österreich Möglichkeiten ihrer Verbesserung. Wein, 1972, S. 13—14.
 - ⁸ Le livre français hier, aujourd'hui, demain. Paris, 1972, p. 95.
 - ⁹ Mann P. H. and Burgoyne J. L. Books and Reading. London, 1969, p. 14—15.
 - ¹⁰ Книга и чтение в жизни небольших городов. М., 1973, с. 296.

Место психологии в современной науке о чтении

Социальные функции, которые должна выполнять книга в социалистическом обществе на современном этапе его развития, достаточно сложны и многообразны. Главные задачи, стоящие перед библиотековедением и вообще перед всеми науками, в той или иной мере приобщенными к изучению проблем чтения, были определены в материалах XXIV съезда КПСС и в последующих документах партии и правительства. Л. И. Брежнев, говоря о том, что «воспитание общественного сознания всех граждан — одна из важнейших составных частей процесса коммунистического строительства», прямо указал: «Огромная роль в этом деле принадлежит, конечно, работникам культуры, искусства, средств массовой информации»¹.

Общеизвестно, что книга может рассматриваться с разных позиций, с разных точек зрения, может быть объектом разных наук.

В рамках книговедения она обычно предстает в виде некоторого структурного единства и лишь частично отражаются процессы функционирования книги в обществе, проблемы чтения и т. д. В рамках социальной психологии основным является подход к книге как к одному из звеньев системы «книга-читатель» или, что, видимо, более правильно, системы «книга-общество», т. е. подход с точки зрения социальных функций книги в социалистическом обществе. С течением времени социальная значимость книги в нашем обществе повышается, хотя и раздаются голоса, что происходит частичное вытеснение книги различными средствами массовой коммуникации.

Место книги во всей системе средств коммунистического воспитания, идеологического воздействия определяется тем, что книга, как это очень хорошо отметил еще С. Л. Вальдгард, есть высший тип инструмента социального общения². Возросший культурный и образовательный уровень советского читателя вызывает необходимость в более направленном, более дифференцированном руководстве чтением. Обострение идеологической борьбы в настоящее время в свою очередь диктует необходимость дифференцированного и глубинного воздействия на сознание читателя. Мы не можем пассивно изучать, как человек читает. Наша задача — организовать чтение советских людей, осуществлять посредством книги социальное, социально-психологическое, педагогическое воздействие на читателя, на читательскую аудиторию. Книга может и должна быть действенным орудием дальнейшей консолидации нашего общества

вокруг идей марксизма-ленинизма, средством воспитания коммунистической сознательности.

Если мы ставим задачу активного воздействия на читателя, задачу руководства чтением, то, по-видимому, надо более или менее четко определить, каковы основные направления такого руководства с точки зрения социально-психологической и общепсихологической, какие задачи или проблемы с ними связаны.

Прежде всего это, конечно, воспитание потребности в чтении, поскольку у многих социально-демографических групп в нашем обществе эта потребность — особенно по отношению к некоторым видам книги — выражена явно недостаточно.

Отсюда вытекает вторая задача — расширение содержания чтения, с которой тесно связана задача сознательного направления читательских интересов.

Очень важной проблемой является совершенствование культуры чтения. Речь идет о формировании у читателя навыков чтения, умений смыслового восприятия книги (впрочем, имеется в виду не только восприятие на уровне содержания, но собственно процесс чтения, его эффективность в личностно-психологическом и в социально-психологическом отношении).

И, наконец, как известное следствие всех этих задач и проблем выступает еще одна — организация информационного потока, целевая ориентация определенного типа книги (текста) на определенную категорию читателей, с тем чтобы вся система задач идеологического и социально-психологического воздействия при помощи книги была оптимальным образом удовлетворена.

Естественно, что для успешного решения этих задач и проблем требуется организация множества исследовательских работ, которые, надо сказать, сейчас ведутся достаточно широким фронтом. Прежде всего это касается социологических исследований. Хотелось бы, однако, уточнить, каково реальное содержание этих исследований, что они дают и что дать не могут. Прежде всего изучаются читательские предпочтения, потребность в книге определенного типа, реальный круг чтения, т. е. вопросы, так или иначе относящиеся к статистике чтения. Здесь учитывается, как влияют на чтение социально-демографические факторы, как взаимосвязана деятельность читателя книги с другими видами деятельности по восприятию массовой коммуникации. Но эти результаты, чрезвычайно практически значимые, все-таки, конечно, не исчерпывают всех стоящих перед исследователями чтения научных задач, которые столь важны для успешного руководства чтением.

Во-первых, надо отметить, что статистическая достоверность данных социологии имеет одну своеобразную сторону. Дело в том, что практически они дают нам возможность оперировать с неким усредненным читателем, с наиболее общими его признаками. Мы можем установить корреляции между какими-то ха-

раактеристиками читателя и тем, что он читает, но внутренний механизм этой корреляции остается все же нераскрытым социологическими методами. И, наконец, социология дает возможность изучить все то, что предшествует процессу чтения, и то, что следует за ним. Сам процесс чтения остается за рамками социологии. А между тем именно соотношение процесса чтения и, с одной стороны, тех потребностей, мотивов, которые предшествуют этому процессу, а с другой, тех оценок, которые рождаются в результате чтения, представляет очень большой научный и практический интерес. Ибо как раз изучение этого соотношения может дать нам ключ к вскрытию не просто некоторых корреляций, а их внутреннего психологического механизма. Одним словом, социология чтения, которая, надо отдать ей справедливость, находится сейчас у нас в стране на очень высоком уровне и решает важные социальные и научные задачи³, по самой своей природе на некоторые вопросы ответа дать не может.

Во-вторых, социология предоставляет массовые результаты, общие характеристики. Но очень важно изучить вопрос о том, как связан процесс деятельности читателя со структурой личности человека. Это особенно важно знать при исследовании воспитательной функции книги, ее роли в воспитании сознательности. Именно анализ на уровне целостной личности,— который социология осуществляет также, но лишь в меру своих возможностей,—сейчас является очень важной задачей. Ведь все потребности, мотивы, интересы, все умения и навыки, с которыми мы работаем, когда занимаемся чтением, взаимосвязаны в структуре личности,— и этого нельзя упускать из виду.

В-третьих, имеет место определенная несопоставимость результатов социологических исследований. Это отнюдь не значит, что они в принципе несопоставимы, тем более что сейчас активно ведется работа по унификации социологических методик, по объединению ведущихся и планируемых социологических исследований в сфере идеологии. Но при всем этом результаты социологического исследования дают лишь изолированные характеристики, они не рисуют нам, как правило, картины развития сознания читателя и развития общественного сознания читательской аудитории. Они показывают эволюцию только некоторых характеристик, некоторых зависимостей.

В-четвертых, социологическим исследованиям свойственна известная нединамичность. Огромные затраты труда, необходимые для проведения социологического исследования, в итоге дают, так сказать, моментальную фотографию, моментальный снимок. Но для задач психологического воздействия на читателя особенно важен как раз динамический аспект этого воздействия, важно непосредственно проследить, каким образом изменение тех или иных факторов процесса чтения, та или иная организация этого процесса отражаются на эффективности ру-

ководства чтением. И здесь, по-видимому, надо искать какие-то другие, более оперативные методы изучения эффективности процесса чтения. Такими прежде всего являются психологические методы.

У нас в стране психологические исследования чтения ведутся, как известно, уже давно и дали в ряде случаев существенные результаты. Можно назвать имена таких известных специалистов в области психологии чтения, как О. И. Никифорова, П. М. Якобсон, Л. И. Беляева. Эти исследования заложили серьезную основу для комплексного психологического, социально-психологического или, можно даже сказать, социологически-психологического изучения процессов чтения. Но следует сделать, тем не менее, несколько замечаний по поводу проведенных или ведущихся исследований подобного рода.

Прежде всего, эти исследования специализированы на читательских интересах, потребностях, мотивах и базируются, как правило, на данных общей и социальной психологии, в частности на результатах изучения типологизации личности. Однако насколько можно судить по имеющимся публикациям, такое включение психологии чтения в систему общепсихологических и социально-психологических исследований недостаточно, поскольку в их основе лежит, условно говоря, индивидуальная психология. При этом обычно используется типология, так сказать, изолированных читателей, в то время как социально-психологическая обусловленность того или иного типа читателей остается не выявленной. Другими словами, акцент делается на рассмотрении личного опыта читателя, в значительно меньшей мере учитывается влияние его социального опыта.

Далее, исследование читательских интересов, мотивов, потребностей в основном идет через осознание читателем того, что и как он читает. Это прежде всего психология прямых читательских оценок и мнений. Но если некто говорит, что ему интересна та или иная книга, это еще не значит, что она ему действительно нравится. Если некто называет тот или иной мотив чтения, то это еще не значит, что данный мотив действительно занимает то место в его системе мотивов, которое он отметил. По-видимому, должны быть какие-то иные психологические методики, которые позволяли бы не путем выяснения только мнений самого читателя, а и объективно, экспериментально выявлять те же самые вещи.

Кроме того, психологические исследования чтения оказываются сосредоточенными преимущественно на одном виде литературы, а именно — на художественной литературе. Конечно, само по себе это чрезвычайно интересно, поскольку художественная литература — самый сложный из видов литературы. Художественное восприятие книги наиболее трудно изучать психологически. Но ведь есть и другие типы текстов, другие виды книг, изучать воздействие которых на личность не менее важно.

А методы, хорошо работающие на художественной литературе, совершенно не обязательно будут так же адекватно работать, скажем, на литературе общественно-политической или научно-популярной.

И, наконец, очень важно изучать не только интересы, потребности, мотивы, но и возможности, способы удовлетворения этих потребностей, мотивов и интересов. Чтобы восприятие книги было эффективным, нужно уметь понять ее, читатель должен владеть умениями смыслового восприятия текста данного типа. Но чтобы понять, он, в свою очередь, должен просто-напросто уметь прочесть текст, что совсем не так просто, как иногда кажется. Экспериментально доказано, что разные типы текстов требуют разных способов чтения, разных стратегий получения из них смысловой информации⁴. Проблема так называемого быстрого чтения, о которой так много и, к сожалению, чаще всего бесплодно у нас говорят,— в сущности проблема выработки у читателя адекватной данному виду текста стратегии чтения.

Поэтому возникает сложнейшее переплетение различных видов текста, различных задач чтения, различных способов и уровней оперирования с текстом. И все это является предметом психологического изучения.

Уместно остановиться на более конкретных психологических задачах и методах, возникающих при исследовании чтения.

Рассмотрим в первую очередь то, что представляется главным: выявление реальной типологии текстов и ее взаимоотношения с типологией читателей, возможность активной ориентации типа текста на тип читателя. Традиционная типология текстов имеет дело скорее с книговедческими характеристиками, с наиболее общими формальными характеристиками данного типа текста. Опираясь на экспериментально-психологическую основу и прежде всего на психолингвистические методики семантического шкалирования текстов⁵, ее можно, по-видимому, в какой-то степени расчленить.

Первым этапом исследования будет выявление разных типов оценки одного и того же объекта (книги или какого-либо другого текста) нерасчлененным пока континуумом читателей. На этом этапе тип текста мы будем считать заданным. В результате получим объективное разделение множества читателей на подмножества по способу оценки, по применяемым критериям. Эти данные на втором этапе могут быть использованы для того, чтобы посмотреть, как определенные типы текстов взаимодействуют с разными читательскими группами. И наконец, на третьем этапе полученные данные могут позволить изменить саму систему типов текстов, изменить структуру потока информации. Было бы исключительно важно разработать рекомендации относительно характеристик тех текстов, которые мы, имея конкретную задачу социально-психологического, социологического и идеологического воздействия, даем определенной читательской

группе, определенному типу читателей. И если иметь в виду распространение книги, то возникает вопрос — какие признаки данной книги, данного типа книг должны быть в работе библиотек «рекомендующими» признаками этой книги, этого типа книг, т. е. что в этой книге для данной категории читателей является наиболее привлекательным, стимулирующим читательскую потребность, интерес к ней.

Далее возникает задача воспитания читательских умений, адекватных способности эффективного восприятия данного типа текста. Эта проблема может варьироваться в зависимости от типа текстов. Если умения восприятия художественного текста относительно хорошо исследованы⁶, то применительно к адекватному восприятию других типов текста о них известно гораздо меньше. Существуют, конечно, общие методики, позволяющие в той или иной степени оценить подготовленность читателя к восприятию текста. Сошлемся хотя бы на психолингвистическую методику социологического исследования, разработанную Т. М. Дридзе⁷. Но тем не менее вопрос в значительной мере остается открытым.

Надо сказать и о формальных умениях, т. е. о технике чтения. Проблемы техники чтения стоят не только применительно к скорочтению и аналогичным задачам. Возникает целый ряд проблем и в системе психологии восприятия массовой коммуникации, в том числе в системе восприятия книги, которые требуют исследования стратегий формального оперирования с текстом. Так, существует крайне острая проблема закономерностей восприятия текста школьного учебника: очевидно, что само это восприятие и даже характер текста связаны со степенью владения техникой чтения.

Сейчас разработана электроокулографическая методика, которая позволяет с достаточной степенью достоверности регистрировать технику чтения⁸. И хотя эта методика была создана применительно к чтению газеты, вернее к возможностям прослеживания движения глаза по газете, она, по-видимому, может быть модифицирована и для других целей.

Следующая задача — как вообще работать с текстом. Для того чтобы анализировать взаимоотношения текста и читателя, нужно иметь некоторую методику работы с самим текстом. В этом отношении прежде всего следует отметить методику смыслового предикативного анализа текста⁹, которая в последнее время была отработана в целом ряде экспериментальных исследований и, на наш взгляд, может служить одной из основ будущего комплексного психологического исследования процесса чтения.

Остановимся на еще одной очень существенной проблеме. Говоря о необходимости изучения социальных функций книги, можно поставить вопрос: а владеем ли мы методиками и категориальной системой, позволяющими описывать деятельность

чтения с социальной точки зрения? В известной степени такие методики, такая категориальная система содержатся в новой области общей психологии, называемой психологией общения¹⁰. Думается, весьма важно привлечь к исследованию чтения, включить в эти исследования то, что уже сделано по проблемам восприятия массовой коммуникации, в частности по проблеме социально-групповой обусловленности этого восприятия, по управлению эффективностью массовой коммуникации. Большую роль может сыграть здесь исследование социально-психологических характеристик реципиента, которые формируют его отношение к данному типу книги, к данному тексту¹¹.

Среди целого ряда разработанных методик оценки уровня понимания, уровня смыслового восприятия текста укажем только на две. Первая из них, предложенная А. А. Брудным¹², основана на восстановлении разрушенного текста: из отдельных кусков, на которые некоторый текст разделяется, испытуемый должен составить связный текст. Здесь выявляется масса интереснейших и личностно-психологических, и социально-психологических факторов, определяющих путь решения задачи, что позволяет подойти в известной мере к проблеме целостности текста. Возникает вообще вопрос о том, как можно изучать текст. В рамках современной лингвистики и психолингвистики проблемы текста сейчас очень интенсивно разрабатываются. Однако границы статьи не позволяют остановиться на этом подробнее¹³.

Вторая методика, о которой я хочу упомянуть, разработана О. Д. Кузьменко¹⁴. Она основывается на исследовании понимания в условиях психологических помех. Экспериментатор искусственно усложняет понимание и смотрит, как при возникших обстоятельствах оно меняется.

Следующая проблема, о которой уже отчасти говорилось, — исследование соотношения потребностей, мотивов, интересов и реальной деятельности чтения, реальной эффективности чтения, вообще исследование деятельности чтения во всей ее психологической целостности¹⁵. Думается, что в рамках методики семантического шкалирования можно найти подход к решению этого вопроса путем анализа и взаимного соотнесения системы оценок текста по общей характеристике типа текста, по названию книги, по оглавлению книги, по части текста и по целому тексту.

Столь кратко охарактеризованные имеющиеся методики можно и должно соединить в некоторое единое целое, формализовать, вынести в реальное полевое исследование, — большая часть из них к этому уже готова.

Коррелируя психологические данные с данными других исследований, особенно в области социологии и социальной психологии, мы сможем получить некоторое единое представление о процессе деятельности читателя. И особенно важным кажется здесь то, что, быть может, станет возможным поставить в ходе этого комплексного анализа проблему книги как психологиче-

ского целого. Ведь до сих пор исследователи чаще всего работали не с книгой как некоторым целым, а с отдельными ее характеристиками, возникающими в сознании читателя, а если и занимались комплексным исследованием, то отдельного, «вырванного» из книги, текста. Видимо, на современном этапе исследования психологии чтения очень важно поставить именно задачу исследования книги как некоторого психологического единства — не только книговедческого, не только структурного, — но единства, с точки зрения читателя, читательской аудитории.

- ¹ Брежнев Л. И. О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик. М., 1972, с. 56, 57.
- ² Вальдгард С. Л. Очерки психологии чтения. М.—Л., 1931, с. 21.
- ³ См., напр.: Книга и чтение в жизни небольших городов. М., 1973.
- ⁴ См. дипломную работу Т. А. Борисовой «Влияние дистанции на смысловое восприятие текста». (Факультет психологии МГУ, 1973).
- ⁵ См.: Батов В. И., Сорокин Ю. А. К вопросу о применении метода семантического дифференциала для установления авторства текстов.— В кн.: Общая и прикладная психолингвистика. М., 1973; Сорокин Ю. А. Смысловое восприятие текста и библиопсихология. Автореф. канд. дис. М., 1973.
- ⁶ См., напр.: Никифорова О. И. Психология восприятия художественной литературы. М., 1972; Никифорова О. И. Исследования по психологии художественного творчества. М., 1972.
- ⁷ Дридзе Т. М. Язык информации и язык реципиента как факторы информированности.— В кн.: Речевое воздействие. М., 1972. См. также: Клецкая З. М. Некоторые вопросы методики исследования уровня развития читателей младшего школьного возраста.— В кн.: Проблемы чтения и формирования человека развитого социалистического общества. Научная конференция. Тезисы докладов и сообщений. М., 1973, с. 166—169.
- ⁸ См. дипломную работу В. В. Мельникова «Исследование стратегии чтения газеты» (Факультет психологии МГУ, 1972).
- ⁹ См., напр.: Дридзе Т. М. Указ. соч.; Борисова Т. А. Указ. соч.
- ¹⁰ См.: Леонтьев А. А. Психология общения. Тарту, 1974.
- ¹¹ См.: Шерковин Ю. А. Психологические проблемы массовых информационных процессов. М., 1973.
- ¹² Брудный А. А. Понимание как компонент психологии чтения.— В кн.: Проблемы чтения и формирование человека развитого социалистического общества, с. 121—124.
- ¹³ Сошлемся, например, на сб. «Лингвистика текста» (М., 1974).
- ¹⁴ Кузьменко О. Д. Стратегия и тактика чтения и категории чтецов.— В кн.: Смысловое восприятие речевого сообщения (в печати).
- ¹⁵ Это тот предмет, которому в значительной мере посвящены работы Л. И. Беляевой (см., например, ее статью в данном сборнике).

Распространенность и интенсивность чтения в городской рабочей среде

(По материалам изучения бюджетов времени)

Проблемы чтения, его распространенности и характера занимают ныне одно из важных мест в изучении социально-культурного развития советского общества. Это и понятно, ибо социальная роль чтения, как и всего комплекса явлений, связанных с культурой, сегодня выше, чем когда-либо раньше. Крутой подъем материального благосостояния отнюдь не снижает значимости дальнейшего роста духовной культуры в зрелом социалистическом обществе. И в общеисторической перспективе, и в личностно-субъективном ощущении процесс все большего удовлетворения первичных, материально-вещественных нужд создает возможность резкой интенсификации вторичных, социально-культурных потребностей. Реализация подобной возможности, ее превращение в действительность являются подлинной общественной необходимостью. Конечно, без повышения благосостояния невозможно обеспечение интересов народа и строительство коммунизма. Но материальная обеспеченность, не сопровождающаяся культурным развитием, может повести к духовной убогости, к распространению мещанской ограниченности, к культу вещей как таковых. Лишь в сочетании с духовным ростом скачок в материальном потреблении создает почву для всестороннего развития личности.

В социалистическом обществе основой сознательной и планомерной политики развития духовной и культурной жизни масс должно быть точное и детальное знание сложного переплетения социальных факторов, определяющих естественное движение культуры. В этом смысле пристальное внимание общественных наук к проблемам повседневной культурной жизни есть отражение глубокой общественной потребности, связанной, в конечном счете, с необходимостью сочетать подъем материального потребления с повышением культуры. Растущий интерес к изучению чтения больше всего обусловлен именно этой общей закономерностью.

Надо, впрочем, отметить, что обращение многих исследователей к проблемам чтения в немалой степени связано с еще одним специфическим обстоятельством. Стремительное развитие телевидения заставляет задуматься о месте чтения вообще и особенно книжного чтения в мире обозримого будущего. Книга столетиями выполняла функцию одного из главных средств духовного развития человечества. Уже само наличие простой вероятности полного или частичного вытеснения книги телевидением или другими электронными средствами отражало бы слиш-

ком серьезное явление, чтобы его можно было игнорировать. Угроза книге — даже если она только предполагается, — равно как и необходимость сочетания печатных изданий с новыми средствами передачи знаний и иных культурных ценностей дополнительно стимулируют развитие социальных исследований в сфере чтения. Вряд ли нужно подробно доказывать, что исследования в области чтения носят междисциплинарный характер. К анализу чтения, его распространенности, вызываемых им следствий приложимы социологические, психологические, культурологические, экономические, даже товароведческие подходы. Из множественности способов изучения вытекает, что активизировать посвященные ему исследования можно, по меньшей мере, двумя путями. Прежде всего, возможно движение «вглубь», т. е. дальнейшая теоретическая и методическая разработка специфически книговедческой и библиотековедческой проблематики, где чтение является главным предметом изучения и применяемые методы полностью и исключительно обусловлены этим предметом. Однако немалое значение имело бы и движение «вширь», т. е. расширение самого спектра исследований, извлечение сведений, полезных для познания чтения, из материалов, так сказать, смежных, связанных с чтением лишь косвенно. Разумеется, последний путь всегда будет иметь вторичное, вспомогательное значение. Однако в сочетании с развертыванием специальных работ использование исследований смежного характера может оказаться очень важным средством пополнения наших знаний о социальных проблемах печати.

Мы попытаемся на конкретном примере показать, как можно изучать социальные проблемы чтения путем использования социологических материалов, первоначально собранных с иными целями. Несколько обследований быта и свободного времени рабочих в крупных городах Европейской части СССР, проведенных в 1965—1970 гг.¹, естественно, не были ориентированы на изучение чтения. Однако поскольку их основу составляют бюджеты времени, то они содержат сведения о продолжительности, распространенности и регулярности повседневных занятий, в том числе и чтения. Разумеется, данные о чтении, получаемые из бюджетов времени и опросов относительно частоты тех или иных действий, много беднее, так сказать, суше, чем сведения, являющиеся результатом социологических исследований, целиком посвященных чтению. Однако в некоторых отношениях первые материалы оказываются надежнее последних.

Особенно важно учитывать высокую вероятность снижения «ошибок памяти» и «ошибок сокрытия» при использовании бюджетов времени и сходных с ними методов. В большинстве специальных социологических обследований чтения у опрашиваемых выясняются данные о частоте обращения к книге и о ее распространенности с помощью выражений типа «много», «мало», «часто», «редко» и т. д. В подобных случаях подавляющее большин-

ство обследуемых в той или иной степени ошибается в своих ответах как вследствие несовершенства памяти, так и из-за субъективного истолкования выражений этого рода. К тому же чтение в нашем обществе пользуется чрезвычайно высоким престижем, что порождает у респондентов бессознательное желание дать более благоприятные для себя ответы.

Поскольку и изучение бюджетов времени и близкие к ним опросы об интенсивности занятий построены на методе моментных наблюдений², подобные искажения здесь встречаются гораздо реже, так как обследуемый сообщает о своих действиях в течение строго определенного периода. В ходе упомянутого изучения быта городских рабочих они записывали все основные свои занятия в течение одного буднего дня, субботы и воскресенья, а также отвечали на вопросы о некоторых действиях в течение более длительного времени (в частности, указывали число книг, прочитанных ими за месяц, предшествовавший обследованию). Сокращение вероятности «ошибок памяти» при подобном подходе очевидно. Вряд ли можно сомневаться, что в ходе моментных наблюдений снижается и доля «ошибок сокрытия»: сообщение о малой интенсивности действий, имеющих высокий престиж, скажем чтения, в течение конкретного дня или месяца ощущается человеком далеко не так остро, как признание им своего недостаточного развития путем констатации фактов с употреблением слов «вообще», «обычно», «всегда». Высокая надежность данных, полученных с помощью анализа бюджетов времени, в немалой степени связана также с тем, что имеется длительный, идущий еще от классических трудов академика С. Г. Струмилина, опыт их разработки в нашей стране. Все это дает основание надеяться, что материалы изучения быта и повседневного поведения могут оказаться небесполезными при исследовании социальных проблем чтения.

Уже самые общие сведения о распространенности и продолжительности чтения городских рабочих позволяют сделать ряд интересных выводов. В частности, материалы упомянутых нами исследований дают своего рода количественную меру культурного прогресса в сфере чтения. В этой связи крайне поучительно сопоставить данные 1965—1970 гг. с цифрами, полученными С. Г. Струмилиным в итоге изучения бюджета времени рабочих Петрограда, Москвы, Иваново-Вознесенска в 1922 г. Тогда в крупнейших культурных и промышленных центрах книги и журналы читали около 40% рабочих и примерно 20% работниц; продолжительность чтения составляла 1,7 ч в неделю у мужчин и 0,6 ч — у женщин³. Через четыре с половиной десятилетия 51% обследованных как среди мужчин, так и среди женщин читает не менее одной книги в месяц, 92% мужчин и 70% женщин регулярно читают газеты. Повысилась и продолжительность чтения — она достигла в среднем 2,3 ч в неделю у рабочих, 2,2 ч у работниц.

Спору нет, сопоставление данных, полученных в различных городах и по не вполне тождественным методикам, носит условный характер. Однако основную тенденцию — рост культуры рабочего класса за годы Советской власти — оно показывает с полной очевидностью.

Ту же закономерность отражает и гораздо более широкое развитие чтения в советском городе сравнительно с городами других экономически развитых стран. Проведенное в 1965 г. международное обследование бюджетов времени, в котором оценивались один советский город и целый ряд зарубежных городов, показало, что продолжительность чтения в СССР в полтора-два раза выше, чем в США, Франции, ФРГ⁴.

Приведенные данные, свидетельствуя об огромных успехах в развитии культуры в нашей стране, одновременно отражают проблемы, стоящие перед обществом. Тот факт, что почти половина рабочих и работниц даже в крупных городах далека от регулярного чтения книг, не может не вызывать озабоченности.

Однако, как ни важны общие данные, решающее — и теоретическое и прикладное — значение имеют материалы, характеризующие распространенность и продолжительность чтения в различных социально-демографических группах и показывающие изменения в сфере чтения под влиянием тех или иных социальных факторов.

Существует мнение, что в ряду жизненных обстоятельств, непосредственно воздействующих на чтение, наибольшая роль принадлежит факторам культуры. Материалы обследования бюджетов времени полностью подтверждают такой вывод. Весьма выразительны в этой связи данные о продолжительности и распространенности чтения книг у рабочих и работниц с неодинаковым уровнем образования (табл. 1 и 2).

Таблица 1

Продолжительность чтения книг в зависимости от пола и образования (ч-мин в неделю)

Читавшие книги	4 кл. и менее	5—7 кл.	8—10 кл.	Среднее специальное, незаконч. высшее, высшее
Женщины	0.50	2.20	2.35	1.45
Мужчины	1.05	2.05	2.10	2.45

Как видно из табл. 2, одно только повышение школьной подготовки от начальной до средней увеличивает распространенность чтения книг в два-три раза.

Таблица 2

Доля читавших книги в течение месяца, предшествовавшего обследованию, в зависимости от пола и образования (% к численности обследованных каждой образовательной группы)

Читавшие книги	4 кл. и менее	5—7 кл.	8—10 кл.	Среднее специальное, незаконч. высшее, высшее
Женщины	22	46	73	74
Мужчины	33	47	57	58

Впрочем, если бы все выводы, следующие отсюда, ограничивались простой констатацией связи между образованием и чтением, необходимость использования материалов бюджетов времени для изучения проблем книжного обращения оставалась бы в высшей степени сомнительной. Дело, однако, обстоит иначе. Ценность временных данных, связанных с самой их количественной формой и особой надежностью, состоит в том, что они показывают некоторые довольно тонкие черты зависимости между образованием и чтением. Уже из табл. 1 и 2 видны неравномерный характер, нелинейная природа этой зависимости. Малограмотные и малообразованные рабочие — низшая образовательная группа рассматриваемого ряда — это люди, в подавляющем большинстве не имеющие никакого отношения к книге или связанные с ней лишь эпизодически. Более подробные данные показывают, что несколько последующих лет обучения интенсифицируют чтение. Однако примерно на уровне неполного среднего образования происходит перелом: с увеличением числа оконченных классов распространенность чтения в рабочей среде практически перестает расти. Результаты, полученные при обследовании условий и образа жизни трудящихся г. Таганрога, свидетельствуют, что распространенность регулярного чтения книг у людей с образованием 7—9 классов, и у тех, кто имеет среднее специальное образование (большинство в этих группах составляют рабочие), стабилизируется на уровне примерно 55—60%.

Было бы неверно делать отсюда поспешное заключение, что с достижением неполного среднего образования вообще исчезает зависимость чтения от образовательной подготовки. Более высокие уровни образования снова приводят к интенсификации чтения. В Таганроге, например, уже среди рабочих, окончивших полную среднюю школу, доля людей, регулярно читающих книги, поднимается до 65%. У лиц с высшим образованием, в основном, правда, принадлежащих к интеллигенции, этот пока-

затель достигает 80% (в том числе у женщин 90%). Из этих данных можно заключить, что связь между образованием и чтением имеет ступенчатый характер, что она проявляется не столько в монотонном возрастании интереса к чтению, сколько в его скачкообразном изменении после достижения определенных культурно-образовательных рубежей.

Разумеется, эти рубежи в различных условиях могут быть весьма неодинаковыми. Так, в молодежной рабочей среде массовое распространение книги фактически обеспечивается уже 5—7-летним школьным образованием (табл. 3)

Таблица 3

Затраты времени на чтение у несемейной молодежи
в зависимости от пола и образования (ч-мин в неделю)

Читавшие книги	4 кл. и менее	5—7 кл.	8—10 кл.	Среднее специальное
Женщины	1.60	6.20	4.10	4.20
Мужчины	0.15	4.25	3.20	5.30

Поскольку у обследованных нами лиц чтение одной книги в среднем занимает 8—10 ч, постольку на каждого молодого рабочего, имеющего образование 5—10 классов, приходится не менее двух прочитанных книг в месяц. Нет сомнения, что еженедельное или более частое обращение к книге типично для подавляющего большинства молодых людей с достаточно удовлетворительной школьной подготовкой. Видимо, как раз первичные основы современного школьного образования (5—7 классов) создают рубеж в развитии молодежного чтения: именно с этого уровня потребность в книге приобретает у основной части молодежи устойчивый характер. Соответственно и распространенность чтения в трех высших группах принятого нами культурного ряда меняется сравнительно мало. Практически это означает, что дальнейшее улучшение количественных и особенно качественных показателей чтения в молодежной среде зависит не столько от повышения формальной образованности, сколько от развития внутренней индивидуальной культуры.

Интересна еще одна особенность взаимоотношений образования и чтения: данные о доле людей, ежемесячно и чаще обращающихся к книге, показывают, что интенсивность книжного чтения возрастает под влиянием общего среднего образования гораздо заметнее, чем в связи с окончанием средних специальных учебных заведений. По-видимому, решающую роль здесь играет общекультурная, гуманитарная направленность обуче-

ния, отличающая школу от многих техникумов и училищ. Это обстоятельство имеет особое значение сегодня, когда закономерностью становится сосуществование различных форм среднего образования. Думается, что более тесная связь школьного обучения с ростом интереса к чтению должна быть учтена при составлении программ по предметам гуманитарного цикла для учащихся профессионально-технических училищ и для студентов средних специальных учебных заведений.

Культура и образование несомненно оказывают очень сильное воздействие на развитие чтения. Однако из этого никак не следует, что они являются единственными социальными факторами, определяющими место книги в повседневной жизни той или иной группы. Ценность данных бюджетов времени заключается, кроме всего прочего, в том, что они показывают зависимость чтения от иных, прямо не связанных с культурой и образованием, жизненных обстоятельств.

Значительный интерес представляет, в частности, вопрос о связи чтения с семейно-возрастными характеристиками, поскольку от них в чрезвычайно большой степени зависят многие другие формы повседневного поведения. Отмеченные выше различия в воздействии образования на чтение молодежных и немолодежных групп в рабочей среде также подводят к мысли о значимости этого фактора.

И действительно, данные о распространенности и продолжительности чтения в различных семейно-возрастных группах отражают явные изменения этих показателей при движении человека по этапам жизненного цикла (табл. 4 и 5).

Таблица 4

Продолжительность чтения книг в зависимости от пола и семейно-возрастного положения (ч-мин в неделю)

Читавшие книги	Несемейная молодежь	Молодые супруги	Родители несовершеннолетних детей в семьях			Пожилые
			простых	сложных	неполных	
Женщины	4.35	1.45	1.15	1.05	1.00	0.30
Мужчины	3.25	2.25	1.50	1.40	—	0.40

Наибольшая интенсивность чтения в ряду семейно-возрастных групп характерна для молодежи. Среди обследованных молодежь составляет примерно 20%, а на ее долю приходится 33% книг, прочитанных всеми опрошенными за месяц, предшествовавший обследованию. Конечно, повышенный интерес молодежи к книжному чтению обусловлен в значительной степени более высоким уровнем образованности молодых рабочих по

сравнению с рабочими старших возрастов. Вместе с тем из данных сопоставления семейно-возрастных групп, выравненных по образованию, видно, что несемейные молодые рабочие читают больше, чем матери и отцы семейств или пожилые рабочие, и в том случае, когда они имеют одинаковое образование. Семейно-возрастная принадлежность есть фактор, прямо и самостоятельно — а не только косвенно, через образование, — воздействующий на чтение. Молодость человека, время завершения его культурной и профессиональной социализации вызывают потребность в быстром освоении знаний и представлений, свойственных обществу, в котором он живет. Книга — во всяком случае до сих пор — оказывалась более эффективным средством приобщения к базовым, исходным ценностям культуры, нежели телевизор или другие средства информации. Это, видимо, и определяет ее особую, в известной степени не зависящую от образования, распространенность в молодежной среде.

Таблица 5

Доля читавших книги в течение месяца, предшествовавшего обследованию, в зависимости от пола и семейно-возрастного положения (% к численности обследованных каждой семейно-возрастной группы)

Читавшие книги	Все опрошенные	Несемейная молодежь	Молодые супруги	Родители несовершеннолетних детей в семьях			Пожилые
				простых	сложных	неполных	
Женщины	58	78	66	45	51	49	36
В том числе 4 книги и более	7	20	10	6	5	4	5
Мужчины	54	71	56	49	55	—	42
В том числе 4 книги и более	12	18	14	13	8	—	7

Интересно отметить, что на молодежном этапе жизненного цикла девушки читают больше, чем юноши (см. табл. 3, 4). Быть может, здесь сказывается то обстоятельство, что естественная в молодости потребность в общении, при которой девушке традиционно отведена несколько более пассивная роль, находит свое выражение в повышенной тяге к произведениям художественной литературы, способным в какой-то мере передать жизненный опыт, постигаемый юношами в дружбе, активном общении со взрослыми и т. п. Впрочем, это лишь предположение, и только специальное исследование сможет показать подлинные причины фиксируемой бюджетами времени тенденции к некоторой феминизации молодежной читательской аудитории.

На следующем этапе жизненного цикла, связанном с формированием семьи и начальной порой ее развития — до появления детей, — происходит уменьшение числа читателей и некоторое снижение интенсивности чтения, более резкое у женщин (хотя и на этом этапе среди них читателей все еще больше, чем среди мужчин). Видимо, освоение семейных обязанностей, вызывающее рост домашних забот и уменьшение свободного времени, с одной стороны, и стремление к совместному, общесемейному проведению досуга — с другой, приводят к сокращению распространенности и продолжительности чтения, как исключительно индивидуального вида потребления культуры.

Падение значимости чтения продолжается и на следующей ступени семейной жизни, на ее центральном этапе, когда человек живет в сложившейся, зрелой семье, включающей в свой состав несовершеннолетних детей. Снижение интенсивности чтения в это время ярче всего проявляется в уменьшении его продолжительности. Такое положение во многом, несомненно, связано с общим ростом семейных обязанностей. Домашний труд в этот период занимает столько времени, что он неизбежно и существенно ограничивает развитие прочих форм жизнедеятельности. Особенно очевидны последствия подобного ограничения у женщин. Затраты времени на внесемейное общение, культурные занятия, поездки за город составляют у них лишь 10—15 ч в неделю против 30—40 ч домашнего труда и занятий с детьми. У отцов семейств ограничивающая роль домашнего труда и занятий с детьми проявляется слабее — 14—16 ч в неделю, в то время как на общение, спорт, культурную деятельность уходит 24—25 ч.

Неудивительно, что именно на центральном этапе жизненного цикла распространенность и продолжительность чтения у женщин начинает отставать от соответствующих показателей мужчин. Характерно также, что в сложных семьях, где бремя домашних забот разделяют родственники, процент читающих несколько выше, чем в простых семьях, домашний труд в которых полностью ложится на плечи супругов.

Вместе с тем анализ бюджетов времени свидетельствует, что недостатком досуга нельзя полностью объяснить сокращение интенсивности чтения на центральном этапе жизненного цикла. В этот период чрезвычайно резко увеличивается время, уделяемое телевидению. Например, у семейных рабочих с образованием 5—7 классов продолжительность чтения сравнительно с молодежью той же образовательной группы сокращается в среднем на 3,5 ч в неделю, тогда как время, уделяемое телевидению, возрастает более чем на 5 ч. У семейных работниц с тем же образованием переход к центральному этапу жизненного цикла сопровождается сокращением чтения на 5 ч в неделю и увеличением времени просмотра телепередач на 2,5 ч. Видимо, снижение

роли книги в повседневной жизни семейных людей вызывается не просто нехваткой времени, но тем обстоятельством, что высокая трудовая активность и расширение домашних обязанностей требуют более простых, часто пассивных форм проведения досуга, нежели чтение.

Разумеется, закономерность некоторого уменьшения интенсивности книжного чтения у матерей и отцов семейств отнюдь не означает, что нынешние размеры подобного спада неизбежны и неотвратимы. По-видимому, книга всегда будет играть в жизни молодежи большую роль, чем в период зрелости человека. Однако рост культуры и целеустремленная культурная политика могут обеспечить всеобщее распространение книжного чтения (пусть менее продолжительного) и на центральном этапе жизненного цикла.

Переход к нисходящим этапам жизненного пути, границами которых в нормальных случаях может быть совершеннолетие детей и прекращение труда в общественном производстве, также сказывается на чтении. Правда, в нашей выборке речь идет лишь о той группе пожилых людей, которые продолжали работать в то время, как их дети уже стали самостоятельными. Для этой группы скорее характерна, так сказать, «предстарость», а не «старость в чистом виде». Однако общее направление перемен ощущается здесь достаточно ясно. В частности, не вызывает сомнения усиление домашней направленности повседневной культурной жизни стареющих людей. В этот период происходит и дальнейшее сокращение такой ее формы, как чтение художественной литературы. Представляется закономерным, что в нашей выборке стареющие рабочие оказались наиболее далекой от книги семейно-возрастной категорией: 64% пожилых женщин и 58% мужчин в течение месяца, предшествовавшего обследованию, не прочли ни одной книги. Спору нет, эти цифры отражают не только влияние семейно-возрастного положения, но и более низкий уровень образования старших поколений обследованных рабочих (40% опрошенных в этой семейно-возрастной группе — люди, имеющие школьную подготовку лишь в объеме 4 классов и меньше). Но данные о продолжительности книжного чтения говорят, что оно сокращается у стареющих людей даже при сравнении однородных по образованию групп. Старение — так же как переход от молодости к зрелости — это особый, самостоятельный фактор, воздействующий на чтение не только в связи с образованием, но и независимо от него. (Надо, впрочем, заметить, что в старости сокращается именно чтение книг. Интерес к газете на этом этапе, наоборот, в большинстве случаев возрастает.)

Весьма сложно сказываются на продолжительности и пространности чтения факторы, относящиеся к благосостоянию той или иной семьи. Связь между чтением и материальным достатком имеет не прямой — как в случае образовательного

уровня и семейно-возрастных особенностей, а по преимуществу косвенный, опосредованный характер. Наиболее интересный вывод из обследований времяпрепровождения в этом отношении состоит в том, что имеет место крайне слабая зависимость между чтением и важнейшей характеристикой материального благосостояния — денежным душевым доходом.

Правда, простое сопоставление времени чтения у людей с различным доходом ведет как будто к совершенно иным заключениям. В обследованных семьях, в которых душевой доход не превышает 50 руб. в месяц, книги в течение месяца, предшествовавшего опросу, читало 37% женщин и 46% мужчин; в семьях с месячным душевым доходом свыше 75 руб. — соответственно 68 и 59%. Средние еженедельные затраты времени на чтение книг составили в первой группе 1 ч у работниц и немногим более 2 ч у рабочих, во второй группе соответственно 3,3 и 2,6 ч.

Однако подобное «простое» сопоставление скорее не проясняет, а затемняет воздействие отдельных факторов. Дело в том, что среди рабочих с невысоким доходом чрезвычайно велика доля родителей несовершеннолетних детей, а среди остальных очень много юношей и девушек, еще не обзаведшихся семьей. Чтобы судить о подлинном влиянии денежных доходов, необходимо выравнять группы с различными доходами по семейно-возрастному положению (табл. 6).

Таблица 6

Продолжительность чтения книг и журналов в зависимости от месячного душевого дохода (в руб.) и семейно-возрастного положения (ч-мин в неделю)

Семейно-возрастная категория	Месячный душевой доход в руб.		
	50 и менее	51—75	Свыше 75
Матери семейств	0.45	1.25	1.20
Отцы семейств	2.00	1.40	1.50
Незамужние девушки	4.10	4.10	4.50
Неженатые юноши	5.05	1.00*	4.05

* Данные по малопредставительной группе.

Отсюда становится очевидной слабая взаимосвязь между интенсивностью чтения в рабочей среде и уровнем дохода. Собственно, это и понятно: широчайшая сеть бесплатных массовых библиотек⁵ и относительно низкие цены на литературу делают чтение практически независимым от дохода.

Материалы бюджетов времени, показывающие относительную независимость чтения от уровня доходов, подтверждаются данными о наличии домашних библиотек у обследованных ра-

бочих. Например, у трудящихся г. Таганрога, имеющих дома книги, различия в группах с неодинаковым доходом намного меньшие, чем в группах, отличающихся по образовательному и семейно-возрастному положению своих членов (табл. 7).

Таблица 7

Доля обследованных, имеющих дома более 10 книг (помимо учебников) в зависимости от дохода, образования и семейно-возрастного положения (в % к численности данной группы)

Категория группировки	Рабочие	Специалисты
<i>Группы по месячному душевому доходу (руб.)</i>		
60 и менее	43	64
61—80	57	91
81—100	44	82
Свыше 100	37	76
<i>Семейно-возрастные группы</i>		
Несемейная молодежь*	58	72
Родители несовершеннолетних детей	53	83
Пожилые люди	29	67
<i>Образовательные группы</i>		
Начальное	30	—
Неполное среднее	49	—
Полное среднее	57	—
Среднее специальное	60	76
Высшее и незаконченное высшее	—	85

* Без учета юношей и девушек, живущих в общежитиях.

Конечно, воздействие культурных, семейно-возрастных и денежных факторов в области приобретения книг далеко не во всем совпадает с их влиянием непосредственно на чтение. Создание собственной библиотеки отражает не просто существование интереса к чтению, но и формирование устойчивой, глубокой, как правило, осознанной потребности в пользовании книгой. Такая потребность связана с культурой еще теснее, чем интерес к чтению в целом. В последнем суммируются все виды чтения, включая и эпизодическое, которое может вызываться случайными причинами. Неудивительно, что при сопоставлении до-

ли книговладельцев в различных группах решающая роль образования еще более заметна, чем при рассмотрении аналогичных данных о числе прочитанных книг.

Наоборот, разница в удельном весе владельцев библиотек по семейно-возрастным группам оказывается гораздо меньшей, чем разница в интенсивности их чтения. По-видимому, это объясняется тем, что движению по ступеням жизненного цикла сопутствуют факторы, по-разному воздействующие на приобретение книг. Повышенный интерес молодежи к чтению при прочих равных условиях способствует увеличению доли владельцев библиотек в молодежной среде. Но в семьях, где живут молодые рабочие, обычно есть пожилые люди, меньшее образование и меньший интерес к книге которых действуют в противоположном направлении. У отцов и матерей семейств несколько снижается интенсивность чтения. Однако приобретение книг для детей (а иной раз и желание создать библиотеку для них) едва ли не «перевешивает» уменьшение интенсивности собственного чтения. К тому же с годами книги в семьях накапливаются, и с подрастанием детей увеличивается в ряде случаев число семейных книговладельцев. Сложение всех этих противоположно направленных влияний, естественно, ослабляет, как бы смазывает различия между семейно-возрастными группами в вопросе о доле домашних библиотек, особенно когда это касается различий между молодежью и родителями несовершеннолетних детей. Впрочем, при всем том общая закономерность одинакова и для чтения и для приобретения книг. В социалистическом обществе факт создания домашней библиотеки преимущественно зависит от культуры той или иной семьи, от общей направленности ее устремлений, а не от доходов.

Относительно слабое воздействие дохода на сферу чтения, видимо, можно считать установленным фактом. Отсюда, однако, не следует, что чтение не связано с благосостоянием вообще и с материально-вещественным благосостоянием, в частности. Существенная особенность социалистической системы, обусловленная широким развитием общественных фондов потребления, состоит в том, что далеко не все стороны материального благополучия его членов зависят от их денежных доходов. Не в последнюю очередь это относится к жилищным условиям. Во всяком случае, в городской рабочей среде различия в жилищных условиях не совпадают с различиями в доходах. Между тем, как свидетельствуют данные бюджетов времени, жилищные условия, и прежде всего наличие или отсутствие коммунальных удобств, довольно заметно влияют на чтение. Коммунальные удобства существенно сокращают время, необходимое для повседневных домашних работ. Высвобождение времени в сфере домашнего труда приводит к увеличению времени занятий, связанных с приобщением к культуре, развлечениями. Работницы, пользующиеся в своем быту всеми основными коммунальными удобствами, могут уделять

значительно больше времени книге — свыше 3 ч в неделю против 1,5—2 ч у работниц, имеющих лишь некоторые удобства, и 1 ч с небольшим у проживающих без удобств. Та же тенденция наблюдается и у мужчин: рабочие, живущие в домах со всеми удобствами, проводят с книгой в среднем 2,5—3 ч в неделю, в то время как остальные — около 1,5 ч.

Помимо коммунальных удобств определенное воздействие на повседневную культурную жизнь, в том числе на чтение, оказывает сам тип жилища, в особенности степень его изолированности. Самостоятельное влияние этого фактора видно при сопоставлении времяпрепровождения рабочих, живущих в отдельных квартирах и в квартирах многосемейного заселения. Обеспеченность удобствами в обоих случаях примерно одинакова, так что их возможное воздействие оказывается выравненным. Поскольку проживание в отдельных квартирах не ведет к уменьшению времени, затрачиваемого на выполнение непреложных домашних обязанностей, то, по-видимому, дело заключается в том, что изолированное жилище существенно меняет общие условия, общую обстановку жизни. Отделение интимного быта семьи, устранение вынужденного и постоянного контакта с соседями, возможность определенной индивидуальной изоляции и покоя повышают привлекательность занятий, связанных с пребыванием дома.

У женщин, в жизни которых дом вообще играет большую роль, эта тенденция проявляется особенно ярко и недвусмысленно. Здесь наблюдается прямое увеличение домашних форм потребления культуры, в частности продолжительности чтения: работницы, живущие в отдельных квартирах, посвящают чтению более 2 ч в неделю, в коммунальных жилищах — около 1 ч.

Бюджеты времени позволяют начать изучение еще одного фактора, весьма сильно влияющего на развитие чтения. Речь идет о соотношении чтения и телевидения.

Телевидение за последнее десятилетие приобрело практически всеобщее распространение на большей части территории нашей страны. В зонах уверенного приема, где ныне живет почти $\frac{3}{4}$ населения СССР, телевизоры имеют 85—90% семей (по данным 1972 г.)⁶. Однако еще несколько лет назад, во второй половине 60-х гг., когда проходило обследование, результаты которого используются в настоящей статье, телевизорами пользовались лишь около 60% городских рабочих. В то же время в одних и тех же городах можно было наблюдать достаточно многочисленные группы, находившиеся практически в одинаковых условиях, кроме одного — владения телевизионным приемником. (Специальная проверка показала, что по всем основным социальным, культурным, материально-экономическим характеристикам рабочие, имеющие телевизоры и не имеющие их, мало отличались друг от друга.)

Положение временного равновесия открывает едва ли не уникальную возможность выявить по данным второй половины

60-х гг. ряд элементов «чистого» воздействия телевидения на многие повседневные занятия, включая чтение. Поскольку прочие условия сходны, для этого достаточно сопоставить данные того периода о затратах времени у людей, которые владели телевизорами, и у тех, которые их не имели.

Подобное сопоставление показывает, что появление телевизора в общем и целом несколько сокращает интенсивность книжного чтения (табл. 8).

Таблица 8

Доля людей, читавших книги в течение месяца, предшествовавшего обследованию, в зависимости от пола и наличия телевизора (в % ко всем опрошенным данной группы)

Наличие телевизора	Рабочие		Специалисты	
	женщины	мужчины	женщины	мужчины
Имеют	50	50	75	75
Не имеют	55	62	74	82

В этом, разумеется, нет ничего удивительного. Телесмотрение (если можно употребить это выражение) занимает в среднем 6—7 ч в неделю у работающих женщин и 10—12 ч у мужчин. Закономерно, что его внедрение в известной мере теснит иные виды времяпрепровождения, притом в значительной степени те, с помощью которых прежде удовлетворялись потребности, сегодня удовлетворяемые домашним экраном. Здесь, собственно, и кроется непосредственная причина отмечаемого во многих исследованиях спада популярности кино, книги, театра⁷.

С этой точки зрения сопоставление данных о чтении людей, уже приобретших и еще не приобретших телевизор, дает не слишком много нового. Разве что лишний раз подчеркивает наивность представлений тех наиболее рьяных почитателей книги, которые пытаются доказать, что распространение телевидения вообще никак не сказывается на чтении. Наиболее интересный вывод, который следует из табл. 8, состоит как раз в том, что телевизор в наших условиях лишь в относительно небольшой мере сокращает время книжного чтения.

Фактически основная масса времени, уделяемого телевидению, высвобождается за счет сокращения бездеятельного отдыха, «ничегонеделания», отчасти за счет домашнего труда. Продолжительность телесмотра значительно превышает время сокращения чтения. В итоге совокупное время культурных занятий у владельцев телевизоров выше, чем у прочих обследованных, хотя последние несколько больше читают и чаще бывают в кино.

Этот вывод становится особенно очевидным, если учесть, что пользование телевизором имеет поистине всеобщий характер, тогда как регулярное книжное чтение вошло в быт пока лишь примерно половины городских рабочих. Иными словами, развитие телевидения во многих случаях, так сказать, поднимает культурную целину, вообще никак не ущемляя чтения.

В целом телевизор в советском обществе теснит, но отнюдь не вытесняет и даже не сокращает сколько-нибудь значительно иные формы культурной жизни, в особенности книжное чтение. Подобное положение — одно из несомненных преимуществ социалистического стиля использования свободного времени.

Дело в том, что телевидение и чтение нельзя считать полностью взаимозаменяемыми элементами культурной жизни. Телевидение дает возможность получить живую, наглядную информацию о всех сторонах общественной жизни, науки, искусства, обеспечивает — хотя и опосредованный домашним экраном — доступ широчайшей аудитории в музей, театр, лекторий. Оно позволяет не только узнавать о событиях, но и непосредственно видеть их.

Книга, уступающая телевидению в непосредственной образности и доступности, тем не менее имеет некоторые преимущества перед ним. Книга открывает простор для наиболее глубокого освоения культуры, ибо именно чтение создает самые благоприятные условия для самостоятельных форм приобщения к духовным ценностям, для свободного и индивидуального их осмысления. Обычно эти преимущества связывают с тем, что выбор книг для чтения в отличие от выбора телевизионных программ, по существу, ничем не ограничен. Человек может читать то, что хочет, когда хочет, тем темпом, который ему более всего подходит, он может возвращаться к прочитанному, сопоставлять тексты. Надо, однако, сказать, что подобные, если так можно выразиться, вещественно-технические отличия имеют временный, преходящий характер. В обозримом будущем развитие техники, в частности космовидения, может очень существенно увеличить число принимаемых в самых отдаленных уголках планеты телевизионных программ и соответственно увеличить возможности выбора телепередач. Остановка передач, их повторение могут стать столь же простым делом, как смена книг или перерыв в чтении. Если бы существование проблемы состояло только в этом, совершенствование телевидения со временем, несомненно, привело бы к вытеснению чтения.

В действительности, однако, решающие достоинства книги как инструмента культуры связаны с самой природой передачи информации посредством чтения. Телевидение сообщает сведения в прямой зрительно-образной форме. Это обеспечивает их доступность, наглядность, увеличивает общую привлекательность культурной информации. Но здесь имеется и обратная сторона — особая сила и конкретность воздействия зрительных образов

что
тер,
ишь
зви-
ль-
одь
ьно
ие.
со-
но-
ви-
ма-
ва,
—
по-
но
аз-
ст-
ого
ри-
ов-
ле-
ниг
по
хо-
ит,
ты.
ть-
хо-
ст-
сло
он-
ра
ль
ли
за-
ес-
как
ин-
ия
уп-
ль-
—
ов

неизбежно снижают самостоятельность, индивидуальность восприятия информации. Чтение представляет собой более абстрактный вид приобщения человека к духовным ценностям. При прочих равных условиях именно вследствие относительной абстрактности чтения книга оставляет человеку больше простора для индивидуального воображения, открывает более широкие возможности разнообразия восприятия. В этом смысле книга оказывается тем средством передачи духовных ценностей, которое предохраняет общество от чрезмерного единообразия и конформности культурной жизни.

Короче, чтение и книга образуют, наряду с телевидением, необходимые элементы нормального развития культуры не только сегодня, но и в будущем. Чрезмерное, по существу, монопольное преобладание телевизионных форм получения информации, характерное для массовой культуры капиталистических стран, означает поэтому снижение уровня духовной жизни общества, ее упрощение и стандартизацию.

В советском обществе сознательное управление культурными процессами обеспечивает разумное взаимодействие источников информации вместо их стихийной конкуренции, как в капиталистическом мире. Такое взаимодействие, а также прочные традиции уважения к книге в русской культуре предотвращают резкое сокращение чтения под воздействием телевидения. Более того, в рамках социалистического общества удастся обеспечивать своего рода союз телевидения и печати, при котором домашний экран подчас выступает в роли популяризатора книги, становится средством приобщения новых групп населения к чтению. Подобные возможности телевидения необходимо еще шире использовать в будущем. Усложнение социальной жизни требует углубления культуры масс, а значит и упрочения книжного чтения в качестве элемента повседневного быта.

Понятно, что этого нельзя добиться без всестороннего изучения сложных и многообразных взаимодействий телевидения и книги.

Анализ бюджетов времени позволяет отразить, разумеется, лишь некоторые стороны подобного взаимодействия (выше упоминалось, что с помощью бюджетов времени только начинается исследование этих проблем). Полное и глубокое познание взаимодействия книги и телевизора возможно лишь на основе особых исследований, специально посвященных выяснению закономерностей функционирования различных средств информации. Данные бюджетов времени, дополняя и обогащая результаты подобных исследований, не могут, да и не должны заменять их.

¹ Основные итоги этих исследований опубликованы в книгах: Гордон Л. А., Клопов Э. В. Человек после работы. Социальные проблемы быта и вне-рабочего времени. М., 1972; Гордон Л. А., Римашевская Н. М. Пятидневка и свободное время трудящихся. М., 1972.

- ² О методе моментных наблюдений см., напр.: Римашевская Н. М. Метод моментных наблюдений в социальных исследованиях.— «Социальные исследования». М., 1965, вып. 1.
- ³ Струмилин С. Г. Избранные произведения. Т. 3. М., 1964, с. 197—198.
- ⁴ Международное сравнительное исследование бюджета времени. Новосибирск, 1969, с. 133.
- ⁵ Напомним, что в 1970 г. в СССР насчитывалось примерно 130 тыс. городов, рабочих поселков, сел и деревень с населением свыше 200 чел. и около 360 тыс. общедоступных библиотек. (Народное хозяйство СССР в 1972 г. Стат. сборник. М., 1973, с. 657; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. 1. М., 1972, с. 61, 146—147).
- ⁶ Расчет по данным сб. «Народное хозяйство СССР в 1972 г.» (с. 558).
- ⁷ Заметим, кстати, что снижение посещаемости кинотеатров под воздействием телевидения происходит в нашей стране гораздо менее интенсивно, чем в США и других буржуазных странах: в 1960—1972 гг. число посещений киносеансов в среднем на одного городского жителя сократилось в СССР с 22 до 19; в США соответствующий показатель снизился на протяжении 1950—1960 гг. (когда там шло бурное развитие телевидения) с 21 до 12. См. статистические сборники «Народное хозяйство СССР в 1972 г.» (с. 671) и «СССР и зарубежные страны после победы Великой Октябрьской социалистической революции» (М., 1970, с. 237).

Дв
проис
между
социал
его ра
гресс в
ны тру
Они вл
труда,
ховнук
них —
учно-те
зывает
ностны
Акт
полити
нейшег
сторон
крестья
ются в
обогащ
необход
в приоб
хозного
ки духо
зации, о
же фак
средств
искусств
Совр
с активн
туры, с
Средств
туру до
ниванию
регионов
крестьян
восприят
к ней.
Измен
труда вл

Познавательные интересы современного колхозного крестьянства и чтение

Движение советского общества к социальной однородности происходит на базе преодоления существующих еще различий между классами и социальными группами. В условиях зрелого социализма колхозное крестьянство вступило в новый этап своего развития. Научно-техническая революция, технический прогресс в социалистическом сельском хозяйстве затронули все стороны трудовой, социальной и духовной жизни сельского населения. Они внесли качественные изменения в содержание и характер труда, в систему социально-экономических отношений, в духовную жизнь, в структуру деятельности и общения, а через них — в психологию современного колхозного крестьянства. Научно-техническая революция в период развитого социализма оказывает существенное влияние на потребности, установки и ценностные ориентации колхозного крестьянства.

Активное участие в социально-экономической, общественно-политической и духовной жизни — основа формирования и дальнейшего развития устойчивых познавательных интересов, разносторонних духовных потребностей и культурных запросов крестьянства. Познавательные интересы колхозников развиваются в процессе овладения все расширяющимися и качественно обогащающимися социальными видами деятельности, которые с необходимостью обуславливают потребность в самообразовании, в приобретении новых знаний. Управление духовным ростом колхозного крестьянства предполагает знание структуры и динамики духовных потребностей и интересов, возможностей их реализации, особенностей отношения к источникам информации, а также факторов, воздействующих на избирательное отношение к средствам массовой информации и пропаганды, к литературе, искусству, кино.

Современный этап развития колхозного крестьянства связан с активным приобщением его к достижениям советской культуры, с преодолением остатков патриархального уклада жизни. Средства массовой информации, доводя социалистическую культуру до самых отдаленных уголков страны, способствуют выравниванию уровней духовного развития населения различных регионов страны, расширяют социальные связи и общение крестьянства с большим миром, включают его в общий поток восприятия социальной действительности и активного отношения к ней.

Изменения в содержании и характере сельскохозяйственного труда влияют на ценностные ориентации и установки крестьян-

ства. Прежде всего это касается сельской молодежи, для которой характерна сейчас ориентация на труд преимущественно умственный, связанный с обслуживанием новейшей техники. Установка на качественные стороны труда отвечает общей тенденции развития материально-технической базы сельского хозяйства. Жители села сознают, что управление современной техникой, ее высокопроизводительное использование невозможно без систематического пополнения сельскохозяйственных и технических знаний. Это, в свою очередь, порождает устойчивую направленность на приобретение различных знаний в области науки и техники и на получение соответствующих специальностей. В значительной степени эта направленность обусловлена также стремлением к социальному перемещению, социальному самовыражению, соображениями престижа.

Ориентация сельской молодежи на качественные стороны труда свидетельствует об изменениях в структуре мотивов трудовой деятельности. Для значительной части молодых колхозников труд в сфере материального производства все больше становится средством морального удовлетворения, самовыражения и социального становления. Неуклонное повышение оплаты труда в колхозном производстве, рост материального благосостояния и общей культуры способствуют дальнейшему развитию идейно-моральных стимулов.

Устойчивая установка на образование — характерная черта психологии современного колхозного крестьянства, для которого знания стали важнейшей социальной ценностью. Если в дореволюционный период жители села, будучи почти полностью неграмотными, полагались в основном на эмпирический крестьянский опыт, то в условиях социалистического строительства произошли коренные изменения в оценке образования. Если в 30—40-х гг. подавляющее большинство крестьян считало вполне достаточным четырехклассное образование, примерно до середины 60-х гг. — семилетнее, то в настоящее время для всех групп советского крестьянства стало характерным желание дать детям среднее и высшее образование. Поэтому введение всеобщего среднего образования в стране было принято как необходимая и своевременная мера социалистического государства.

Стремление к духовному, интеллектуальному развитию, установка на освоение достижений литературы и искусства, участие в духовном производстве перестали быть привилегией сельской интеллигенции. Ориентация на овладение духовными ценностями, рост материального благосостояния привели к качественным изменениям в представлении колхозников о том, что означает «хорошо жить». Для крестьян дореволюционного периода «хорошо жить» значило иметь вдоволь хлеба, причем произведенного в своем хозяйстве, не залезать в долги, вообще иметь свою землю, свой рабочий инвентарь и собственное имущество. Для современного советского крестьянина «хорошо жить» означает

имет
ток,
но-б
стоя
реб
явля
потре
нии в
обще
заци
личес
таких
ник, т
частн
време
рых, к
они о
подав
жизни
ческое
мунис
образ
Бо
ства п
ющих
взаимо
ния ка
и степ
возмо
ступае
наибол
ческой
Дух
ми уро
тельно
тереса,
причин
лений,
ния их
творчес
Для
обходи
в том ч
лось бы
летворе
как чте
Поср
беседы
3*

иметь специальность, интересную работу, материальный достаток, условия для культурного отдыха (свободное время, культурно-бытовые учреждения и т. п.). Удовлетворение на основе постоянного роста материального благосостояния естественных потребностей советского крестьянства в питании, одежде, жилище является предпосылкой выдвижения на первый план духовных потребностей и культурных запросов. Об активном проникновении в сельский образ жизни стандартов города можно судить по общепринятым в среде крестьян-колхозников критериям степени зажиточности, благосостояния. К ним колхозники относят наличие городской мебели, легковой автомашины или мотоцикла, таких предметов культурно-бытового назначения, как холодильник, телевизор, стиральная машина и т. д. Конечно, психология частного собственника все еще иногда дает о себе знать и у современного крестьянства. Остатки прошлого проявляются в старых, консервативных привычках, традициях, обычаях. Однако не они определяют ценностные ориентации и социальные установки подавляющей части советского крестьянства. В реальном образе жизни колхозников главным и определяющим стало социалистическое содержание. Система идеологического воспитания, коммунистическая пропаганда оказывают решающее воздействие на образ жизни, на сознание и психологию колхозного крестьянства.

Богатство общественных отношений современного крестьянства порождает многообразие духовных интересов, представляющих определенную систему, элементы которой взаимосвязаны и взаимообусловлены. Это требует более углубленного рассмотрения каждого элемента системы, определения уровней развития и степени устойчивости интересов, выявления познавательных возможностей различных групп колхозников. Такой анализ выступает в качестве необходимой предпосылки для определения наиболее эффективных, действенных форм культурно-идеологической работы по каждому из ее направлений.

Духовные интересы крестьянства характеризуются различными уровнями глубины и устойчивости: от простой любознательности до осознанного широкого или специализированного интереса, от внимания к отдельным фактам до стремления познать причинно-следственные связи и закономерности социальных явлений, от пассивного накопления знаний до активного применения их на практике, от простого потребительства до подлинного творчества.

Для успешного проведения идейно-воспитательной работы необходимо учитывать особенности формирования разнообразных, в том числе познавательных, интересов крестьянства. Нам хотелось бы обратить внимание на такой важнейший источник удовлетворения познавательных интересов колхозного крестьянства, как чтение.

Посредством чтения, этой «...серьезной и глубоко обдуманной беседы человека с человечеством»¹, личность приобщается к кол-

лективному опыту и разуму, накопленному на протяжении многих веков. Вот почему руководство чтением — важная составная часть культурно-воспитательной работы. Для большей его эффективности необходимо глубокое и всестороннее изучение конкретного читателя, знание его образовательного и культурного уровня, жизненного опыта и основных интересов.

Характер и содержание духовных интересов современного колхозного крестьянства особенно ярко проявляются при анализе его читательских интересов. Обществу не безразлично, в каком направлении развиваются читательские интересы той или иной общественной группы, отдельной личности: служат ли они воспитанию личности пассивной, замкнутой в узком мире собственных переживаний и запросов, или способствуют росту сознательности и социальной активности. В нашей стране ведется большая работа по изучению читательских интересов различных

Таблица 1

Отзыв	Читатель
<i>М. Лермонтов. „Герой нашего времени“</i>	
„Замечательная книга по яркости. Сам герой подлец, лоботряс из буржуазии“	Бедняк, 18 л.
„Очень интересный роман. Писатель показал глубоко, что в условиях того времени нет жизни таким незаурядным личностям, как Печорин“	Механизатор, 19 л., 8 кл.
<i>Л. Сейфуллина. „Виринея“</i>	
„Очень интересная книга. Такие женщины нравятся. Только нельзя быть в блуде. Это не для чего“	Беднячка, 18 л.
„Очень интересная книга. Ярко описана борьба за советскую власть, психология крестьян. Виринея привлекает свободолобием, сильным характером, горячим желанием настоящей любви“	Животновод, 20 л., 10 кл.
<i>Д. Лондон. „Мартин Иден“</i>	
„Не люблю читать о городе и заграницах“	Бедняк, 17 л.
„С удовольствием читал. Какой сильный характер. Человек гибнет, потому что предал свои идеалы“	Механизатор, 19 л., 9 кл.,

классов, групп и слоев, в том числе и колхозного крестьянства. Наиболее значительны в этом плане исследования, проведенные Государственной библиотекой СССР им. В. И. Ленина².

Изучение читательских интересов колхозников позволяет выделить прежде всего два момента: во-первых, устойчивый интерес к литературе, освещающей важные социальные проблемы, интерес к общественно-политической тематике и, во-вторых, глубину восприятия читаемой литературы, стремление оценивать книгу не только с точки зрения ее полезности для практической деятельности, утилитаризма, характерного для старого крестьянства³, но и с точки зрения ее познавательной ценности, значения для воспитания черт коммунистической нравственности у советского человека. Интересно провести сопоставление оценок, зафиксированных исследователями читательских интересов сельской молодежи в 20-е гг.⁴, и отзывов современных молодых колхозников⁵. Мы сравниваем только две оценки каждого из трех произведений (табл. 1; верхняя оценка — 20-е гг., нижняя — 70-е гг.), но они выражают, как нам представляется, общие тенденции.

Как видно, уровень образования, широта кругозора современной колхозной молодежи дают ей возможность глубже воспринимать и понимать не только само содержание книги, но и ее социальное звучание.

Читательские интересы современного колхозного крестьянства обуславливаются многими факторами, в первую очередь общественно-трудовой деятельностью, условиями и содержанием труда. Последние необходимо рассматривать в неразрывной связи с личностными факторами, обусловленными демографическими особенностями: полом, возрастом, образованием, семейным положением.

Рассмотрим влияние социально-политических интересов крестьян на их читательские интересы. Политическая активность, устойчивый интерес к событиям в стране и за рубежом — характерные черты облика современного советского крестьянства. Ныне почти каждая колхозная семья выписывает газеты и журналы, регулярно слушает радио, смотрит телепередачи. Сошлемся на результаты всесоюзного выборочного опроса сельского населения страны (всего было опрошено 5386 семей и в них 16 695 сельских жителей различных регионов страны), проведенного в 1973 г. Государственной библиотекой СССР им. В. И. Ленина: от 91 до 99% сельских жителей республик и областей страны имеют и пользуются радио, от 29 до 84% — телевизорами, 88—99% имеют печатные источники (газеты, журналы, книги). В целом по стране 87% опрошенных более или менее систематически читает газеты, журналы, художественную, политическую, научную и другую литературу. Подавляющее большинство сельских семей пользуется тремя-шестью подписными изданиями (газетами и журналами)⁶.

На глубину и устойчивость социально-политических интересов большое влияние оказывают включенность в конкретные виды деятельности, социально-профессиональные и демографические характеристики.

Известно, что сезонность сельскохозяйственного труда сказывается на всех сторонах жизни колхозного крестьянства, в том числе и на степени приобщения к средствам информации. Тем не менее социологические исследования, проведенные нами в колхозе «Дружба» Краснодарского края в 1972 г., показали наличие устойчивого интереса к политической информации у большинства колхозников, хотя интенсивность проявления его и зависит от циклов сельскохозяйственных работ. Так, в летнее время ежедневно слушают радиопередачи на общественно-политические темы 40% механизаторов, 51% животноводов, 55% разнорабочих. В зимнее время в связи с увеличением свободного времени этот процент значительно выше.

Женщины-колхозницы в силу большей занятости предпочитают прежде всего такие источники информации, которые не требуют больших временных затрат, позволяют совмещать получение информации с выполнением каких-либо работ по дому. Поэтому на первом месте у них стоит слушание радиопередач — их ежедневно слушают 56,8% опрошенных нами колхозниц, затем просмотр телепрограмм — 55%. Газеты читают лишь 31,5% опрошенных женщин, причем предпочтение отдается районной газете (77,5%) и газете «Сельская жизнь» (57,6%). Последнее можно объяснить тем, что женщины в первую очередь интересуются последними новостями и материалами на морально-этические темы, а указанные источники преподносят их в доступной работницам форме. Активно используется женщинами и такой источник информации, как лекции и беседы, обеспечивающий в силу прямого контакта со слушателями большую степень восприятия и усвоения преподносимого материала.

Осознание тесной связи личных, групповых и общегосударственных интересов, зависимости внешнеполитических успехов страны от укрепления и роста ее экономической мощи способствует формированию интереса к международному положению, к проблемам взаимоотношений между государствами. Эти вопросы волнуют все группы сельского населения. Информацией по международным проблемам активно интересуются 80,7% опрошенных нами мужчин и 65,7% женщин, чаще других читают международные обзоры в газетах административно-управленческий персонал (66,7%), строители (51,1%), механизаторы (40,0%).

С ростом общекультурного и образовательного уровня жителей села существенно изменилось качество и количество потребляемой информации. Чем выше образование, тем шире круг общественно-политических проблем, интересующих человека, тем глубже их понимание. Простая любознательность сменяется желанием осмыслить закономерности общественного развития,

уяснить классовую сущность тех или иных событий. Данное положение подтверждается анализом вопросов, задаваемых лекторам в различных аудиториях. Сама их формулировка говорит уже о более глубоком подходе слушателей к той или иной проблеме: вместо вопросов, направленных на получение ответов чисто информативного характера (что происходит в такой-то стране, где находится такой-то деятель, численность той или иной партии и т. д.), все чаще можно услышать вопросы, в которых просматривается желание людей познать причинно-следственные связи событий, их социально-политическую значимость.

Политические знания, приобретенные в сети партийной и комсомольской учебы, путем самообразования с использованием средств массовой информации, посредством чтения литературы, слушания лекций и бесед, сами по себе еще не становятся внутренними побудительными мотивами поведения. Воспитание социально-активной личности предполагает выработку глубоких коммунистических убеждений. М. И. Калинин писал, что «...можно усвоить марксизм-ленинизм только формально, можно хорошо заучить все формулы, исторические события и даты, но не стать при этом убежденным марксистом-ленинцем»⁷. Формировать глубокую убежденность, а не наделять человека простой суммой знаний — вот главная задача идейно-воспитательной работы. Она неразрывно связана с вовлечением людей в активную общественную деятельность, ибо только в процессе непрерывной борьбы за лучшие идеалы человечества достигается единство теории и практики и знания превращаются в убеждения.

Особое место в структуре духовных интересов колхозного крестьянства принадлежит художественно-эстетическим интересам. Крестьянское искусство родилось из потребностей самой жизни. В. С. Воронов, один из исследователей русского народного творчества, писал, что «...корни крестьянского искусства покоятся на почве быта. Оно всегда рождается и живет в счастливом материальном воплощении»⁸.

При социализме, в результате коренного переустройства социальных условий, изменений в сфере труда и быта, роста благосостояния и подъема уровня общей культуры — это материальное воплощение искусства приобрело качественно иной характер. Превращение труда в первую жизненную потребность невозможно, если труд не доставляет радости и эстетического наслаждения. Поэтому воспитание чувства прекрасного неразрывно связано с преобразованием самой окружающей среды, с эстетизацией труда и быта, которая способствует созданию соответствующего настроения, поднимающего жизненный тонус, активность человека.

Конечно, различия в уровне развития быта и культуры между городом и селом сегодня еще довольно значительны. Это не может не сказываться на уровне общей культуры колхозников, на формировании их художественно-эстетических вкусов. И тем

не менее можно говорить об определенной тенденции развития художественно-эстетических интересов тружеников села, проявляющейся в желании сделать прекрасным свой быт, в стремлении к познанию, к овладению богатствами искусства и литературы, к активному участию в творческой художественной деятельности. Немалая роль в этом отводится художественной литературе.

Безусловно, в условиях широкого распространения средств массовой информации и пропаганды художественно-эстетические интересы крестьянства, как и его духовные интересы вообще, формируются не только под влиянием печатных источников. Следует учитывать воздействие всей совокупности средств информации. И все же чтение во многих случаях оказывается предпочтительным источником, что связано прежде всего с его специфическими особенностями: читающий имеет возможность возвращаться к прочитанному, размышлять над заинтересовавшими его местами, пользоваться книгой в удобное для него время.

Новое отношение колхозников к труду находит выражение в растущем интересе к чтению специальной, в том числе сельскохозяйственной, литературы. Познавательная сторона здесь неразрывно связана с творческими поисками, с желанием внедрить в практику то новое, что почерпнуто при изучении литературы. Особенно показательно это для группы механизаторов, воплощающих в себе черты нового социального типа работника, связанного с передовой техникой, обладающего довольно высоким уровнем образования, творчески относящегося к труду.

Опрос колхозников, проведенный в Красноармейском районе Краснодарского края, показал, что из трех предложенных им в вопросе форм получения специальных знаний, а именно: 1) «прочитать самому», 2) «посмотреть телепередачи» и 3) «послушать радиопередачи» — они считают наиболее эффективной первую. В табл. 2 указан процент тех из опрошенных представителей разных социально-профессиональных групп на селе, кто отметил как эффективную ту или иную форму получения знаний (можно было отмечать более одной формы).

Таблица 2

Форма получения знания	Специалисты с/х	Механизаторы	Животноводы	Полеводы
Прочитать самому	71	76,2	66	70,4
Посмотреть телепередачи	51,6	60,3	26,4	33,3
Послушать радиопередачи	27,3	15,8	3,7	7,4

Расширение и углубление познавательных интересов, стремление к духовному обогащению и интеллектуальному развитию постепенно распространяются на все социально-профессиональные группы крестьянства. Социально-политические, естественно-научные, художественно-эстетические и другие знания, приобретаемые крестьянством через систему образования и самообразования, расширяют и углубляют интерес к политическим, социально-экономическим, культурно-идеологическим проблемам строительства коммунизма и международных отношений, обогащают идеологическим содержанием нормативно-оценочные стороны сознания и психологии крестьянства, оказывают положительное воздействие на настроения и социальные установки.

На избирательное отношение к средствам информации, а также на направленность читательских интересов большое влияние оказывают группы общения. За последние годы усложняются социальные связи между городом и деревней, между рабочим классом и крестьянством. Миграция сельского населения в города и поселки привела к тому, что подавляющее большинство крестьянских семей, особенно в Европейской части СССР, имеет одного или нескольких членов семьи, проживающих в городах и работающих на предприятиях и в учреждениях. Они постоянно связаны между собой, что безусловно оказывает благотворное влияние на культурные запросы крестьян, помогает им преодолеть устаревшие привычки, обычаи, традиции. Положительное воздействие на образ жизни и духовное развитие крестьянства оказывает общение с рабочими, студентами, интеллигенцией города, приезжающими для оказания помощи колхозам в проведении сельскохозяйственных работ, для строительства производственных зданий, школ и учреждений культуры, а также на отдых.

Планомерное развитие социальной жизни в СССР позволяет прогнозировать основные тенденции развития психологии колхозного крестьянства. Движение социалистического общества к социальной однородности, дальнейшее развитие социалистического образа жизни обуславливают формирование единых по своему содержанию и направленности социальных чувств и настроений, потребностей и интересов, ценностных ориентаций и установок, оценок и норм поведения.

Исходя из марксистско-ленинского положения о детерминированности психологии классов социальной средой и целенаправленной воспитательной деятельностью, можно попытаться сформулировать основные тенденции развития психологии колхозного крестьянства:

- 1) социальные чувства и настроения все больше получают социалистическую направленность;
- 2) социальные ориентации и установки крестьянства будут все больше сближаться с ориентациями и установками рабочего класса;

3) более глубокое осознание единства личных, групповых и общенародных интересов создает более благоприятные предпосылки для дальнейшего развития идейно-нравственных мотивов и социальной активности;

4) расширение и углубление познавательных интересов, стремление к духовному обогащению и интеллектуальному развитию постепенно распространяются на все социально-профессиональные группы крестьянства.

Важной тенденцией в развитии духовных интересов крестьянства является углубленное освоение эстетических ценностей, предполагающее не только потребление, но и творческое создание их, что, в свою очередь, зависит от уровня других духовных интересов. Все больший вес и значение во всей структуре духовных интересов приобретают научные знания. Это связано с самой динамикой развития духовных интересов тружеников села: от простой любознательности до осознанного, широкого, специализированного интереса, от внимания к отдельным фактам до стремления познать причинно-следственные связи и закономерности социальных явлений, от пассивного накопления знаний до активного применения их на практике, от простого исполнительства до подлинного творчества.

¹ Писарев Д. И. Избр. пед. соч. М., 1951, с. 281—282.

² См.: Советский читатель. Опыт конкретно-социологического исследования. М., 1968; Книга и чтение в жизни небольших городов. М., 1973. В настоящее время сектором книги и чтения Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина проводится исследование «Книга и чтение в жизни советского села», по материалам которого уже вышли в 1973 г. три выпуска: «Основные положения программы комплексного социального исследования и обзор литературы», «Социальная роль сельской библиотеки» и «Тенденции развития чтения и читательских интересов жителей советского села».

³ См.: Шафир Я. Очерки психологии читателя. М.—Л., 1927, с. 20—21.

⁴ См.: Банк В., Виленкин А. Крестьянская молодежь и книга. М.—Л., 1929.

⁵ Данные получены при опросе читателей библиотеки колхоза «Дружба» Тбилисского района Краснодарского края.

⁶ Распространенность чтения и печатных источников на селе. [Сборник таблиц]. М., 1973. (Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина).

⁷ Калинин М. И. Вопросы коммунистического воспитания. М., 1940, с. 10.

⁸ Воронов В. С. О крестьянском искусстве. М., 1972, с. 34.

Чтение в процессе научного творчества (Библиографический аспект)

Существует мнение, что наиболее верным путем повышения производительности труда ученых является их полное информационное обеспечение с обязательным освобождением от работы по поиску и извлечению информации из неуклонно возрастающего количества ее в разнообразных публикациях. Корни этого мнения — в представлении о том, что чтение, просмотр первичных и особенно вторичных источников информации не рассматриваются как органическая часть творческой деятельности, а расцениваются как ее техническое обеспечение. Лица, придерживающиеся данной позиции, убеждены, что современный специалист не имеет ни времени, ни терпения, ни, главное, потребности рыться в каталогах и фолиантах в поисках нужной информации, что ему требуются именно такие помощники-информаторы, которые проанализируют источники и снабдят его концентрированной информацией — результатом преобразования извлеченных данных¹. Сторонники таких мер оптимизации научной деятельности считают устаревшим убеждение некоторых исследователей² в том, что поиском информации должны в той или иной мере заниматься не только начинающие ученые, а вообще все научные работники и специалисты.

Д. Н. Вуд в докладе на 35-й конференции и международном конгрессе по вопросам информации (Буэнос-Айрес, 14—24 сент. 1970) привел любопытный пример. Директор одной из ведущих британских фирм (где пропорция информационных служащих к исследовательскому штату значительно превышала средний национальный уровень), уверенный, подобно многим другим организаторам науки, в неэкономичности информационного самообслуживания ученых, категорически заявил, что исследователь, которого он обнаружит занимающимся поисками литературы, будет уволен³. Такое мнение соответствует по своей сущности приводимой Д. И. Блюменау рекомендации Всеамериканской конференции по организации и управлению в эпоху научно-технического прогресса, в которой была выдвинута следующая структура науки: «Основанием пирамиды должны стать люди, выполняющие работу по сбору необходимых данных, на следующей ступени должны находиться специалисты, занятые только переработкой и усвоением данных и делающие попытки их обобщить. Именно они будут разрабатывать схемы и планы, которые могут быть предложены инженерам и руководителям»⁴.

Взгляд на ликвидацию информационного самообслуживания как на средство повышения творческого потенциала ученых и

специалистов довольно часто встречается и у советских авторов. Например, М. В. Вильяотс, комментируя данные о том, что многие ученые Академии наук Эстонской ССР тщательно и квалифицированно ведут личные библиографические картотеки, делает категорическое заключение: «Если смотреть на эту „высокую культуру библиографирования“ с точки зрения общественного разделения труда, то выясняется, что она существует не в помощь, а в ущерб науке. Происходит это потому, что сведения о литературе, выходящей по теме исследования, собирают те, кто, собственно, должен анализировать, систематизировать, экспериментировать и обобщать факты из собранного материала»⁵. Подобная точка зрения выражалась и выражается многими авторами.

По нашему мнению, объективная оценка роли самоинформирования может быть получена лишь на основе его многоаспектного теоретического анализа, прежде всего как органической части творческой деятельности. Вопрос о роли информационного самообслуживания надо рассматривать прежде всего с учетом специфики научного (в том числе инженерно-научного) творчества, в процессе которого на разных его стадиях и уровнях возникают двоякого рода информационные потребности, причем эти потребности возникают не только у теоретиков, для значительной части которых изучение печатных источников является важнейшим элементом их деятельности, но и у экспериментаторов, прикладников.

Потребности первого рода можно предвидеть заранее и соответственно запрограммировать в системе избирательного распространения информации. Это прежде всего комплекс тем, относящихся к разделам науки, в недрах которой проводится исследование. К нему примыкает определенный (более или менее широкий) круг тем и отраслей знания, тесно связанных с областью разработки. Во многих случаях заведомо известны также некоторые темы, выходящие за пределы данной науки и близких к ней наук. Относительно высокая стабильность таких основных потребностей позволяет легко учитывать происходящие в них изменения с помощью обратной связи, периодически корректируя диапазон научно-информационного обслуживания.

Вторая группа потребностей в научной информации образуется перманентно в процессе научного исследования. Ее тематический состав характеризуется, как правило, исключительно высокой изменчивостью. Лишь по небольшой части тем, да и то не всегда, возникает дополнительная потребность в постоянной информации: это такие темы, связь которых с объектом исследования на начальной его стадии была неизвестна. Преобладающая масса потребностей второй группы выявляется при реализации стратегии научного поиска, когда возникают самые разнообразные эвристические задачи, требующие быстрого решения и затем исчезающие. Любому исследователю необходимо постоян-

но наводить самые различные справки, делать уточнения, так как ему приходится сопоставлять данные, далеко и в различных направлениях выходящие за пределы основной тематики (как известно, наиболее интенсивно наука развивается «на стыке» различных дисциплин). Потребности такого рода широко возникают не только в процессе исследования, но и при оформлении его результатов. Освобождение ученого от самообслуживания данного плана во всех случаях — выступает ли он в роли потребителя научной информации или производит ее, будучи автором статьи, книги, научного отчета, доклада, — дело непростое.

Существует принципиальная разница в задачах, решаемых референтом-информатором и самим потребителем при извлечении информации из одного и того же источника. Мотивы, которыми они руководствуются, далеко не однозначны. Если потребитель в процессе этой работы учитывает свои, специфические задачи, то информатор закономерно имеет в виду более или менее типичные потребности. Они могут в основном совпадать с индивидуальными лишь при условии прикрепления к каждому разработчику информатора или библиографа совершенно адекватной специальности (со всеми особенностями, которые выдвигаются конкретной разработкой). Соображения о нереальности такой постановки дела высказывались с достаточной основательностью⁶. Сколько-нибудь значительные практические результаты попыток разработать средства смыслового анализа, позволяющие лицам менее высокой квалификации полностью удовлетворять информационные потребности специалистов более высокого уровня, насколько нам известно, пока отсутствуют. Не созрели еще повсеместно и условия для информационного обслуживания, имеющего «характер творческого соучастия информаторов и библиотекарей в решении научных проблем»⁷.

Более того, даже идеальная ситуация, при которой среди членов научного коллектива оказалось бы возможным выделить часть высококвалифицированных научных работников для выполнения научно-информационных функций и повседневного руководства соответствующим научно-вспомогательным персоналом, не исключает полностью потребностей в научно-информационном самообслуживании⁸.

Нельзя забывать о специфике научного сотрудничества, о разнообразии задач, решаемых каждым отдельным ученым, об особенностях информационных потребностей каждого из них. Свойственный нашей эпохе рост удельного веса коллективных исследований, индустриализация научного труда, подчинение больших групп ученых единой цели — все это отнюдь не означает снижения значимости индивидуального творчества, той роли, которую играют идеи, рождающиеся в умах отдельных ученых. Труд каждого члена научного содружества, несмотря на разделение функций, не перестает быть в той или иной степени индивидуальным творчеством.

Это доказывается прежде всего характером задач, стоящих перед любым научным исследованием. Как известно, все они не ограничиваются накоплением и изучением фактического материала. В основе всегда лежит проведение «особого рода теоретического анализа научного материала с целью выявления скрытой в нем закономерной связи фактов, раскрытия сущности изучаемого явления»⁹. При анализе трудов представителей различных направлений психологии и логики, занимающихся важной проблемой продуктивности мышления, изучением взаимозависящих логических и психологических механизмов творческих процессов, можно обнаружить ряд гипотез о факторах, под действием которых преодолеваются шаблонные способы решения интеллектуальных задач и происходит переход от смутно предвосхищаемого замысла к его реализации в продукте творчества¹⁰.

С нашей точки зрения, имеются основания для включения в число этих факторов тех условий, в которых оказывается потребитель существующей и создатель новой информации в процессе библиографического поиска и просмотра первоисточников. Это именно та ситуация, в которой человек, духовные силы и способности которого сосредоточены на решаемых им теоретических проблемах или практических задачах, обнаруживает необходимую ему информацию не только обычными приемами, с помощью определенных поисковых признаков, но и сквозь призму решаемых им задач во всей их живой и развивающейся многоаспектности. Благодаря такому мотивационному фактору раскрываются неожиданные связи между явлениями, считавшимися ранее независимыми, и возникают ценные ассоциации.

Характерно, что В. И. Ленин, исключительно высоко ценивший справочно-информационную службу и заложивший основы ее развития в нашей стране, в большинстве случаев сам занимался разысканием и отбором литературы и отнюдь не считал эту работу обременительной¹¹. Существенно в этом плане также отношение многих крупных ученых к библиографии, их высказывания о необходимости самостоятельного библиографического поиска в научно-исследовательской работе¹². Далеко не случайны и результаты анализа информационной активности инженеров, обнаружившие самый высокий ее уровень именно у тех людей, которые особенно остро чувствуют нужду в новых достижениях и являются наиболее активными в разрешении возникающих производственных вопросов¹³.

В истории науки и техники запечатлено множество фактов, когда «случайно» возникшая ассоциация обеспечила или приблизила решение важной задачи¹⁴. Ведь именно установление новых связей между элементами гетерогенных систем «предполагает разрушение прежних стереотипов и синтез идей, входивших в другие сочетания, характеризует процесс зарождения „творческого продукта“»¹⁵. «Постороннему наблюдателю,— пишет В. В. Налимов,— может показаться, что происходит какая-то ме-

ханическая, мало осмысленная работа. На самом же деле во время такой работы в мыслительном аппарате ученого идут сложные, часто подсознательные, процессы, неожиданно появляются новые ассоциации — и вдруг — словно сработал какой-то механизм — возникает четкая постановка вопроса»¹⁶.

Реакция ученых во время просмотра ими различных вторичных источников информации показывает, насколько типично для них по ходу получения результатов изменение в самом процессе поиска его алгоритмов. Об этом в равной мере говорят и наблюдения библиографов, и исследования, предпринимаемые в области информатики. Показательны, например, данные об изменении потребителем оценок релевантности информации, содержащейся в документах, по мере прохождения различных исследовательских этапов¹⁷. Не менее знаменателен вывод о том, что «при поиске в неизведанных областях потребности в информации настолько неопределенны и динамичны, что вряд ли их можно удовлетворить работой другого лица»¹⁸. Такое освобождение от шаблона, своевременное убеждение в необходимости уточнения ранее намеченного пути несомненно относится к условиям, благоприятным для возникновения так называемого интуитивного решения. Это вполне закономерно, поскольку интуиция — «не мифическое озарение», а «результат предшествующей деятельности ученого, сокращенный, свернутый итог предшествующих мыслительных операций, которые только проявляются в виде внезапной догадки»¹⁹.

В процессе поиска и изучения литературы образуются благоприятные условия и для мысленного эксперимента, и для индуктивного пути познания, когда анализ множества фактов и их сопоставление вызывают догадки, помогающие прийти к доказательствам, приближающим решение проблем. Именно у исследователя в силу его предшествующего опыта и специфической мотивировки библиографического поиска возникает мысль о необходимости обратиться к новому вопросу. Неизбежно следующее за этим сопоставление не сравнивавшихся ранее фактов обуславливает своеобразие их анализа, приводит к рассуждениям, принципиально отличающимся от прежних, стимулирует мысль, провоцируя новые идеи. Такое заключение представляется правомерным потому, что «озаряющая» догадка ученого несомненно «детерминирована обстоятельствами его предшествующей деятельности, которые им самим не осознаются, но существуют в системе реальных отношений между субъектом и объектом»²⁰.

Творческий потребитель, просматривая различные источники с только что возникшей у него целевой установкой, развивает и уточняет ее в процессе этого просмотра. Значит, он имеет гораздо больше возможностей (даже при разыскании ответа на частный вопрос) сделать существенные для него наблюдения и находки, чем его помощники — библиографы, информаторы или

другие разработчики. Этот факт, в частности, был подтвержден самонаблюдениями ученых²¹. Работа библиографов или информаторов неизбежно предполагает выявление информации в строгом соответствии с установленным алгоритмом поиска, корректировка которого происходит периодически, по мере получения новых результатов членами данного коллектива или другими разработчиками, по инициативе приобретающего опыт информатора и т. д.

Процесс переработки информации исследователем «характеризуется не только заданностью (найти готовое решение, определить уровень проделанных исследований, выяснить сложившиеся направления поисков, основные идеи и т. д.), не только оценками тех или иных источников информации, но и поисками, выработкой, формированием собственного решения. Информация воспринимается и перерабатывается сразу как бы в нескольких измерениях»²². Понимание перерабатываемой или получаемой информации органически сочетается с выработкой новой. Характерны в этом отношении зафиксированные информационными работниками данные о том, что участники исследований поискового характера прибегают к их помощи обычно лишь для наведения конкретных справок, в то время как другие ученые, для которых решающее значение имеет анализ знаний, накопленных их предшественниками, проявляют к этой помощи значительно больший интерес²³.

Высокая стабильность алгоритма поиска в процессе научно-информационного обслуживания совершенно необходима на стадии накопления, анализа и систематизации фактического материала. Его репрезентативность во многом зависит от уровня научно-информационного обслуживания. Отсутствие или слабость этого обслуживания на данной стадии чреваты нерациональными затратами времени исследователей на работы, которые квалифицированными информаторами или библиографами выполняются, как правило, лучше и быстрее. Важность этой стадии для науки не оспаривается. Однако такой этап следует рассматривать как подготовительный.

Наступает пора, когда высокая стабильность алгоритма поиска, обязательная для информационного обслуживания, неизбежно начинает содействовать закреплению мыслей потребителей информации на развитии уже достигнутого знания. Между тем для получения в науке новых результатов необходим выход за пределы традиционных норм. Именно этому, с нашей точки зрения, содействует активизация научно-информационного самообслуживания ученых и специалистов.

В нецелесообразности абсолютного информационного обслуживания убеждает нас также специфическая особенность словесной информации, которая справедливо считается «довольно пассивным материалом»²⁴. Очевидно, нельзя не считаться с тем, что описательная, объяснительная, оценочная, эмоциональная

функции слов выступают в большей или меньшей степени в каждом тексте, в каждой отрасли знания. Именно органическое переплетение этих факторов создает тот «подтекст», расшифровка которого нередко требует выхода за пределы формализации. Поэтому результаты использования словесной информации во многом зависят от характера соучастия воспринимающего и его возможностей. Естественно, что наиболее эффективно используется словесная информация тем, кто лучше подготовлен к ее восприятию в плане конкретного исследования, к направленному преобразованию содержания этой информации, к выявлению логики развития той или иной идеи.

Далеко не случаен тот факт, что одни и те же документы, проиндексированные в одинаковых аспектах на основе одних и тех же правил, с использованием одного и того же тезауруса, получают часто совсем не идентичные индексы²⁵. Аналогичны результаты экспериментов по реферированию одних и тех же публикаций разными людьми, получившими одинаковую подготовку и общий инструктаж²⁶.

Столь же показателен в этом отношении тот факт (широко известный особенно в результате анализа данных обратной связи в различных справочно-информационных системах), что публикация, которая объективно является релевантной потребностям большой группы специалистов, лишь некоторым из них приносит пользу. Именно в связи с этим расширяется стремление рассматривать понятие релевантности на научно-психологической основе²⁷.

Поучительны также наблюдения самих ученых: информация, связанная с темой исследования косвенно, часто рассматривается даже высококвалифицированным информатором или библиографом как информационный шум, в то время как для исследователя она является источником новых плодотворных идей и дает ответы на волнующие его вопросы²⁸.

Высокий уровень научно-информационной ориентации — результат синтеза специальной и источниковедческой подготовки — открывает перед исследователями особенно богатые возможности повышения эффективности их труда. Именно такая ориентация, постоянно укрепляемая в процессе научной деятельности, вооружает ученого методом библиографического моделирования научного процесса, дает ему возможность наиболее оптимально использовать достижения науки прошлого и настоящего в плане основных перспектив ее развития.

Этот метод содействует более ускоренному и надежному получению нового знания с помощью достижений не только данной науки и наук, близких к ней, но и путем привлечения информации, полученной далеко отстоящими от данной проблемы научными дисциплинами. Предшествующие исследователи и современные специалисты-разработчики одних и тех же или сопредельных проблем, хотя и разделены временем и пространством, об-

разуют своеобразный «незримый коллектив». От рациональности связей, возникающих в таком коллективе, во многом зависит успех исследования. Метод библиографического моделирования содействует правильному развитию контактов в таком коллективе, образуя тем самым условия, благоприятные для получения нового знания. Вряд ли можно, например, считать пригодным для широкого применения такой метод поиска новых концепций и оригинального подхода к решению проблем, суть которого заключается в максимально возможном отрыве от имеющихся источников информации, в сознательной изоляции ученых и специалистов от полученных ранее знаний и использованных методов. Известно, что лишь отдельные крупнейшие ученые, чаще всего математики, предпочитают этот путь познания²⁹.

Ученый, владеющий методом библиографического моделирования, имеет наиболее благоприятные возможности для того, чтобы оказаться в ситуации, способствующей появлению нового знания. В самом деле, необходимое для этого изучение нарастания «несоответствий в динамике знания, ведущих к появлению проблемных ситуаций, а затем к формулированию и переформулированию проблем», выявление «дефицита и насыщенности информацией, комбинаций старых и новых средств решения»³⁰ осуществляются лучше всего с помощью этого метода. Думается, что не случайно многие открытия происходили, как известно, в процессе анализа, систематизации и обобщения фактического материала, накопленного наукой, при написании учебных курсов. Закономерные связи скрыты внутри любого фактического материала, в том числе библиографического. Их выявляют разные способы теоретической обработки. Среди них немалое значение имеет метод библиографического моделирования.

Анализ ссылок на источники информации используется в качестве количественного метода для изучения развития науки, для научно-технического прогнозирования. Язык библиографических ссылок позволяет устанавливать внутренние связи в публикациях. В рамках такой информационной модели наука рассматривается как самоорганизующаяся система, управляющая своими информационными потоками. Развитие науки изучается как развитие ее информационных потоков. Для их анализа используются не только первичные источники информации с их ссылочным аппаратом, но и отдельно издаваемые библиографические указатели литературы.

Метод библиографического моделирования, обеспечивая анализ репрезентативного массива публикаций, дает возможность установить активность различных исследовательских направлений, выявить наиболее продуктивные и перспективные из них. Этот метод имеет важное значение для истории науки и техники, что диктуется ее основной задачей: историко-научная реконструкция ситуаций, имевших место в науке и технике, выявление их смысла, переход от одной ситуации к другой, осмысление общего хода

развития науки и техники. Не менее велика роль библиографического моделирования при разработке прогнозов и анализе тенденций общественного развития. Значительная часть фактического материала, являющегося основой таких исследований, сосредоточена в массе публикаций различного содержания.

Умение рационально выявлять, логически анализировать и целеустремленно синтезировать информацию, распыленную во множестве печатных источников, позволяет строить библиографические модели, с помощью которых интенсифицируется взаимодействие старого и нового знания.

Произведенный нами анализ специфических особенностей и возможностей информационного самообслуживания в сравнении с информационным обслуживанием приводит к выводу о том, что для ученых и специалистов наиболее благоприятно такое обеспечение информацией, которое достигается сочетанием этих обоих путей. Даже образцово поставленное обслуживание не может во многих случаях дать потребителю то, что извлекает он в процессе самостоятельного поиска информации. Неправомерно ожидать, что организованное информирование на основе автоматизированных информационно-поисковых систем исключит самоинформирование из комплекса органических элементов научного творчества.

Значение автоматизированных информационно-поисковых систем прежде всего в том, что их применение облегчит доступ к определенному, четко ограниченному объему справочных данных, позволит молниеносно наводить необходимые справки, обеспечит во все возрастающих масштабах массовое информационное обслуживание. Нельзя, думается, забывать о том, что информационный поиск в большинстве случаев полностью неформализуем, что формализация научных рассуждений вообще не может исчерпать их содержательную сторону³¹, что надежные методы для качественной оценки вообще еще не разработаны³².

Разумеется, потребителю в процессе самостоятельного поиска информации далеко не всегда удастся избежать параллелизма с работой, которую делает (или может сделать) за него справочно-информационная служба. Избыточность, возникающая в результате этого, может быть отнесена к той «полезной избыточности», о которой писал И. Земан³³ и полное отсутствие которой может привести к потере или искажению информации.

Правомерность такого заключения подтверждают результаты просмотра личных библиографических картотек, которые ведут ученые и специалисты. Состав даже средних подборок отличается, как правило, таким комплексным охватом материала, достигнуть который путем обычного обслуживания почти нереально. Характерно, что произведенный в США анализ личных информационно-поисковых систем группы ученых, изучающих природные ресурсы, привел к аналогичным выводам³⁴.

Представляется, что в пользу сочетания обслуживания с самообслуживанием говорит и элементарное требование научной организации умственного труда: соблюдать рациональный режим чередования различных видов деятельности.

Значимость каждого из рассматриваемых нами двух каналов обеспечения научной информацией — величина далеко не постоянная. Мы никоим образом не утверждаем, что всем ученым и специалистам целесообразно широко и постоянно заниматься самостоятельным библиографическим поиском. Диапазоны колебаний здесь очень велики, так как они зависят от множества факторов, прежде всего — от характера выполняемой работы вообще и от ее конкретной стадии, в частности, от объема той информации, которая уже была использована, и той, в которой имеется необходимость, от уровня развития соответствующих отраслей знания, от возможностей научно-информационного обслуживания и т. д.

Далеко не всегда самостоятельный поиск информации может быть полезной составной частью исследовательского процесса. Возникающие ситуации очень разнообразны. Часто помощь информатора или библиографа незаменима (например, при выполнении сложных фактических справок), многие задачи требуют чисто профессиональных усилий — для потребителя они могут оказаться непосильными или неоправданно трудоемкими. Нельзя не учитывать и того, что чрезмерно интенсивные поиски некоторыми учеными и специалистами информации могут сконцентрировать их внимание на излишне подробном изучении уже полученного знания, привести к диспропорции между выступающими в гармоническом единстве фактологическим и теоретическим направлениями исследования.

Нет никаких оснований игнорировать оценки науковедов, прогнозирующих огромную выгоду освобождения ученых от потерь времени, связанных с чисто техническими функциями поиска и обработки информации. Утверждается, что ликвидация таких потерь на 50% у всех ученых нашей страны будет равноценна увеличению числа научных работников на 100 тыс.³⁵, а сокращение этих потерь на 1% даст не меньше, чем организация нескольких новых научно-исследовательских институтов³⁶. Весьма обнадеживают в этом плане конкретные результаты сокращения затрат на самоинформацию с помощью услуг справочно-информационных служб³⁷.

Неубедительны поэтому, с нашей точки зрения, утверждения, что информационное обслуживание вообще не имеет смысла для отдельных категорий потребителей. Эти мнения — результат игнорирования того факта, что даже в настоящее время созданы необходимые предпосылки для механизации значительной части информационного обеспечения науки и производства. По мнению известного кибернетика Г. Саймона, к 1985 г. электронно-вычислительные машины с эвристическими программами получат ши-

рокое применение в управлении наукой, промышленностью и экономикой³⁸. Также неправомерными представляются нередко встречающиеся в печати рассуждения о том, что самообеспечение информацией является обязательным уделом ученых, занятых фундаментальными исследованиями на высшем уровне. Е. З. Мирская, например, утверждает, что членов «научной элиты» вообще не может удовлетворить существующая организация информации, которая, с ее точки зрения, неизбежно отстает от развития переднего края науки и недостаточно специфична, так как рассчитана на «более широкую публику»³⁹. Весьма сомнительно, что ведущие ученые на всех стадиях своей работы заинтересованы в сведениях только «с переднего края» и что не всегда рентабельно заниматься информационным самообеспечением. Тем, кто не относится к «элите» (если стоит, в чем мы сомневаемся, употреблять этот термин применительно к данным условиям), также, кстати, нужна информация с переднего края, и они ощущают недостатки стандартной системы информации острее ведущих ученых, так как в большинстве своем не обеспечены пока избирательным распространением информации.

В настоящее время закладываются начала теоретического анализа использования научной информации учеными и специалистами. Интересна в этом отношении, например, попытка построить широкую модель научной коммуникации, соединяющую все виды научно-информационной деятельности с ходом и условиями обслуживаемой работы⁴⁰.

Типовые соотношения между информационным обслуживанием и самообслуживанием, наиболее благоприятные для основных видов творческой деятельности в конкретных областях науки и техники, со временем будут установлены. Это станет возможным в результате проведения комплексных исследований, в которых будут совместно участвовать библиотекведы, информатики, социологи, психологи, науковеды и экономисты. Такие исследования, состоящие из системы экспериментов в естественных условиях, приобретут особую актуальность в обозримом будущем, при подготовке к широкому внедрению автоматизированных информационно-поисковых систем. Появится возможность использовать достижения эвристического программирования с его обнадеживающими успехами «в исследовании процессов установки, внимания, мгновенной памяти и ограниченной переработки информации...»⁴¹, учитывая реальные последствия детерминированности операций, присущей электронно-вычислительным машинам. Это позволит определить реальные границы выполнения вычислительными устройствами умственных операций для дальнейшего повышения творческого потенциала человека, для интенсификации труда ученых и специалистов. Удастся, несомненно, уточнить (что весьма существенно) прогнозы повышения эффективности труда ученых и специалистов без увеличения их численности и финансовых ассигнований⁴².

Лишь такие исследования приведут к выработке научно обоснованных рекомендаций, учитывающих специфику типовых потребностей ученых и специалистов различных отраслей знания. (Известно, например, что в области литературоведения — в отличие от наук естественных и точных — почти невозможно заранее определить с достаточной полнотой круг источников, обязательных для просмотра.) Нужды потребителей должны удовлетворяться по-разному на различных этапах и стадиях работ, отличающихся друг от друга весьма существенно даже в одних и тех же отраслях знания. Будет уделено специальное внимание анализу особенностей информационной активности отдельных ученых и специалистов, являющихся членами творческих коллективов разного рода. Лишь такой подход позволит рассмотреть эту активность с новых позиций, без ограничений старыми категориями и схемами. Об опасности подобных ограничений убедительно писали исследователи социальных и психологических аспектов изучения деятельности ученого⁴³. Такие исследования заложат научную основу оптимального сотрудничества и активизируют взаимодействие справочно-информационных служб и потребителей информации.

Думается, что расширение возможностей использования автоматизированных информационно-поисковых систем не уничтожит принципиальной разницы в соотношении между обслуживанием и самообслуживанием у гуманитариев и негуманитариев: доля самообслуживания в информационном обеспечении у первых будет более значительна, чем у вторых. Однако есть основания ожидать, что разница в структуре информационного обеспечения гуманитариев и негуманитариев постепенно будет сокращаться: расширение возможностей и повышение качества информационного обслуживания усилят его значение для гуманитариев, а укрепление взаимосвязи и взаимодействия между гуманитарными и негуманитарными науками будет расширять у первых — возможности рационального использования справочно-информационных служб, а у вторых — потребность в информационном самообслуживании.

В такие типовые рекомендации, очевидно, будут вноситься кардинальные коррективы, учитывающие особенности создания и восприятия информации человеком. Для этого появятся возможности, обусловленные развитием психолого-социологического подхода к изучению специалистов и ученых как создателей и потребителей научной информации, к анализу взаимодействия между потребителями и справочно-информационными службами. Существенно, что в последние годы все больше исследователей доказывает необходимость всестороннего изучения психологических проблем информатики, а также информационного аспекта научного творчества и психологии мышления и предпринимает усилия в этом направлении. Социальная потребность в таких исследованиях несомненна. От их успеха зависит решение множе-

ства важных и разнообразных вопросов совершенствования информационных потоков и управления ими. Поэтому реализацию таких разработок можно считать делом ближайшего будущего.

- ¹ См., напр.: Lubetzky S. The library catalog: focus on form.— «Library resources and technical services», 1964, vol. 8, N 3, pp. 317—318.
- ² См.: Воблый К. Г. Организация труда научного работника. Изд. 3-е, перераб. Киев, 1949; Гуревич А. М. Методика подготовки диссертации по общественным наукам.— «Вестн. высш. школы», 1947, № 5; Михайлов А. И. Технический прогресс и научно-техническая информация.— «Журн. Всесоюз. хим. о-ва им. Д. И. Менделеева», 1971, № 1.
- ³ Wood D. N. Training scientists and technologists to handle information. Buenos Aires, 1970, p. 4 (Users of documentation. 35th conf. and Int. congr. of docum., Buenos Aires, Sept. 14 th — 24 th 1970).
- ⁴ Блюменау Д. И. О некоторых вопросах разделения труда в сфере научной деятельности.— «Научно-техн. информация», 1968, № 4, сер. 2, с. 4.
- ⁵ Вильяотс М. В. Научная библиотека Академии наук Эстонской ССР и информационная служба.— «Библ.-библиогр. информация б-к АН СССР и акад. наук союз. республик», 1968, № 2, с. 35—36.
- ⁶ Тюличев Д. В. Ученые об использовании некоторых видов документальной информации в фундаментальной науке.— «Наука и техника», 1972, вып. 7, ч. 1, с. 72—76.
- ⁷ Косолапов В. В., Щербань А. Н. Оптимизация научно-исследовательской деятельности. Киев, 1971, с. 220.
- ⁸ Характерно, что В. В. Налимов, анализируя в статье «Молодой ученый и коллектив» основные признаки, по которым следует оценивать уровень организации работы в научном коллективе, выделяет постановку не только информационного обслуживания, но и самообслуживания («Вестн. высш. школы», 1966, № 1).
- ⁹ Проблемы научного творчества в современной психологии. Под ред. М. Г. Ярошевского. М., 1971, с. 24.
- ¹⁰ Микулинский С. Р., Ярошевский М. Г. Психология научного творчества и науковедение. (Вместо введения).— В кн.: Научное творчество. М., 1969, с. 10.
- ¹¹ См.: Фонотов Г. П. Важная составная часть творческой деятельности В. И. Ленина.— «Сов. библиография», 1970, № 1. Он же. Читая Ленина. (Заметки библиографа).— «Сов. библиография», 1966, № 6.
- ¹² См., напр.: Вавилов С. И. Несколько замечаний о книгах.— «Сов. книга», 1947, № 1; Панкратова А. М. Великая школа научно-теоретической работы. О методах научной работы Маркса и Ленина.— «Правда», 1939, 1 июля.
- ¹³ Фюлоп Г. К вопросу об определении роли психологических и социологических факторов в процессе информирования.— В кн.: Подготовка потребителей информации и изучение нужд потребителей. (Международ. симпозиум, Бухарест, 11—15 ноября 1968 г.). Бухарест, 1968.
- ¹⁴ Кедров Б. М. О теории научного открытия.— В кн.: Научное творчество, с. 79.
- ¹⁵ Микулинский С. Р., Ярошевский М. Г. Указ. соч., с. 11.
- ¹⁶ Налимов В. В. Указ. соч., с. 54—55.
- ¹⁷ Harmon G. Information need transformation during inquiry: a reinterpretation of user relevance.— «Proceedings of the Amer. soc. for inform. science», 1970, vol. 7.
- ¹⁸ Кнейчель Ф. Информационные потребности как основа планирования информационной деятельности.— В кн.: Проблемы удовлетворения информационных потребностей. М., 1974, с. 22.
- ¹⁹ Косолапов В. В., Щербань А. Н. Указ. соч., с. 187.
- ²⁰ Ярошевский М. Г. О трех способах интерпретации научного творчества.— В кн.: Научное творчество, с. 106.

- ²¹ См., напр.: Menzel H. Unplanned acquisition of information in the experience of polymer chemists.—«Institute of electrical and electronics engineers. Trans. prof. commun», 1972, vol. 15, N 2, p. 39—42, 47—48.
- ²² Герасимов И. Г. Научное исследование. М., 1972, с. 237.
- ²³ Шехурин Д. Е. Информационные потребности специалистов, система их выявления и удовлетворения. Автореф. канд. дис. Л., 1970.
- ²⁴ Займан Д. Информация, связи, знание.—«Успехи физ. наук», 1970, т. 101, вып. 1, с. 62.
- ²⁵ Rosenbaum H. D. Zur künftigen Entwicklung der Informations aufbereitung und der Recherchesprachen für Textinformationen.—«Informatik», 1972, J. 19, N 4, S. 38—41.
- ²⁶ См., напр.: Woodford F. P. Sounder thinking through clearer writing.—«Science», 1967, vol. 156, N 3776, p. 743—745.
- ²⁷ Литвак Л. М. Проблема релевантности и психология понимания научно-технического текста.—«Труды науч.-исслед. ин-та управл. машин и систем», 1971, вып. 5; Шехурин Д. Е. Социальные и психологические предпосылки развития информационной системы.—«Научно-техн. информация», сер. 1, 1973, № 3.
- ²⁸ Canham G. W. R. Information problems of an inorganic chemist.—«Journal of chemical documentation», 1972, vol. 12, N 1, p. 5—6.
- ²⁹ Худяков В. Л. Ученый и его творческий мир. Л., 1971.
- ³⁰ Микулинский С. Р., Ярошевский М. Г. Восприятие открытия как науковедческая проблема.—В кн.: Научное открытие и его восприятие. М., 1971, с. 13.
- ³¹ См.: Анохин П. Сотворить человека, не познав человека? — «Лит. газ.», 1973, 11 июля; Косолапов В. В. К вопросу о свертывании и уплотнении информации в процессе развития науки.—В кн.: Информация в организации и проведении научных исследований. Вып. 1. Киев, 1968.
- ³² Информация в научных исследованиях. Киев, 1969.
- ³³ Земан И. Познание и информация. М., 1966.
- ³⁴ Burton H. D. Personal information systems. Implication for libraries.—«Special libraries», 1973, vol. 64, N 1.
- ³⁵ Фактор информационных связей в организации труда ученых. [Предварительный отчет по исследованию, проведенному в Академии наук СССР]. Киев, 1968, с. 43. (Отд-ние комплекс. проблем науковедения и информатики Ин-та математики); Афанасьев В. Г. Научно-техническая революция, управление, образование. М., 1972, с. 278.
- ³⁶ Бережной А. Ф. Библиография стучится в дверь.—«Вестн. Моск. ун-та. Серия журналистики», 1970, № 4.
- ³⁷ См., напр.: Неделя Е. Новые мероприятия, направленные на усовершенствование информирования потребителя в проектном институте.—В кн.: Подготовка потребителей информации и изучение нужд потребителей. Бухарест, 1968. (Международ. симпозиум. Бухарест, 11—15 ноября 1968 г.).
- ³⁸ Simon H. The shape of automation for men and management. New York, 1965.
- ³⁹ Мирская Е. З. Ученый и современная наука. Ростов н/Д, 1971, с. 88.
- ⁴⁰ Черный А. И. Коммуникация между учеными и инженерами.—«Информация о библиотечном деле и библиографии за рубежом», 1973, № 1.
- ⁴¹ Рейтман У. Р. Познание и мышление. Моделирование на уровне информационных процессов. М., 1968, с. 316.
- ⁴² Глушков В. М., Афанасьев В. Н., Стогний А. А. Некоторые вопросы применения информационно-справочных систем для автоматизации управления научными разработками.—В кн.: Пути автоматизации научно-исследовательских работ. (Материалы симпозиума). М., 1968, с. 9.
- ⁴³ Гвишиани Д. М., Микулинский С. Р., Ярошевский М. Г. Социальные и психологические аспекты изучения деятельности ученого.—«Вопр. философии», 1971, № 3.

В. Э. ШЛЯПЕНТОХ

Рост уровня образования и отношение к средствам массовой информации¹

(Прогностический аспект)

В последние годы все больший интерес вызывают вопросы, связанные с социальным прогнозированием, и, в частности, проблемы функционирования средств массовой информации в обозримом будущем.

В течение ближайших 20—30 лет будут происходить существенные изменения во взаимоотношениях между различными группами населения нашей страны, с одной стороны, и системой средств массовой информации — с другой.

Результаты социологических исследований показывают, что уровень образования является одним из самых сильных факторов, влияющих на деятельность человека в различных сферах жизни. Более того, зафиксированное социологами воздействие ряда других факторов (местожительство, доход, профессия) в значительной степени можно объяснить опять-таки разницей в образовании лиц, проживающих в селе и городе, отличающихся доходами и т. д.

В настоящее время в расчете на 1000 занятых приходится лиц с высшим и средним (полным и неполным) образованием по сравнению с 1939 г. в пять-шесть раз больше².

На XXIV съезде партии подчеркивалось, что дальнейшее повышение уровня образования и квалификации советских людей по-прежнему рассматривается как одна из центральных задач, стоящих перед нашей страной.

Имеются веские основания считать, что ближайшие десятилетия будут периодом настоящего «образовательного взрыва», когда господствующим станет непрерывное повышение образовательного уровня для большинства членов общества.

Поскольку тенденция роста уровня образования может считаться твердо установленной, специалисты по прогнозированию получают реальную возможность предсказать характер многих важных изменений в образе жизни людей. В частности, представление о динамике образования позволяет высказать ряд предположений о развитии духовных потребностей у советских людей.

Авторы исследований о свободном времени утверждают, что с повышением образовательного уровня заметно увеличивается часть свободного времени, используемая для потребления духовных благ, для участия в культуре (контакты со средствами массовой информации, творческие виды самодеятельности, самообразование). В это же время уменьшается доля таких способов времяпрепровождения, как бездеятельный отдых, малополезные игры, не говоря уже об антисоциальных занятиях.

По данным Л. Гордона и Э. Клопова³, продолжительность участия в культуре у рабочих крупных городов при повышении образовательного уровня от начального до среднего возросла более чем в два раза (табл. 1).

Таблица 1

Изменение затрат времени на участие в культуре в зависимости от образования (ч-мин в неделю)

Пол	4 кл. и менее	5—7 кл.	8—10 кл.	Специальное*
Женщины	6.50	9.45	16.10	14.35
Мужчины	13.15	17.50	21.50	26.00

* Под специальным авторы понимают среднее специальное, незаконченное высшее и высшее образование.

Но так как авторы не вычленяют отдельно высшее образование, трудно сказать, под влиянием какого фактора — учебы в вузе или техникуме — произошел у женщин спад в затратах времени, уделяемого культурным занятиям, с 16 ч 10 мин до 14 ч 35 мин в неделю. Продолжается ли отмеченный процесс при переходе от среднего образования к высшему? Материалы наших и других исследований позволяют утверждать, что с переходом от среднего образования к высшему наблюдается рост потребления культурных ценностей, хотя, по всей вероятности, не столь стремительный, как на предыдущем этапе. В пользу этого тезиса говорят результаты опроса городских жителей СССР об отношении к средствам массовой информации, проведенного в 1971 г.⁴, а также ряда других исследований⁵.

Так, согласно данным исследования 1971 г., затраты времени на контакты со средствами массовой информации при переходе от среднего образования к высшему возрастают примерно на 1/10.

Поскольку между образованием и ростом духовных потребностей существуют многосторонние зависимости, нам придется ограничиться только одним аспектом проблемы — влиянием этого фактора на контакты со средствами массовой информации.

Уровень образования и отношение к средствам массовой информации. Заметим уже здесь, что повышение образования, как правило, ведет к увеличению контактов со всеми средствами массовой информации⁶. Однако для исследователя большой интерес представляет выяснить влияние образовательного уровня на изменение структуры предпочтений по отношению к отдельным источникам информации.

Социологические исследования показывают, что лица с вы-

сокой образованностью по сравнению с лицами, имеющими низкое образование, более интенсивно интересуются печатными источниками информации и меньше — аудиовизуальными каналами.

Результаты проведенного нами в 1971 г. опроса горожан о том, с какими средствами информации они были в контакте за день до визита к ним интервьюера, явно демонстрируют существенные различия в системе предпочтений у лиц с высоким и низким уровнем образования (табл. 2).

Таблица 2

Сдвиги в обращении к средствам массовой информации опрошенных городских жителей в зависимости от образования (%)

Средства массовой информации	До 7 кл.	Среднее	Высшее
Газеты	53	85	91
Журналы	28	43	55
Книги	28	53	55
Телевидение	62	62	56
Радио	65	62	54
Кино	5	16	21

Еще более выразительная картина получается при анализе данных о временных затратах на контакты со средствами массовой информации (табл. 3).

Таблица 3

Удельный вес затрат времени на печать и телевидение в общих временных затратах на контакты со средствами массовой информации, (%)

Средства массовой информации	До 7 кл.	7—9 кл.	Среднее	Высшее
Печать	33	42	46	49
Телевидение	51	44	43	37

Интенсификация обращения к печатной продукции с ростом образования подтверждается и данными опросов, проведенных Б. Фирсовым, Л. Гордоном и Э. Клоповым, В. Стельмах, Г. Хмарой и другими исследователями⁷.

На основе полученных результатов специалистами по социальному прогнозированию могут быть сделаны выводы, что в течение ближайших десятилетий на фоне повышения образовательного уровня населения страны спрос на печатную продукцию будет неизменно расти. Можно предполагать также, что многие группы населения будут увеличивать затраты времени на чтение.

Телевидение и образование зрителя. Гораздо более сложными являются проблемы, относящиеся к предвидению роли, которую будут играть в общественной жизни конца XX — начала XXI столетия аудиовизуальные средства и особенно телевидение. Можно ли на основе имеющихся материалов (см., например, табл. 2 и 3) утверждать, что рост образования приведет к ослаблению роли телевидения в жизни людей? На этот вопрос следует ответить скорее отрицательно.

Для оценки места телевидения (конечно, самой приблизительной) в системе источников удовлетворения духовных потребностей населения и отдельных его групп мы использовали, — как и многие другие авторы, — показатель, характеризующий средние затраты времени на телесмотрение в сутки.

Изменение этого показателя в последней четверти XX в. в основном будет зависеть, во-первых, от роста числа владельцев телевизоров, во-вторых, от изменения затрат времени на телесмотрение у лиц с относительно высоким и низким уровнем образования и, в-третьих, от динамики численного соотношения между этими двумя категориями населения.

Очевидно, что рост числа семей, имеющих телевизор, будет способствовать повышению средних затрат времени на телесмотрение⁸. Конечно, лица, у которых нет телевизора, могут пользоваться им, например, у родственников, соседей и т. д. Однако на телесмотрение они тратят, по данным разных исследований, примерно в пять раз меньше времени, чем владельцы телевизоров. Число семей, имеющих телевизор, растет чрезвычайно быстро. В течение 60-х гг. обеспеченность семей телеприемниками возросла более чем в шесть раз (с 8 до 51% всех семей)⁹. К началу 1974 г. этот показатель составил уже 67%, а в 1975 г., в соответствии с директивами XXIV съезда партии, он должен быть доведен до 72%¹⁰. По всей вероятности, в течение ближайшего периода (с учетом распространения зоны уверенного приема передач на всю страну) будет практически полностью удовлетворена потребность населения в телевизорах, после чего процесс увеличения средних затрат времени на телесмотрение под влиянием первого фактора, естественно, прекратится.

Не вызывает сомнения и характер влияния третьего фактора. Соотношение лиц с низким и высоким уровнем образования будет, конечно, меняться в пользу высокообразованных. И именно это обстоятельство, при прочих равных условиях, способству-

ет, как уже подчеркивалось, снижению затрат времени на телесмотрение.

Наибольшие трудности вызывает определение роли второго фактора и прогноз поведения телезрителей с разным уровнем образования. С одной стороны, воздействие ряда факторов будет явно направлено — независимо от уровня образования — на уменьшение времени, уделяемого телевидению, особенно у тех, кто уже давно владеет телевизором. Мы имеем в виду повышение доступности (в условиях роста материального благосостояния) многих других, в первую очередь активных, способов проведения досуга — спорта, туризма, творческих занятий, интерес к которым заметно усиливается с ростом образованности. Примечательно, что, отвечая на вопрос: «Как бы Вы использовали свое свободное время, если бы его у Вас было больше?», — выразили пожелание смотреть телевизор только 6% жителей г. Острогжска, в то время как пожелание читать отмечено у 40%¹¹. Примерно такие же результаты были получены в свое время Б. Грушиным¹². С другой стороны, имеются обстоятельства, — опять-таки у всех групп населения — способствующие известному увеличению времени на телесмотрение. Особенное значение в этой связи имеет научно-технический прогресс, который обеспечивает широкое распространение цветного, многоканального, кабельного телевидения, космовидения, увеличение размера экрана, использование видеоманитных кассетных записей и т. д.

Телевидение и чтение, телевидение и кино в динамике. До сих пор мы говорили о факторах, одинаково влияющих (с положительным или отрицательным знаком) на «телевизионное поведение» всех образовательных групп. А теперь обратим внимание на отдельные группы.

Имеющиеся данные разрешают утверждать, что затраты времени на телесмотрение у лиц со сравнительно невысоким уровнем образования в ближайший период будут возрастать. Мы берем на себя смелость утверждать, что в своей основе этот процесс следует приветствовать, так как он в значительной степени будет происходить за счет дальнейшего сокращения роли мало-содержательных, бесполезных для развития личности, а порою и вредных для нее и общества занятий. Вместе с тем нельзя игнорировать и некоторые отрицательные явления. Как показывают, например, исследования Б. Фирсова, телевизор нередко отвлекает людей от жизненно важных видов деятельности, иногда даже сокращает время сна, наносит вред здоровью и т. п. Много-часовые бдения перед экраном способствуют распространению пассивных форм отдыха и требуют гораздо меньших интеллектуальных и волевых усилий.

В ряде случаев телевидение действительно наносит ущерб чтению и другим содержательным занятиям. Согласно материалам различных исследований, некоторые опрошенные считают, что после приобретения телевизора они стали читать меньше¹³.

Проведенный социологами Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина при нашем участии опрос также выявил, что примерно половина опрошенных сельских жителей РСФСР полагает, что теперь они читают меньше, чем раньше.

Несмотря на все эти минусы, безусловно требующие пристального внимания и действенных контрмер со стороны общества, интегральная оценка роли телевидения в социалистических странах должна быть несомненно положительной. В активе телевидения — приобщение к культуре миллионов людей с низким уровнем образования, обеспечение доступа населения к дефицитным культурным благам (столичные театры, выдающиеся исполнители и т. п.), создание новых перспективных форм образования и многое другое¹⁴. Благодаря телевидению широко распространяются высшие достижения культуры, что резко повышает притязания всех слоев населения в сфере духовной жизни.

Антагонизм между чтением и телесмотрением, кино и телевизором часто носит относительный характер. Имеются веские основания считать, что телевидение нередко стимулирует интерес к печатным источникам информации и вообще к активной культурной деятельности. Сопоставление показателей периодичности обращения к книге и телевизору, проведенное при реализации программы «Книга и чтение в жизни небольших городов», показывает следующее: среди опрошенных жителей г. Острогжска группа одновременно активных телезрителей и активных читателей книг оказалась самой многочисленной — 33%. Группа же лиц, являющихся пассивными телезрителями и активными читателями, — 8%, активными телезрителями и пассивными читателями — 28%¹⁵. Исследования социологов из ГДР показали, что в ряде случаев телевидение активизирует интерес к книгам¹⁶.

Столь же примечательны и полученные нами в ходе опроса городского населения в 1971 г. данные о взаимоотношениях между кино и телевидением. При обработке материалов этого опроса были выделены два типа кинозрителей: активные, посетившие кинотеатр свыше 50 раз в год, и пассивные, посетившие кинотеатр менее 30 раз. Оказалось, что активные кинозрители заметно превосходят пассивных и по интенсивности телесмотрения, а также чтения журналов и газет. Средний уровень образования в первой группе — 10 классов, во второй — 8, доля лиц с высшим образованием соответственно 16 и 9%.

Несколько слов о перспективах эволюции временных затрат на телесмотрение у лиц с наиболее высоким уровнем образования. Некоторые считают, что при составлении прогноза о роли телевидения в 2000 г. следует просто предположить, что тогда станет почти всеобщим тип «телевизионного поведения», который сейчас характерен главным образом для лиц с высшим образованием. Если признать такую точку зрения правильной, то это означает, что в течение предстоящего периода будет происходить снижение средних затрат времени на телесмотрение¹⁷.

Этот прогноз был бы обоснованным, если бы отношение к телевидению, сложившееся к настоящему времени у упомянутой категории лиц, в течение ряда десятилетий не менялось. Но такое предположение выглядит маловероятным. На наш взгляд, затраты времени на телесмотрение у лиц с высшим образованием в ближайшем будущем будут увеличиваться, при том, что относительная доля их в общем бюджете свободного времени вернее всего понизится из-за более быстрых темпов роста затрат времени на другие занятия.

Телевидение сегодня является столь же органическим элементом досуга людей и с высшим образованием, и с более низким, хотя значимость этого элемента все-таки у первой группы существенно ниже, чем у второй. По нашему мнению, временные затраты на просмотр программ у значительной части населения страны будут в ближайшие 10—15 лет расти главным образом в связи с новыми возможностями телевидения, с расширением его функций, увеличением числа программ, учитывающим интересы отдельных групп телезрителей.

Конечно, наиболее вероятно, что темпы роста этих затрат не станут высокими, поскольку лица с высшим образованием более избирательно относятся к телепередачам, чем зрители других групп.

Каковы итоговые предположения о динамике средних затрат времени на телесмотрение в будущем, если иметь в виду существование отмеченных выше различий и противоречивых тенденций, а также разных мнений, касающихся роли телевидения в жизни людей на пороге XX и XXI в.? По-видимому, затраты времени будут возрастать у всех групп населения, хотя затраты на некоторые другие занятия будут увеличиваться существенно более быстрыми темпами.

В то же время повышение общеобразовательного и культурного уровня населения должно привести к заметным изменениям в структуре телепередач, к значительному повышению качества и возрастанию роли передач, предназначенных для отдельных групп населения, к появлению новых форм контактов со зрителями.

Уровень образования и изменения в структуре интересов потребителей массовой информации. Утверждая, что в ближайший исторический период из-за роста образованности будет повышаться интерес к печатным источникам, не следует забывать, что печать включает в себя столь разные виды изданий, как газеты, книги и журналы. В ближайшем будущем отношение к каждому из этих видов печати будет меняться по-разному. Повышение образования наиболее последовательно сказывается на чтении журналов и в наименьшей степени на чтении газет. С изменением уровня образования не столько возрастает время, затрачиваемое на чтение газет, сколько число выписываемых изданий. По данным исследования аудитории газеты «Труд», чита-

тель с образованием 4—6 классов выписывал в среднем 2,5 газеты, а с высшим — 4,1¹⁸. Различия во временных затратах на чтение трех видов печатных источников особенно ярко проявляются при переходе от среднего образования к высшему (опрос горожан 1971 г.) (табл. 4).

Таблица 4

Затраты времени на чтение в зависимости от образования
(мин в сутки)

Печатные источники	До 7 кл.	Среднее	Высшее
Газеты	18	30	33
Журналы	10	15	19
Книги	12	20	21

По данным исследования потребления массовой информации в г. Острогожске, проведенного социологами Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, с повышением уровня образования от начального до высшего доля лиц, читающих журналы, возрастает в 1,5 раза, читающих книги — в 1,4 раза, в то время как лица, читающие газеты, в обеих группах остаются на одном уровне¹⁹. Если же мы возьмем такой показатель, как число людей, часто обращающихся к журналам, то в группе с высшим образованием их будет в два раза больше, чем в группе с начальным (и ниже) образованием. Для книг и газет этот показатель увеличивается соответственно в 3 и 1,3 раза²⁰. Примерно те же результаты дает, по материалам бюджетного обследования жителей г. Пскова, сравнение контактов с печатными источниками информации работников умственного труда и неквалифицированных рабочих: к журналам обращается 33% респондентов первой группы и 6% — другой, к газетам соответственно 41 и 20%, к книгам — 76 и 44%²¹. Такие же выводы можно сделать из данных, приводимых Л. Гордоном и Э. Клоповым²².

Таким образом, чтение журналов находится в особой зависимости от уровня образования. Более углубленный анализ проблемы подтвердил это предположение. Нами были выделены активные читатели журналов, к которым отнесены те, кто затратил на чтение журналов накануне дня опроса более 1 ч. Оказалось, что уровень образования активных читателей журналов намного выше, чем всей совокупности опрошенных. Так, почти 20% всех активных читателей имеют высшее образование (законченное и незаконченное). Среди всех опрошенных доля лиц с таким образованием составила 13%, а среди лиц, мало читающих журналы, — 10%. Примечательно, что активные читатели журна-

лов менее интенсивно читают книги, чем другие категории опрошенных.

Существование известного конфликта между книгами и периодикой и его разрешение в пользу журналов при повышении уровня образования от среднего к высшему в значительной степени объясняется особой ролью такой переменной, как свободное время. В условиях дефицита свободного времени лица с высоким уровнем образования чаще обращаются к журналам, чем к книгам. В некоторых случаях фактор времени оказывает более сильное влияние на систему предпочтений, чем уровень образования. Так, в нашем исследовании (1971 г.) группа активных радиослушателей сформировалась в основном из тех, кто может слушать радиопередачи, занимаясь домашней работой, и тех, у кого относительно много свободного времени. Именно поэтому в группе 60% женщин и 48% пенсионеров. Не случайно, что среди активных читателей книги пенсионеров намного больше, чем среди тех, кто читает книги относительно мало (32% против 24%). В то же время среди пассивных читателей книг явно преобладают женщины (62% против 46%).

Известные преимущества периодики над книгой в значительной степени объясняются не только тем, что журналы сочетают в себе такие качества, как оперативность и фундаментальность изложения, но и тем, что именно они в большей степени, чем другие источники информации, учитывают запросы отдельных групп населения²³. С 1940 по 1972 г. тиражи журналов увеличились в СССР в 11 раз, а тиражи газет — в четыре раза, книг — в три раза. Аналогичная тенденция характерна и для США.

Сравнение данных, полученных нами в 1971 г. и В. Патрушевым в 1965 г., также показывает, что затраты времени на чтение журналов росли быстрее, чем затраты на все другие средства массовой информации. Так, в 1965 г. городской житель в среднем тратил на чтение журналов 6 мин в день, в 1971 г. — 13 мин, т. е. затраты увеличились в два раза. Между тем, временные затраты на телевидение возросли только в 1,5 раза (42 и 60 мин), на чтение газет — примерно на 10% (19 и 21 мин).

Это дает основание полагать, что спрос на журналы и в будущем будет расти более быстрыми темпами, чем в целом на печатную продукцию.

С повышением уровня образования явно расширяется спектр духовных интересов. Политическая информация, официальные материалы, зарубежная информация, статьи на темы морали практически в равной мере интересуют всех читателей. Их читают регулярно не менее чем 3/4 всех читателей газет²⁴. Совсем иначе дело обстоит со статьями по экономике, науке, литературе и искусству. Интерес к этим материалам возрастает с повышением уровня образования.

Полученные нами в ходе исследований результаты дают основание полагать, что первая критическая точка, отделяющая

друг от друга читателей с разным образованием, находится на границе между лицами с минимальным образованием (до 4-х классов) и лицами с более высоким уровнем образования. Только после достижения этой точки читатель начинает проявлять устойчивый интерес к материалам, выходящим за пределы его повседневных забот, а также к публикациям, содержащим известные обобщения.

Чтобы возник серьезный интерес к проблемам экономики и науки, необходимо среднее образование. Статьи о литературе и искусстве очень часто становятся объектом внимательного чтения только после получения высшего образования, хотя наиболее существенный скачок происходит уже с приобретением среднего образования. Именно этот уровень образованности открывает индивидууму возможность максимального использования материалов, публикуемых центральной печатью. Дальнейшее его развитие не сказывается столь резко на структуре читательских интересов (табл. 5).

Таблица 5

Распределение читателей газеты в зависимости от образования и читательских интересов

Статьи	4—6 кл.	Среднее	Высшее
По экономике	5	14	28
О социальных процессах (теоретические)	13	36	43
О научной жизни	6	20	35
По литературе и искусству	6	19	21

Наши материалы, полученные при изучении аудитории центральных газет, полностью подтверждаются результатами уже упоминавшегося исследования чтения в небольших городах: четкое возрастание интереса к научно-популярной литературе в связи с повышением уровня образования²⁵ (табл. 6).

Таблица 6

Доля лиц, проявивших интерес к научно-популярной литературе в зависимости от уровня образования (%)

Начальное	Неполное среднее	Общее среднее	Среднее специальное	Высшее
41	55	74	79	91

Сильное влияние оказывает уровень образования и на читательские оценки. Повышение уровня образования в абсолютном большинстве случаев усиливает требовательность к информации²⁶.

Так, доля читателей центральных газет, не удовлетворенных качеством газетных материалов, по мере повышения уровня образования возрастала в 1,5—2 раза (если сравнивать крайние группы)²⁷.

Повышение уровня образования самым заметным образом сказывается и на отношении к произведениям художественной литературы — возрастает не только интенсивность чтения этого вида литературы, но и существенно меняются читательские интересы. Нами установлено, что с повышением уровня образования особенно резко возрастает интерес к современной проблематике. Об этом свидетельствуют, в частности, результаты опроса горожан в 1971 г.: среди понравившихся произведения советских авторов, изданные в 1957—1970 гг., назвало 22% горожан с образованием до 7 классов, 35% — со средним образованием и 45% — с высшим образованием. Примечательно и повышение с ростом образования интереса к зарубежной классической литературе (соответственно 6,13 и 17%). Аналогичные выводы были сделаны нами и в другом исследовании, в ходе которого опрашивались читатели центральных газет. Например, среди читателей «Труда» с высоким уровнем образования оказалось 26% тех, кто из понравившихся книг упомянул произведения о современной жизни, а среди лиц с начальным образованием таких было только 4%²⁸.

Для читателей с низким уровнем образования часто характерна крайняя нетребовательность в выборе книг и их оценке. Именно они составляют большинство из тех 2600 опрошенных подписчиков «Труда» (1967 г.), кто отметил как понравившиеся 1000 разных произведений²⁹. С повышением уровня образования резко сокращается — из-за повышения требовательности читателей — число произведений, получивших высокую оценку. Если во время опроса читателей «Труда» максимальный процент голосов, полученных наиболее популярными в данной аудитории современными советскими писателями, не превышал 4—5% от общего числа респондентов, то во время опроса читателей «Литературной газеты» этот показатель возрос до 14%.

При исследовании аудитории кинозрителей также было четко установлено, что повышение уровня образования резко меняет интересы к фильмам. Наиболее основательные выводы о роли образования в этой сфере получены коллективом социологов, возглавлявшимся Ю. Семеновым³⁰. Близкие результаты получены и нами во время изучения аудитории читателей центральных газет и читателей журнала «Советский экран» (1966—1971). В ходе этих исследований выяснено, что с повышением уровня образования возрастает ориентация на проблемные, дискуссион-

ные и эстетически значимые фильмы; в то же время снижается интерес к фильмам развлекательным, сентиментальным, малохудожественным. Вместе с тем некоторые типы фильмов вызывают практически одинаковый интерес у всех групп зрителей, независимо от уровня образования, например кинокартины, в которых заняты известные актеры, фильмы на исторические темы и др.

Сильное влияние уровня образования сказывается на структуре интересов читателей, слушателей, зрителей, на их оценке качества книг, статей и передач. Полученные результаты дают основание полагать, что развитие всей системы средств массовой информации в будущем будет сопровождаться постоянным повышением идейного и эстетического содержания информации. Только при этом условии средства массовой информации смогут выполнить в предстоящий исторический период задачи, поставленные XXIV съездом партии.

* * *

Результаты социологических исследований о влиянии уровня образования на структуру духовных потребностей имеют большую прогностическую ценность. Они позволяют обеспечить разрабатываемым прогнозам достаточно высокую степень конкретности. Вместе с тем опасно и переоценивать эти результаты. Было бы неправильно механически распространять (как уже отмечалось на примере с телевидением) те или иные особенности поведения ныне живущих людей на будущее и считать, что структура духовных потребностей различных слоев общества (особенно наиболее образованной его части) сохранится неизменной. В действительности под влиянием множества факторов быстрым изменениям будет подвергаться и образ жизни лиц с высоким уровнем образования. Особую роль в процессе изменения поведения и структуры потребностей советских людей будет играть стирание различий между умственным и физическим трудом, приобщение к высшим уровням образования и культуры всех трудящихся.

Образование — один из многих ключевых факторов, изучение которых необходимо для разработки прогнозов. В каждом прогностическом проекте такие факторы-переменные исчисляются десятками. Выяснение уже сложившихся взаимосвязей каждого из них с различными социальными явлениями — трудоемкая и сложная задача. Неменьшие трудности представляет и анализ тенденций изменения ключевого фактора. Образование в этом отношении — «легкий фактор», так как повышение его уровня в ближайшем будущем не вызывает сомнения. Исходя из того, что уровень образования в будущем непременно будет повышаться и имея информацию о его влиянии на различные стороны жизни, мы и получаем возможность составлять обоснованные прогнозы. Сложнее дело обстоит с прогнозированием динамики многих дру-

гих фа
но суш
к исто
массов
стов в
развит
венно
нально

Ита
(вроде
ных ис
пробле
отноше
ниями,
мого фа
ленных
чем пре
матема
можно
менения
с той ил

¹ Разде

мации

² Итоги

³ Гордо

и вне

⁴ Руков

лем —

мала

форма

студен

ся на м

Проек

⁵ См.: 3

ные ис

1970, с

исследо

ный уро

⁶ Примеча

на его п

а увелич

нейшее о

начальнук

дователям

мый закон

всех» (М.,

⁷ По данным

левизионны

среднего и

ренных» те

а вторая 3

⁸ Для более

лями фено

гих факторов. Так, социологическими исследованиями установлено существенное влияние рода занятий, профессии на отношение к источникам информации. Специфичны контакты со средствами массовой информации, скажем, инженеров и учителей, специалистов в области общественных и естественных наук и т. д. Прогноз развития системы средств массовой информации мог бы существенно обогатиться, если бы имелись точные данные о профессиональной структуре общества к концу нашего века.

Итак, при разработке прогнозов даже на качественном уровне (вроде влияния степени образованности на соотношение различных источников информации в будущем) возникают сложные проблемы, связанные, с одной стороны, с выяснением комплекса отношений между данным ключевым фактором и другими явлениями, и, с другой, с прогнозированием динамики развития самого фактора. Что же касается получения количественно определенных прогнозов, то эта задача на несколько порядков сложнее, чем предшествующая. Ее решение предполагает использование математических моделей различных типов. Только с их помощью можно предпринять попытку увязать друг с другом динамику изменения различных факторов и получить количественные оценки с той или иной степенью приближенности.

- ¹ Раздел «Уровень образования и отношение к средствам массовой информации» написан совместно с Л. Золототрубовой.
- ² Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. 3. М., 1972, с. 559.
- ³ Гордон Л., Клопов Э. Человек после работы. Социальные проблемы быта и вне рабочего времени. М., 1972. Прил., табл. 53.
- ⁴ Руководителем этого исследования был автор, ответственным исполнителем — М. Волынский. Активное участие в обработке материалов принимала Л. Золототрубова. Машинной обработкой руководил А. Терехин. Информацию собирали методом интервьюирования. Интервьюерами работали студенты и аспиранты МГУ. Применялась квотная выборка, основывавшаяся на модели городского населения страны (объем выборки — 500 человек). Проектирование выборки было осуществлено С. Чесноковым.
- ⁵ См.: Злотникова Р. А. Свободное время и образование. — В кн.: Социальные исследования. Вып. 6. Проблемы бюджета времени трудящихся. М., 1970, с. 111—128; Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований. М., 1973, гл. 2; Васильева Э. К. Социально-профессиональный уровень городской молодежи. Л., 1973, с. 120.
- ⁶ Примечательно, что с возрастанием уровня образования затраты времени на его продолжение не уменьшаются, как можно было бы предположить, а увеличиваются. Так, рабочие, закончившие 8—9 классов, тратят на дальнейшее образование в 4 раза больше времени, чем те, кто окончил только начальную школу. Данная закономерность зафиксирована многими исследователями. Попытка объяснить это явление, напоминающее так называемый закон Токвиля, была предпринята автором в книге «Социология для всех» (М., 1970, с. 119—120).
- ⁷ По данным Б. Фирсова, среди «весьма увлеченных зрителей» (смотрят телевизионные передачи более 15 ч в неделю) 57% лиц с образованием ниже среднего и 9% с законченным высшим. В то же время среди «весьма умеренных» телезрителей (до 3 ч в неделю) первая группа составляет 31%, а вторая 30% (Фирсов Б. Ваше мнение о телевидении. М., 1969, с. 113).
- ⁸ Для более точных расчетов следует учесть зафиксированный исследователями феномен резкого возрастания времени на телесмотрение сразу после

приобретения телевизора и последующего снижения временных затрат до некоторого стабильного уровня.

- ⁹ Телевизор, как показывают различные исследования, чаще всего является одним из первых предметов длительного пользования, который приобретает новая семья. В настоящее время не установлено, существует ли серьезная зависимость между фактом наличия телевизора и доходом семьи.
- ¹⁰ Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971, с. 179.
- ¹¹ Книга и чтение в жизни небольших городов. М., 1973, с. 283.
- ¹² Грушин Б. Свободное время. М., 1967, с. 104—105.
- ¹³ Социальные проблемы труда и производства. Москва — Варшава, 1969, с. 386; Гордон Л., Клопов Э. Указ. соч., с. 177.
- ¹⁴ См.: Багиров Э., Кацев И. Телевидение. XX век. М., 1968.
- ¹⁵ Книга и чтение в жизни небольших городов, с. 20.
- ¹⁶ См. об этом: Горбачевский Б. Оружие мысли. М., 1971, с. 70.
- ¹⁷ Таково, например, мнение Б. Фирсова, высказанное в его книге «Телевидение глазами социолога» (М., 1971, с. 179).
- ¹⁸ Читатель и газета. Итоги изучения читательской аудитории центральных газет. Вып. 2. М., 1969, с. 25. [Информ. бюл. № 20 (35)].
- ¹⁹ Книга и чтение в жизни небольших городов, с. 285. Прил., табл. 18.
- ²⁰ Приведенные данные получены из материалов, находящихся в секторе книги и чтения Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.
- ²¹ Бюджет времени жителей Пскова. Новосибирск, 1973, с. 90—91.
- ²² Гордон Л., Клопов Э. Указ. соч., гл. 10.
- ²³ Весьма характерно, что доля периодических изданий, запрошенных читателями Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, возросла с 1966 по 1974 г. с 28 до 47%, в то время как доля книг и брошюр сократилась с 61 до 36%.
- ²⁴ См.: Читатель и газета. Вып. 1 и 2.
- ²⁵ Книга и чтение в жизни небольших городов, с. 60.
- ²⁶ См.: Читатель и газета. Вып. 1 и 2.
- ²⁷ Читатель и газета. Вып. 2, с. 76.
- ²⁸ Читатель и газета. Вып. 1, с. 72.
- ²⁹ Там же, с. 71.
- ³⁰ Киноискусство и массовая аудитория. М., 1971.

Л. Н. КОГАН

Книга и современное телевидение

Научно-техническая революция произвела серьезные изменения в структуре не только материального, но и духовного производства. Одним из ее важнейших последствий для духовной сферы общества является быстрое и чрезвычайно широкое внедрение в жизнь технических средств производства, сохранения и распространения духовных ценностей.

Благодаря радио, телевидению, магнито- и видеозаписи жители самых отдаленных районов могут своевременно получать информацию о многогранной политической и культурной жизни страны. Произошло определенное перераспределение видов культурной деятельности человека, ибо смотреть фильм, спектакль, слушать концерт он может сегодня не только в театральном или концертном зале, в кинотеатре или клубе, но и дома по телевидению. Новые технические средства позволяют широко распространять и сохранять для грядущих поколений творчество замечательных исполнителей произведений искусства. Появились новые виды и жанры искусства (телефильм, теле- и радиоспектакль и т. д.). Только за период с 1960 по 1971 г. число программных телевизионных станций увеличилось с 82 до 131, радиоприемников у населения — с 27,8 млн. до 50,8, а телевизоров — с 4,8 млн. до 39,3¹. Исследование, проведенное сектором социологии культуры Института экономики Уральского научного центра АН СССР на ряде промышленных предприятий Свердловска в 1972 г., показало, что среди рабочих этих предприятий 82,8% имеют дома радиоприемники или радиолы, 85,6% — телевизоры, 25,2% — магнитофоны, 24,5% — транзисторные приемники, более 60% — фонотеки.

В результате всех этих изменений в сфере духовного производства произошли значительные перемены в средствах и формах общения людей. Перед общественными науками возникла новая задача — раскрыть объективные последствия появления и функционирования технических средств общения². Повсеместное проникновение этих средств существенно сказалось на структуре культурной деятельности людей: значительно увеличилась возможность выбора занятий в сфере культуры, в том числе выбора между общественно-организованными формами культурной деятельности (посещение учреждений культуры) и индивидуально-организованными (потребление культуры в «домашних условиях»). Сегодня перед семьей встает вопрос: пойти ли в клуб на концерт самодеятельности или остаться дома и смотреть телеспектакль (фильм)? Нередко он решается в пользу телевидения. Рабочий одного из московских заводов в письме в редакцию «Ли-

тературной России» замечает: «Я лучше по телевизору посмотрю настоящих артистов, как-никак у них класс игры повыше, чем у любителей»³.

При наличии обширной литературы о специфике и внутренних закономерностях телевидения его место в духовной жизни советского общества в период развитого социализма почти не исследовалось. По нашему мнению, прав Э. Багиров: чтобы теоретикам телевидения не пришлось «учиться на глазах у миллионов зрителей и постигать азбучные истины дорогой ценой ошибок, необходимо дать им возможность опереться на сумму знаний, полученных в результате углубленных исследований закономерностей функционирования радио и телевидения в обществе»⁴.

Очевидно, прежде чем проводить подобные исследования, надо выяснить взаимоотношение телевидения с другими средствами массовой информации и пропаганды, его место в структуре культурной деятельности различных социально-демографических групп населения. Следует отметить, что если по проблемам «телевидение и кино», «телевидение и театр», «телевидение и музыка» имеются, хотя и немногочисленные, работы, то проблема «телевидение и чтение» отечественными авторами практически не изучалась. Между тем в процессе конкретных социальных исследований, проведенных разными коллективами в различных районах страны с целью изучения определенных сторон духовной деятельности советских людей, накоплен материал, который свидетельствует о возможности более углубленного и широкого изучения этой темы.

Но вначале постараемся выяснить, имеются ли реальные основания для постановки проблемы «телевидение и чтение»? Не надумана ли она?

Данные зарубежных исследований позволяют считать, что такая проблема существует. Например, в Японии на просмотр телепрограмм у населения уходит в шесть-семь раз больше времени, чем на чтение, а в США постоянных телезрителей в 1,5 раза больше, чем регулярных читателей⁵. Возникшая и развивающаяся в капиталистическом мире своеобразная телемания рассматривается прогрессивными буржуазными социологами как одно из средств духовного отчуждения личности, превращения ее в «одномерную», лишенную собственного мнения единицу. Опрос, проведенный во Франции, показал, что молодые люди ежегодно сидят перед экранами телевизоров на 200 часов дольше, чем перед своими преподавателями. «Человека подавляет обилие информации; средства массовой информации в результате длительного воздействия могут воспитать потребительское отношение к жизни», — пишет Марсель Иктер⁶.

Разумеется, за эти последствия в ответе не само телевидение, а социальный строй, который сознательно и целенаправленно использует его как средство воспитания конформного мышления. Коммерческое телевидение делает все, чтобы удержать целый ве-

чер человека у голубого экрана, сознательно насаждает телеманию.

В этих условиях телевидение теснит книгу и чтение. В Италии, по данным опроса (1965 г.), из 100 телезрителей 65 никогда не читают книг, 15 читают их крайне редко, а 43 человека никогда не читают газет⁷.

В интересной работе «Революция в мире книг» директор центра социологии Бордоского университета Р. Эскарпи пишет: «...кино, радио, телевидение оказывают на книгу давление одновременно экономическое и эстетическое. В любом кинотеатре за цену, равную плате за час работы, можно целых два часа быть свидетелем захватывающих событий, при этом в элегантной и комфортабельной обстановке: зачем же тратить цену трех-четырех часов работы и даже больше, чтобы прочитать о тех же событиях в книге, которая чем дешевле, тем непривлекательнее»⁸. И оптимистический, казалось бы, вывод автора, что дешевая малоформатная книга в бумажной обложке способна противостоять экспансии современных технических средств распространения информации, звучит не столь уж обнадеживающе⁹.

В Советском Союзе, как и в других странах социализма, телевидение — средство пропаганды социалистической идеологии, средство коммунистического воспитания широких масс народа. Следовательно, функции телевидения у нас не только не совпадают с его функциями в странах капитала, но и диаметрально противоположны им. Телевидение в этих условиях взаимодействует с другими средствами коммунистического воспитания и в первую очередь — с книгой. Отсутствие у средств массовой информации, и прежде всего у телевидения, коммерческой цели — безудержной погони за прибылью — создает реальную возможность формирования планомерной и целенаправленной системы коммунистического воспитания. Здесь принципиально исключается конкуренция между различными формами пропаганды и воспитания масс.

Однако определенные противоречия между средствами массовой информации есть и у нас. Они являются следствием недостаточной слаженности в системе воспитания, следствием быстрого роста технических возможностей распространения информации. Эти противоречия носят неантагонистический характер и могут быть устранены. Но пока эти противоречия существуют, их нельзя игнорировать.

В многочисленных спорах о телевидении на страницах «Комсомольской правды», «Литературной газеты», «Учительской газеты», а также в местной печати нередко встречаются утверждения родителей, что в результате повсеместного распространения телевидения дети стали меньше читать, меньше посещать стадионы, выставки, театры. По нашим данным, учащиеся школ, ПТУ и техникумов проводят у телевизора в среднем 11,2 ч в неделю. По количеству времени, затрачиваемому на просмотр телепере-

дач, они занимают среди обследованных социально-демографических групп третье место (после пенсионеров и домохозяек). Однако и у самой «нетелевизионной» группы занятого населения — непроизводственной интеллигенции — средние затраты времени на просмотр телепередач весьма значительны — 9,4 ч в неделю¹⁰. Естественно, такие временные затраты не могут не привести к определенному перераспределению свободного времени в ущерб другим формам культурной деятельности.

Но следует иметь в виду, что широкое внедрение телевидения в быт и большие затраты времени на него у всех слоев населения внесли и прогрессивные изменения в бюджет свободного времени. «Принято считать, что телевидение отняло время, которое раньше предназначалось для газеты, книги, спектакля, выставки или фильма, — пишут Э. Багиров и И. Кацев. — Это справедливо. Но, вероятно, справедливо и то, что оно отняло время у домино, карт, тоскливого времяпрепровождения в подворотне, хулиганства и сплетен. Думается, что прежде всего телевидение заполнило тот интеллектуальный и эстетический вакуум, который еще имеет место»¹¹.

Сказанное выше позволяет нам уточнить проблемы, затрагиваемые в статье. Мы постараемся выяснить: а) как и на какие виды чтения в разных социально-демографических группах воздействует телевидение и «мешают» ли чтению большие затраты свободного времени на просмотр телепередач; б) в какой мере телевидение ведет к распространению домашних способов потребления культуры; в) почему сейчас широкое развитие телевидения не только ни в коей мере не должно «теснить» чтение, но должно быть его пропагандистом?

Словом, проблема не может ставиться в таких формах, как «телевидение или чтение», «сосуществование телевидения и чтения», а только в форме «тесное взаимодействие телевидения и чтения с целью всестороннего, гармонического развития личности советского человека».

Неумеренное увлечение телевидением в ущерб остальным видам культурной деятельности препятствует гармоническому развитию личности. Телевидение сочетает слово и изображение. Именно поэтому с его появлением некоторые теоретики предрекали «вытеснение» им многих видов искусства. Другие, наоборот, отрицали возможность превращения телевидения в особый вид искусства, ограничивая его роль лишь трансляцией, «доставкой на дом» зрителю того, что создано искусством. По мере того, как телевидение находило свою специфику, становилось ясно, что существует телевизионное искусство, которому, как и любому другому виду искусства, свойственна определенная условность. Телевидение по своей природе визуально: в нем изображение всегда имеет примат над словом. Даже в том случае, если на телеэкране зрители видят выступление поэта, их внимание в первую очередь сосредоточено на том, как он читает стихи, и лишь во вто-

рую — на самом смысле произносимого. Нередко случается, что сама личность поэта, его поведение перед камерой мешают зрителям воспринимать стихи. В этом мы видим одну из главных причин, почему телевидение не может заменить, вытеснить книгу (как не смогли сделать это и появившиеся ранее радио и кино).

Более того, любая инсценировка литературного произведения телевизионными средствами, если она механически, рабски следует за текстом произведения, неизбежно обречена на неудачу. Подобно киноэкранизации, телефильм (телеспектакль) по какому-либо роману или рассказу превращается в самостоятельное произведение искусства, в той или иной мере отличающееся от его литературной первоосновы. Телефильм (телеспектакль) — не экранизация книги, а ее телевизионный вариант¹².

Мы приводим эти широко известные и вряд ли кем-либо оспариваемые положения лишь для того, чтобы подчеркнуть взаимодополняемость телевидения и художественной литературы. Что же касается литературы научной и учебной (в последнее время принято говорить — функциональной), то сейчас особенно ясно, что она ни в коей мере не заменима телевидением, подобно тому как лекция или доклад на научной конференции не исключают необходимости самостоятельной работы с учебником или научным трактатом. Еще Леонардо да Винчи писал о преимуществе зрительного восприятия над слуховым. Нам интересно увидеть писателя или поэта, услышать, как он сам читает свои произведения. Однако только чтение, обдумывание каждой строки дает подлинное знание его творения (именно знание, а не знакомство!).

Конечно, Л. А. Гордон прав, считая, что телевидение не «ниже» и «не выше» литературы. Но оно не может заменить чтение, и, следовательно, неумеренное увлечение телевидением за счет чтения мешает развитию личности.

Хотелось бы обратить внимание еще на одно обстоятельство: фактом культуры является не только чтение книги, но и сама книга. Р. Эскарпи, перечисляя функции книги, выделяет среди них функцию «книги-предмета». Речь идет об эстетической ценности оформления книги, о полиграфическом исполнении. «Технический прогресс в области производства бумаги, цветной репродукционной техники, а также использования синтетических материалов зачастую позволяет, — пишет Р. Эскарпи, — издавать книги очень большой вещественной ценности, не снижая при этом ее обычных достоинств»¹³. Поэтому фактором развития личности выступает не только чтение, но и сам процесс общения с книгой.

Посмотрим теперь, как же влияет телевидение на содержание и интенсивность чтения.

Прежде всего отметим трудности, возникающие при анализе этой проблемы. Сравнение контингентов населения по интенсив-

ности чтения книг и просмотра телепередач мало что дает, ибо оно не показывает, чаще или реже стали читать люди книги после появления телевидения. Вывод же, полученный в результате такого сравнения: наиболее активные телезрители являются вместе с тем и наиболее активными читателями — свидетельствует лишь об их общей социальной активности.

В ряде исследований вопрос становится «в лоб»: больше или меньше читают в семьях после приобретения телевизора? Ответам на этот вопрос также не стоит всецело доверять. Во-первых, предположим, что телевизор существует в доме 5, 10, 15 лет. Способен ли человек точно ответить, больше ли он читает сегодня, чем 10 лет назад? Если же телевизор недавно куплен семьей, то, как мы увидим, данные периода «телеадаптации» (по крайней мере год со дня покупки) не могут быть механически экстраполированы на будущее. Во-вторых, предположим, человек ясно осознает, что 5 лет назад он читал больше, чем сегодня, но связано ли это с покупкой телевизора? Ведь 5 лет назад он был студентом, а сегодня — мастер в цехе, 5 лет назад он был холост, а сегодня у него семья и т. д. Вот почему, если уж ставить этот вопрос, то только для того, чтобы выяснить чисто субъективное, психологическое ощущение человека — и не более.

Интереснее ответы на вопросы типа «Станете ли Вы читать книгу после того, как просмотрели ее инсценировку по телевидению?» Нам кажется, что именно такой тип вопроса в анкете или интервью наиболее информативен. Однако и здесь надо иметь в виду, что телезритель мог уже читать инсценированную книгу и именно это побудило его посмотреть телеспектакль. С другой стороны, желание прочесть ту или иную инсценированную на телевидении книгу отнюдь не является гарантией того, что человек действительно прочтет ее. Кроме того, само возникновение такого желания зависит и от качества телеспектакля. Например, фильм А. Тарковского «Солярис» и многочисленные споры о нем в печати действительно пробудили большой интерес к роману С. Лема, чего нельзя сказать об очень слабой и прошедшей незамеченной инсценировке этого романа ленинградской телестудией. Вряд ли пробуждает интерес к литературному первоисточнику экранизация явно слабого в художественном отношении произведения.

Обширную информацию о влиянии телевидения на чтение могут дать повторные (панельные) исследования одной и той же категории реципиентов (скажем, рабочей молодежи до 30 лет) на одном и том же предприятии. Сравнение бюджетов свободного времени этой категории трудящихся с интервалом в 3, 5, 10 лет покажет, как меняются доли свободного времени, затраченного на чтение и на просмотр телевизионных передач.

Наконец, определенный материал дает анализ обобщенных «Дневников культурной жизни». Такие дневники были розданы нами по пропорциональной районированной выборке 2196 молодым рабочим промышленных предприятий Челябинской области.

Под контролем исследователей в течение месяца (октябрь 1970) каждый из них записывал в «Дневнике» прочитанные книги, просмотренные фильмы, спектакли, телепередачи и т. д. Полученная информация позволила выявить не только частоту обращения к телевизору и книге, но и — в определенной мере — содержательную сторону интереса к ним.

Ни одним из указанных методов, взятых изолированно, нельзя раскрыть реальные взаимоотношения чтения и телесмотра.

Только при использовании совокупности методов в какой-то мере мы можем получить ответ на интересующий нас вопрос.

При этом важна строгая дифференциация, во-первых, читателей по полу, возрасту, образованию, социальному положению и другим характеристикам, а, во-вторых, самой читаемой литературы. Постараемся, учитывая высказанные соображения, выяснить, как влияет телевидение на чтение. В распоряжении сектора социологии Института экономики Уральского научного центра АН СССР есть материалы, полученные различными методами, которые в комплексе позволяют составить более или менее цельное представление о влиянии телевидения на чтение различных групп населения города и деревни.

Мы считаем правомерным ограничиться рассмотрением влияния телевидения на чтение художественной литературы, поскольку наши данные свидетельствуют, что на сферу специального чтения телевидение существенного воздействия ныне не оказывает¹⁴.

Как же изменяет телевидение соотношение индивидуально организованных (домашних) и общественно-организованных форм культурной деятельности?

По нашим данным, телевидение повлияло главным образом на посещаемость учреждений культуры и вообще, на время, уделяемое различным формам внедомашней культурной деятельности. Сокращение коснулось временных затрат (в убывающей последовательности) на следующие занятия¹⁵:

- прослушивание радиопередач;
- посещение кинотеатров;
- посещение лекций, бесед, вечеров;
- посещение театров, музеев, выставок;
- посещение клуба;
- посещение стадионов, спортивных залов;
- встречи с друзьями, родными, знакомыми;
- чтение художественной литературы;
- любительские занятия (типа «хобби»);
- занятия спортом, туризмом;
- участие в художественной самодеятельности;
- чтение газет и журналов.

По мнению самих телезрителей (мы уже говорили об определенной субъективности этих мнений), в первую очередь сократились затраты времени на прослушивание радиопередач. Это естественно, ибо, имея дома и радиоприемник и телевизор, чело-

век чаще всего при одновременной передаче по радио и телевидению какого-либо события (торжественного заседания, парада, матча и т. д.) предпочитает именно телевизор.

На интенсивность чтения газет и журналов телевидение отрицательного воздействия почти не оказало. При сопоставлении данных анкетного опроса с материалами бюджетных обследований свободного времени и «Дневников культурной жизни» выяснилось, что незначительное снижение интереса к прессе (газетам и журналам) наблюдается не более чем у 10% опрошенных и то далеко не во всех группах. В то же время в группе инженерно-технических работников зафиксировано повышение интереса к прессе.

Вообще надо отметить, что нет такого занятия в сфере культурной деятельности личности, на которое влияние телевидения было бы однозначным — только положительным или только отрицательным. В каждой из социально-демографических групп есть люди, которые стали интенсивно заниматься тем или иным делом в результате просмотра телепередач. Если расположить перечень занятий, на которые, по мнению опрошенных, под воздействием телевидения увеличились временные затраты, то получается следующая картина (в убывающей последовательности):

- занятия спортом, туризмом;
- чтение газет и журналов;
- любительские занятия (типа «хобби»);
- встречи с друзьями, родными, знакомыми;
- чтение художественной литературы;
- участие в художественной самодеятельности;
- посещение стадионов, спортивных залов;
- посещение клуба;
- посещение лекций, бесед, вечеров;
- посещение театров, музеев, выставок;
- посещение кинотеатров;
- прослушивание радиопередач.

Таким образом, за небольшими отклонениями мы имеем «зеркальное», обратное отношение показателей. Минимальное число зрителей указало, например, что телевидение понизило их интерес к прессе, в то же время наибольшее число считает, что этот интерес под влиянием телевидения повысился.

Другое дело, что число уменьшивших временные затраты на любой вид деятельности (кроме спорта и туризма) оказалось бóльшим, чем число увеличивших затраты времени на соответствующее занятие. В целом число уменьшивших временные затраты к числу увеличивших их относится как 5:1.

Из 12 выбранных нами видов занятий чтение художественной литературы стоит в первом случае на 8-м, а во втором — на 5-м месте. Из всех опрошенных не более 10% отметили снижение затрат времени на чтение в результате просмотра телепередач. В то же время в группе учащихся зафиксирован перевес положительных мнений над отрицательными.

Еще раз подчеркнем, что в этом исследовании речь идет только о мнении людей относительно роли телевидения в их культурной деятельности. Естественно, эти мнения нуждаются в детализации и проверке.

Влияние телевидения на чтение существенно зависит от «стажа» телезрителя, т. е. от срока покупки телевизора. В первый год после покупки телевизора почти у трети телезрителей-рабочих сократился расход времени на чтение художественной литературы. Постепенно, по мере адаптации к телевизору, его отрицательное влияние на чтение становится все меньше.

Число сокративших затраты времени на чтение художественной литературы под влиянием телевидения среди тех, у кого высшее образование, оказалось в 2,1 раза меньшим, чем среди тех, у кого начальное образование. Сравнительно невелико число сокративших затраты времени на чтение среди обучающихся без отрыва от производства: 9,6%, в то время как среди лиц, не охваченных обучением, таких оказалось 13,9%.

Данные, приведенные выше, касаются городских телезрителей. Для деревни характерны те же тенденции, но действие их проявляется здесь более ярко и отчетливо. Если рабочие города в будний день проводят у телевизора в среднем 2 ч, то рабочие совхоза — 2,6 ч., телезрители, принадлежащие к интеллигенции, соответственно 1,7 и 2,2 ч.

На селе, по мнению самих зрителей, телевидение также значительно меньше повлияло на домашние виды культурной деятельности (кроме прослушивания радиопередач), чем на общественно-организованные (см. табл.)¹⁶.

Изменения в культурной деятельности у жителей села после приобретения телевизора (100% — число опрошенных)

Вид деятельности	Стали заниматься		Степень отклонения
	чаще	реже	
Чтение газет	6,4	10,3	—3,9
Чтение художественной литературы	4,3	16,8	—12,5
Прослушивание радио	6,0	27,5	—21,5
Посещение кино	4,3	46,0	—41,7
Посещение клуба	2,1	38,7	—36,6
Участие в художественной самодеятельности	4,3	11,1	—6,8
Занятия спортом	4,7	8,4	—3,7
Встречи со знакомыми	9,3	15,8	—6,5

Происходит ли снижение затрат времени на чтение в результате появления телевидения в деревне? В селе Тарасовка Чесменского района Челябинской области с этой целью нами был по-

ставлен специальный эксперимент. В начале 1969 г., до того, как село попало в зону уверенного приема телепередач, были проведены бюджетные обследования временных затрат на все виды культурной деятельности и стандартизованное интервьюирование всех взрослых жителей села (266 человек). Повторное (панельное) обследование по той же программе было проведено в конце 1971 г.—после того, как село вошло в зону уверенного приема передач Челябинской телестудии и большинство жителей села приобрело телевизоры. Лица с низким уровнем образования (4 кл. и ниже) с появлением телевизора почти полностью переключились на восприятие информации по радио и телевидению (61,1% из них не читают газет, в то время как среди людей со средним образованием газет не читает всего 3,7%). Что же касается интереса к прессе у людей с неполным средним (и выше) образованием, то он практически не изменился.

Аналогичные тенденции прослеживаются и при изучении интереса к художественной литературе. Отметим, однако, что данные, полученные при бюджетных обследованиях, более достоверны, чем при анкетировании. Результаты бюджетных обследований подтверждают выводы, которые наметились при анализе анкет: приход телевидения снизил интерес к книге у тех слоев населения, которые и до приобретения телевизора практически не читали художественной литературы, и заметно повысил этот интерес у постоянных читателей.

Постоянные читатели в селах Тарасовка и Байны проводят у телевизора в среднем на 6,5 ч в неделю меньше по сравнению с теми, кто художественную литературу не читает. Очень важно отметить, что постоянные читатели оказались и гораздо более вдумчивыми телезрителями, чем жители села, не читающие книг. В селе Байны Богдановического района Свердловской области во всех семьях, имеющих телевизор, в течение недели под контролем исследователей (Е. П. Михайлова и П. П. Великий) заполнялись «Дневники телезрителей». Их анализ показал, что в семьях, где читают художественную литературу, передачи по программе выбирают 71,5%, а где не читают—64,5%; обсуждают передачу после просмотра соответственно 43 и 29,7%; число членов семей, отрицательно оценивших определенные передачи, составляет соответственно 16,5 и 12,9%.

Таким образом, есть все основания говорить не только о влиянии телевидения на интенсивность чтения, но и о воздействии чтения художественной литературы на культуру телезрителя. Этот вывод согласуется с результатами исследований, проведенных сектором книги и чтения Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина в г. Острогжске Воронежской области. Здесь среди постоянных читателей 33% часто смотрят телепередачи и только 6% не являются телезрителями¹⁷.

Более детально структура чтения изучалась при помощи «Дневников культурной жизни», заполненных молодыми рабо-

чими (до 30 лет) разных отраслей промышленности г. Челябинска (октябрь 1970 г.)¹⁸.

Всего в «Дневниках» были отмечены 735 произведений 379 писателей. Наиболее часто упоминаются книги следующих авторов: Э. Золя и Л. Толстой (преимущественно «Анна Каренина») — 26 раз; Т. Драйзер (в основном «Сестра Керри») — 25; С. Есенин — 23; А. Дюма — 21; В. Рублев («Семья») — 21; Ю. Герман — 20; Л. Овалов — 19; Ф. Достоевский («Преступление и наказание»), А. Островский, М. Стельмах, Б. Полевой, П. Мирный («Гулящая») — по 15 раз каждый; А. Беляев, С. Сартаков, В. Кочетов, А. Чаковский, И. Лазутин — по 10.

Теперь обратим внимание на следующие данные: «Анна Каренина» прошла на экранах Челябинска в начале 1968 г. и осенью того же года была показана по телевидению, фильм «Сестра Керри» шел на экранах кинотеатров в 1969 г., «Наши знакомые» по произведению Ю. Германа — в начале 1970 г., «Преступление и наказание» — в сентябре 1970 г. (как раз перед проведением опроса). Достаточно сопоставить эти факты и наиболее читаемые челябинскими рабочими произведения, чтобы сделать вывод о существовании определенных зависимостей между кругом чтения молодых рабочих и репертуаром кино и телевидения.

Конечно, влияние любой экранизации на чтение противоречиво, в частности, бесспорно справедливы наблюдения педагогов, которые отмечают, что определенная часть учеников не читает «Войну и мир», «Анну Каренину» или «Преступление и наказание», ограничиваясь просмотром кинофильмов или телепостановок. Здесь действует по сути дела уже отмеченная нами закономерность: для читающей публики кино- или телеэкранизация литературного произведения является побудительным мотивом обращения (часто — повторного) к литературному первоисточнику, людей же, практически далеких от литературы, просмотр такого фильма не побуждает к более подробному знакомству с произведением. Многое зависит, конечно, и от качества экранизации: чем она лучше, тем больше людей захочет прочесть экранизированное произведение. Плохая экранизация может только отвлечь от самого лучшего произведения литературы. К сходным выводам пришли исследователи из Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина¹⁹. По их данным, в г. Острогжске в период демонстрации ряда кинокартин, поставленных по известным романам, захотело обратиться к литературному первоисточнику и не испытало такого желания равное число опрошенных (47%).

Однако роль телевидения как средства пропаганды литературы неверно было бы ограничить экранизациями. Исследования в г. Челябинске показали, что молодые рабочие плохо знают новинки советской литературы. Из всех произведений современных авторов, прочитанных молодыми рабочими в октябре 1970 г., 17,1% были изданы в первые послевоенные годы; 31,5% — в

50-е гг.; 25,6% — в период 1960 — 1965 гг.; 14,1% — в 1965—1968 гг. и лишь 11,7% — в 1969—1970 гг.²⁰. Литературные произведения попадают в среду рабочей молодежи, успев «постареть» на 10—15 лет. Из всех прочитанных за месяц молодежью произведений только 14,9% были напечатаны в литературно-художественных журналах (в основном — старых). Правда, еще 12,3% падает на выпуски «Роман-газеты». Но этого, на наш взгляд, явно недостаточно.

Представляется, что по первой программе Центрального телевидения необходимо хотя бы два раза в месяц вести постоянную тематическую передачу «Новинки художественной литературы», которая знакомила бы телезрителей с произведениями, только что вышедшими в издательствах или опубликованными в журналах. Очень важно, чтобы в этих передачах выступали и сами авторы произведений. Телевидение может широко популяризировать центральные и местные литературно-художественные журналы. К моменту исследования выписывали или постоянно читали «Юность» 16% молодых рабочих, «Молодую гвардию» — 6%, «Иностранную литературу» — 2,6%, другие литературно-художественные журналы — 7%. «Литературную газету» постоянно читают лишь 4,7% заполнивших «Дневники» рабочих.

Основным мотивом выбора книги для чтения у 20% опрошенных является совет друзей, родных и знакомых²¹. Влияние телевидения на выбор книги отметило ничтожное число опрошенных. Это объясняется отчасти тем, что его роль в процессе выбора книги далеко не всегда осознается человеком. Между тем мы уверены, что телевидение должно быть одним из основных советчиков в процессе формирования избирательности чтения. Коллективизм, свойственный советскому рабочему классу, проявляется и в чтении художественной литературы. Зачастую книга, понравившаяся одному из членов рабочей бригады, сразу же вызывает интерес у большинства ее членов. При исследовании 50 рабочих бригад г. Челябинска почти в половине из них (46,9%) в «обращении» находились две-три книги, рекомендованные товарищам по бригаде одним из рабочих. Поэтому можно быть уверенным, что круг лиц, которые прочитают рекомендованные в телевизионных передачах книги, будет намного шире круга постоянных слушателей этих передач.

Приведенные выше материалы убеждают в том, что телевидение не использует пока и сотой доли имеющихся у него возможностей в пропаганде художественной литературы. Правда, в последнее время стало больше телевизионных литературных концертов, в том числе и авторских, больше удачных телеэкранизаций литературных произведений.

В пропаганде книги телевидение может выполнять одновременно несколько функций: а) информационную, сообщая о новых книгах и о содержании выходящих из печати литературных

журналов; б) рекомендательно-популяризаторскую, представляя различным слоям населения наиболее интересные и ценные книги; в) познавательную, рассказывая о судьбе тех или иных книг, о писателях, об эстетических особенностях художественной литературы; можно также выделить специфическую функцию экранизации произведений литературы. По нашему мнению, словно бы просятся на экран прекрасные эссе о поэзии С. Наровчатова или такие увлекательные рассказы о книге, как работы В. Свирского «Откуда вы, герои книг» и В. Дмитриева «Замаскированная литература».

Формы подачи материала могут быть самыми разнообразными. Почему бы не организовать, например, передачу из квартиры известного библиофила, не показать книжные богатства его коллекции? Можно быть уверенным, что такая передача вызовет огромный интерес у сотен тысяч владельцев личных библиотек. Сегодня живут и здравствуют люди, близко знавшие А. Горького, В. Маяковского, Э. Багрицкого, А. Серафимовича, А. Толстого, М. Светлова и других классиков советской литературы. Почему бы по первой программе Центрального телевидения не организовать систематические вечера их воспоминаний о писателях и поэтах?!

Особо стоит сказать о пропаганде детской книги. Воспитание любви к литературе должно начинаться с детских лет, и здесь живая, образная телевизионная передача может быть особенно эффективна.

«Слово оказывается острым орудием борьбы, самым совершенным, каким человек располагает», — говорил в 1918 г. А. В. Луначарский²². Эти слова верны и сегодня, как бы ни развивались технические средства распространения культуры.

Жизнь убедительно показала, что никакие из этих средств не могут заменить одного из величайших наслаждений, доступных человеку, — чтения умной и интересной книги.

Научно-техническая революция значительно расширила выбор видов культурной деятельности, духовная культура стала неизмеримо богаче. «Конкуренция» между отдельными видами этой деятельности, одностороннее увлечение одним из них в ущерб остальным — своеобразные издержки быстрого роста всех звеньев культуры, следствие недостаточной адаптации человека к бурному развитию новых средств создания и распространения духовных ценностей. Эти издержки будут ликвидированы тем скорее и безболезненнее, чем более тесным и планомерным будет взаимодействие «старых» и «новых», порожденных прогрессом науки и техники, видов культурной деятельности. Ведь все они в нашем обществе имеют одну общую цель — формирование социально активной, гармонически развитой личности, гражданина нового, коммунистического общества.

- ¹ Народное хозяйство СССР. 1922—1972 гг. Юбилейный статистический ежегодник. М., 1972, с. 314.
- ² Перов Ю. В. Технические средства общения и духовная жизнь.— «Проблемы исторического материализма». Л., 1973, вып. 3, с. 62.
- ³ «Литературная Россия», 1973, 17 авг.
- ⁴ Багиров Э. Задачи, которые стоят сегодня перед исследователями вещания.— В кн.: Проблемы телевидения и радио. М., 1971, с. 5—6.
- ⁵ См.: Книга и чтение в жизни небольших городов. М., 1973, с. 19.
- ⁶ «Курьер ЮНЕСКО», 1973, май, с. 29.
- ⁷ См.: Виола Сандро. Диктаторы голубого экрана.— «За рубежом», 1966, № 37, с. 29.
- ⁸ Эскарпи Р. Революция в мире книг. М., 1972, с. 28.
- ⁹ См. там же, с. 15.
- ¹⁰ Телевизионная аудитория. Структура, ориентации, культурная активность. Свердловск, 1973, с. 29.
- ¹¹ Багиров Э., Кацев И. Телевидение. XX век. М., 1968, с. 29—30.
- ¹² См.: Соболев Р. Двенадцать встреч с одиннадцатой музой.— «Лит. газ.», 1973, 5 сент.
- ¹³ Эскарпи Р. Революция в мире книг, с. 34.
- ¹⁴ К этому же выводу пришли и сотрудники сектора книги и чтения научно-исследовательского отдела библиотковедения и теории библиографии Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина («Книга и чтение в жизни небольших городов», с. 21).
- ¹⁵ Исследование проводилось в процессе изучения телевизионной аудитории Свердловской области.
- ¹⁶ Обследование проводилось Е. П. Михайловой в селе Байны Свердловской области и в 14 селах Челябинской области путем сплошного опроса телезрителей.
- ¹⁷ Книга и чтение в жизни небольших городов, с. 20.
- ¹⁸ Культура рабочей молодежи Южного Урала. Челябинск, 1973, с. 141.
- ¹⁹ Книга и чтение в жизни небольших городов, с. 76—78.
- ²⁰ Культура рабочей молодежи Южного Урала, с. 154.
- ²¹ По данным исследования, проведенного Государственной библиотекой СССР им. В. И. Ленина, в небольших городах этим мотивом руководствуется 24—25% читателей («Книга и чтение в жизни небольших городов», с. 84).
- ²² Луначарский А. В. Речь при открытии Института живого слова.— «Театр», 1968, № 9, с. 85.

Методологические проблемы изучения читательской аудитории газеты

В настоящее время залогом успешного функционирования средств массовой информации все в большей мере становится знание аудитории, на которую они рассчитаны. В этой связи настоятельно заявляет о себе необходимость комплексного социологического изучения аудитории средств массовой информации в целом и аудитории газет, в частности. Первым и одним из наиболее важных этапов изучения читательской аудитории является разработка проекта исследования, определение его основных целей и конкретных способов их реализации. Известный опыт, накопленный в связи с изучением читательских интересов и структуры аудиторий газет¹, позволяет нам в какой-то мере охарактеризовать целевые установки подобных проектов и группу проблем, относящихся к их составлению.

Выделим следующие важнейшие цели социологического изучения аудитории газеты:

1) установить состав читателей по основным социально-демографическим признакам (пол, возраст, партийность, образование, профессия, должность, место жительства, семейное положение и т. д.);

2) выявить интересы различных категорий читателей относительно основных разделов газеты и ее авторского коллектива;

3) определить с учетом социально-политической активности различных категорий читателей степень их удовлетворенности публикациями;

4) охарактеризовать место конкретной газеты в системе всех средств массовой информации, используемых ее читательской аудиторией.

Проект, предусматривающий достижение отмеченных целей, носит по преимуществу прикладной характер — получить сведения, необходимые газете в современных условиях. Однако в подобном исследовании должна учитываться возможность «выхода на теорию» (хотя бы в том смысле, что материалы, полученные при реализации проекта, могут стать базой для последующего, более обобщенного изучения читательской аудитории). Таким образом, исследование получает двоякую ориентацию: выяснение некоторых закономерностей, присущих восприятию массовой коммуникации, и получение сведений прикладного характера.

При комплексном изучении заданной совокупности читателей предполагается провести соотносительный анализ многоплановых сведений. Поскольку исследование каждого элемента

предметной области требует специфических методов и средств фиксации первичной информации, постольку цели проекта могут быть достигнуты только в результате применения системы рабочих методов. Так, для выявления динамики тиража издания и его регионального распределения необходим документальный анализ, для изучения читаемости газет в витринах — метод регистрируемого наблюдения, для изучения читательских оценок — интервьюирование и почтовое анкетирование.

Составляя проект изучения аудитории центральной газеты, в принципе можно выделить комплекс основных подисследований и соответствующую ему систему методов.

Программы каждого подисследования в рамках некоторого единства обобщаются на уровне проекта. Таким образом, имеется основа для интеграции или дифференциации программ и соответствующих им методов сбора эмпирического материала. Вытекает эта общая основа построения программ из необходимости определить генеральную совокупность и выяснить социально-демографический состав аудитории; в качестве метода реализации программы выступает выборочный опрос, который, в свою очередь, является «родовым» методом по отношению к наиболее часто встречающимся в арсенале используемых методов сбора социологической информации — анкетированию и интервьюированию.

В рамках всего комплекса можно говорить не только о сопряженных на общей основе, но и о более самостоятельных подисследованиях.

Вышеизложенные соображения позволяют сделать по крайней мере три следующих вывода:

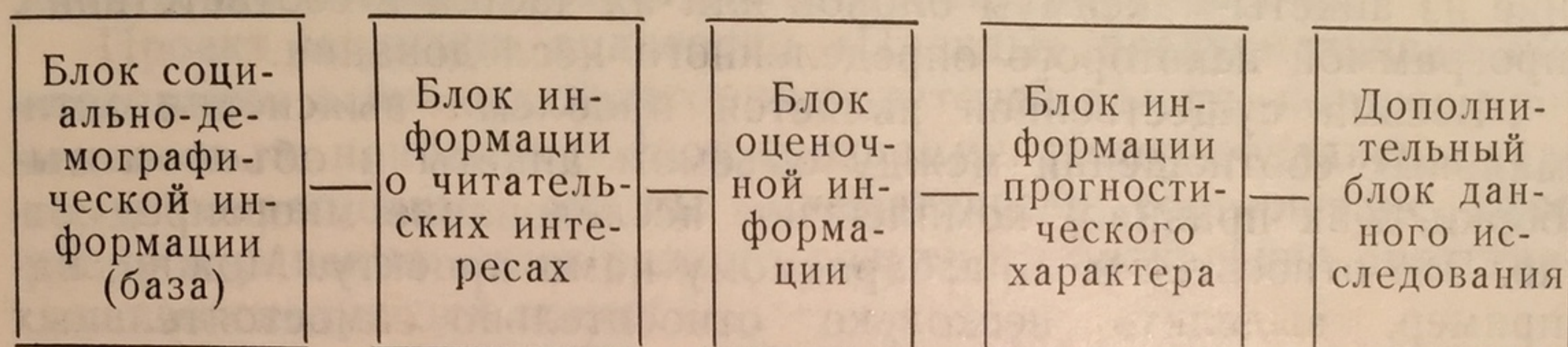
1. В рамках единого проекта отдельные самостоятельные исследования могут быть сгруппированы по принципу общности основ программ и общности методов сбора исходной информации.

2. Общность одного или нескольких методов (в рамках проекта) при общности основ программ отдельных исследований позволяет совместить элементы (информативные блоки) нескольких программ в укрупненных документах (анкетах) для регистрации первичных сведений.

3. В зависимости об объема выборки из укрупненной анкеты могут быть выделены отдельные блоки информации при сохранении как минимум одного общего, в котором отражается основа группы исследовательских программ.

Ведущая группа подисследований имеет своим объектом читательскую аудиторию. Поскольку различные аспекты изучения читательской аудитории так или иначе связаны с анализом ее социально-демографического состава, то соответствующий блок вопросов оказывается необходимым и в главном общем для всех подисследований. Назовем этот блок базой анкеты. Поскольку же документы социологического исследования слу-

жат для регистрации сведений, сбор которых предусмотрен программой, то каждый из документов в какой-то мере отражает эту программу (или часть ее). В таком отраженном виде программу можно представить как некоторую сумму информативных блоков:

Уточним теперь, что в разных исследованиях (даже одного комплекса) блоки эти могут быть представлены в различных сочетаниях и объемах. В таком случае для проведения выборочного опроса может быть построена система анкет на общей базе. В системе найдут отражение программы группы исследований, вернее, те части программ, которые предусматривают процедуру опроса — очного или заочного — с помощью интервью или анкетирования.

Дадим информативным блокам программ (анкет) произвольные обозначения А, Б, В, Г, Д. Условная схема может выглядеть тогда хотя бы следующим образом:

Для каждого исследования требуется определенное число и определенные размеры блоков (в том числе и базового). Для разработки же сводной программы, включающей группу исследований, важен учет по максимуму. Поэтому, когда характер информативного содержания блоков совпадает — берется наибольший из них, когда для одного из исследований нужен спе-

циальный блок — он берется в том объеме, в каком необходим для данного исследования. Из набора выбранных таким путем блоков составляется укрупненный документ, например анкета, в котором и отражается сводная программа группы исследований. Возможна, естественно, и обратная процедура — вычленение из анкеты-максимум блоков или их частей в соответствии с программой некоторого определенного исследования.

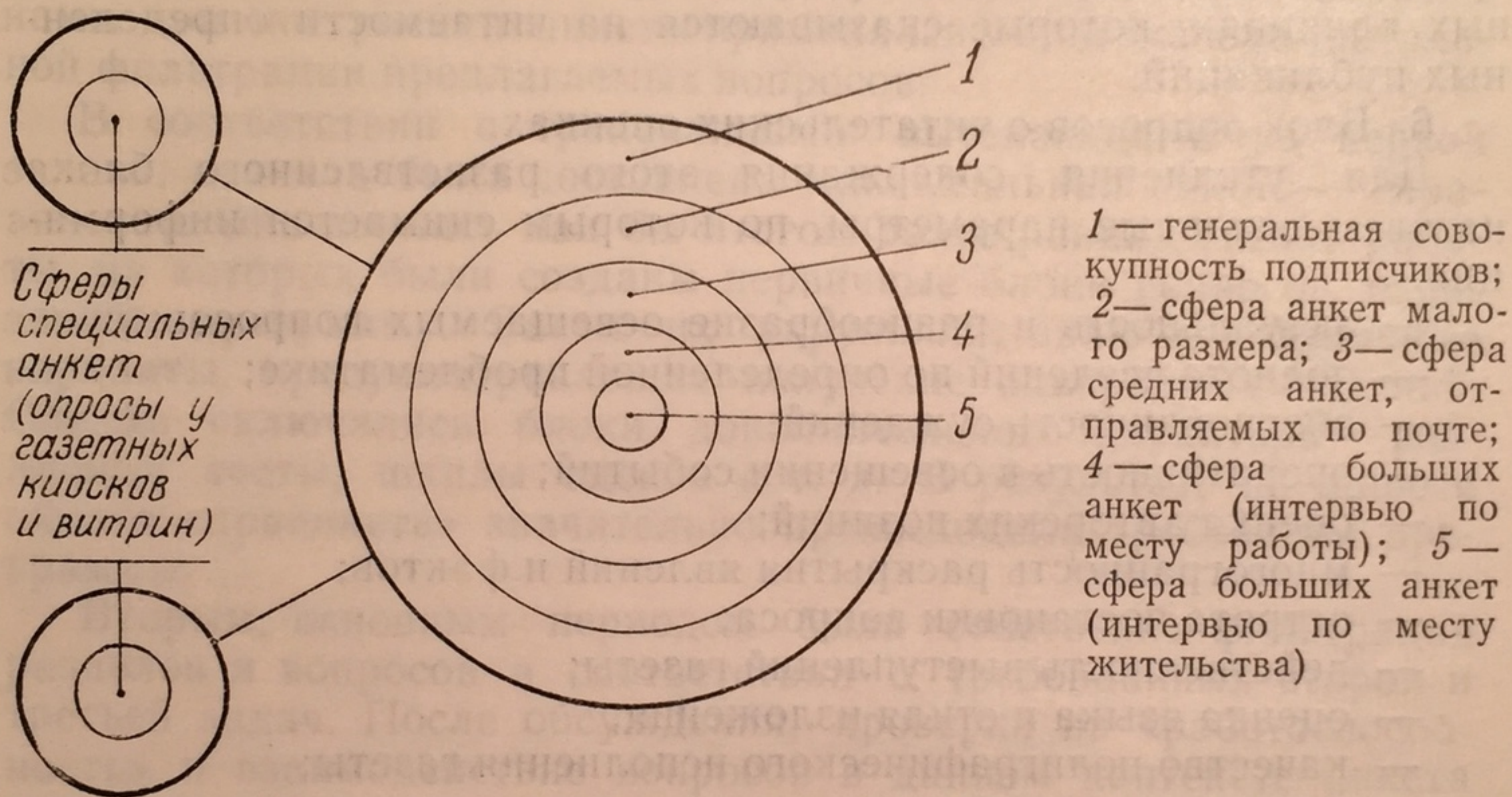
Весьма существенной является проблема выяснения оптимальных соотношений между объемом анкеты и объемом выборки. Как правило, комплексное исследование многопредметно. Это относится и к разбираемому нами проекту. Можно, например, выделить несколько относительно самостоятельных объектов, изучение которых предпочтительно средствами выборочного опроса: а) генеральная совокупность подписчиков газеты; б) генеральная совокупность покупателей газеты в киосках; в) генеральная совокупность читателей газеты в витринах, библиотеках, по месту работы. Схема объектов изучения должна включать также и другие объекты, охватываемые проектом:

Рассмотрим в этой схеме основной объект (I), изучению которого посвящено сразу несколько подисследований. Части их программ, данные по которым предусматривается получить посредством опроса, отражены в анкете-максимум. Она наиболее удобна для интервьюирования. Однако такая процедура даже при самой тщательной выборке может быть распространена лишь на очень небольшую часть генеральной совокупности (когда речь идет о центральных газетах с их многомиллионными тиражами, это становится особенно очевидным). Естественно, что для обеспечения большей надежности получаемых сведений о структуре аудитории и особенно о читательских интересах, оценках, предложениях целесообразно увеличить объем выборки. Этого можно достичь вычленением из анкеты-интервью определенных блоков информации (включая базовый) и отражением их в почтовой анкете меньшего размера, но более удобной для широкого распространения в соответствии с увеличенным объемом выборки. Следующая ступень — минимальная анкета, состоящая из одного базового блока или даже части

его. Такое ограничение окупается возможностью дальнейшего увеличения объема выборки. Итак, максимальная по числу блоков и размеру анкета обеспечивает представительство аудитории в наименьшей мере, минимальная же анкета предлагается достаточно большой части генеральной совокупности.

Проект изучения аудитории «Правды» предусматривал обследование основных категорий читателей газеты, которое проводилось по наиболее полной программе. Использовались, однако, и сокращенные анкеты. Схематическое соотношение сфер распространения анкет разного размера и назначения представлено на следующей схеме:

До сих пор мы рассматривали лишь иерархию уровней сбора информации. Обратимся теперь к конкретному содержанию блоков, отражающих программу группы анкетных (опросных) исследований, проводимых в рамках единого проекта, и к практике построения анкет комплексного исследования.

1. Базовый блок. Цель этого блока — получить надежные и достаточно полные сведения о социально-демографическом составе — возрасте, поле, образовании, партийности, занятии, месте жительства, семейном положении читателей и т. д. Одновременно выясняются специфические особенности отдельных социально-демографических групп, для чего в блок вводятся дополнительные вопросы. Полученные сведения позволяют судить о составе аудитории, на которую может ориентироваться издание².

2. Блок вопросов, относящихся к определению места данной газеты в ряду других средств информации. Обеспечиваемые этим блоком сведения необходимы для уточнения «поля деятельности» издания.

3. Блок вопросов, касающихся устойчивости связей газеты с читателями. Входящие в блок вопросы ориентированы на по-

лучение данных о читательском стаже, о намерении продолжить подписку на новый год и т. д.

4. Блок вопросов о читательских ориентациях. Данный блок преследует цель установить основные типы читателей, сходство и расхождение этих типов по наиболее значительным позициям.

На основе таких сведений может быть, например, уточнен характер действий отделов редакции.

5. Блок вопросов, предусматривающих получение информации об уровне популярности тех или иных авторов, разделов, жанров, форм подачи материала. Здесь же одновременно предусматриваются возможности регистрации сведений о различных влияниях, которые сказываются на читаемости определенных публикаций.

6. Блок вопросов о читательских оценках.

Для уточнения содержания этого разветвленного блока назовем основные параметры, по которым снимается информация:

- актуальность и разнообразие освещаемых вопросов;
- полнота сведений по определенной проблематике;
- обоснованность суждений;
- оперативность в освещении событий;
- оценка авторских позиций;
- многогранность раскрытия явлений и фактов;
- острота постановки вопроса;
- действенность выступлений газеты;
- оценка языка и стиля изложения;
- качество полиграфического исполнения газеты;
- качество иллюстративного материала.

Этот пласт информации (так же как и сведения о структуре аудитории) совершенно необходим для перспективного планирования и для разработки мер, повышающих эффективность воздействия издания.

7. Блок вопросов, ориентированных на читателей, покупающих газеты в киосках «Союзпечати» и читающих в витринах, библиотеках, на работе и т. п. Блок этот, как отмечалось, носит специфический характер. В рамках комплексного обследования блок позволяет расширить изучение аудитории подписчиков газеты до аудитории всех читателей и способствует установлению обоснованных пропорций в распространении издания по подписке и в розницу.

Далее обратимся к проблемам построения анкеты как одного из важнейших условий реализации проекта исследования. Вслед за определением основных информативных блоков, вернее их направленности, начинается важный этап работы по «содержательному» заполнению этих блоков, т. е. отбору вопросов, ответы на которые способны дать достаточные для выполнения программы сведения.

Перед исследователем здесь встают три в какой-то мере противоречивых задачи:

- 1) обеспечить наибольшую полноту информации;
- 2) предельно сократить объем анкеты;
- 3) получить достаточно откровенные ответы.

Решение первой задачи требует привлечения большого числа сведений, что противоречит условию второй задачи. Необходимость введения в анкету системы контрольных вопросов, предписываемая третьей задачей, плохо согласуется с требованиями первой и второй задач, так как эти вопросы занимают существенную часть площади анкеты.

Для снятия (хотя бы частичного) отмеченных противоречий нами при построении анкеты применялся метод экспериментальной фильтрации предлагаемых вопросов.

В соответствии с требованиями, вытекающими из первой задачи, сначала была составлена максимальная анкета — «праанкета». Она явилась как бы итогом более ранних этапов работы, на которых были созданы первичные блоки вопросов, отразившие программу. Затем их укрупняли, включая различные варианты, предусматривавшие получение однородных сведений. Следом включались блоки дополнительного характера — различные тесты, шкалы оценок и т. д. В результате по широте охвата «праанкета» значительно превосходила требования программы.

Вторым, основным периодом была собственно фильтрация разделов и вопросов в соответствии с требованиями второй и третьей задач. После обсуждения, проверки на «работоспособность» и взаимодействие вопросов в данном контексте анкета могла считаться построенной.

По окончании детальной разработки программы комплексного исследования на первый план выступают проблемы ее обеспечения. Иначе говоря, вслед за разработкой стратегии исследования, определяющей главные направления действий и соответствующие им ресурсы, разворачивается столь же детальное изучение тактических возможностей достижения успеха на каждом из направлений. С этим в первую очередь связана проблема обеспечения надежности исходной информации. Рассмотрим некоторые взаимозависимости, существующие между наиболее важными аспектами этой проблемы, такими, как обеспеченность выборки, устойчивость регистрируемой информации, соответствие полученных сведений объекту изучения и др.

В социологической литературе последних лет значительное внимание уделяется проблемам выборки, в частности ее теоретическому обеспечению³. От характеристик выборки подчас зависит даже сама возможность проведения социологического исследования. Необходимость сбора и переработки огромных массивов информации, естественно, ограничивает замыслы ученых, заставляет прибегать к локальным исследованиям в тех

случаях, когда существует потребность в результатах, касающихся всей генеральной совокупности.

Минимизация выборки в последнее время часто достигается использованием все более изощренных математических построений. Вместе с тем, как нам кажется, нельзя игнорировать и те приемы, которые можно найти при экспериментальном изучении проблемы и которые возникают в самом процессе применения эмпирических методов, соответствующих тому или иному конкретному исследованию. Возможности выявления некоторых общих закономерностей построения выборки в этих случаях, вероятно, весьма ограничены. Но отсюда вовсе не следует, что они не могут служить оптимизации объема выборки для четко выделенной программы.

В нашем опыте конечный ответ на вопрос, какого объема выборка может достовернее характеризовать действительные читательские восприятия каждой из групп, зависел прежде всего не от расчетной модели, а от такой эмпирически зарегистрированной характеристики, как устойчивость сведений. Так как читательские оценки, мнения, советы имеют различную интенсивность и сложную внутреннюю структуру, их нужно регистрировать по самым разным параметрам. Больше того, результаты различных измерений, что опять-таки установлено экспериментально, часто не коррелируются между собой. Все это требует уточнения статистической выборки путем тщательного изучения устойчивости регистрируемых явлений. Именно этому аспекту обеспечения надежности результатов всего исследования мы и уделим особое внимание.

В самой проблеме устойчивости получаемой информации выделяются два взаимосвязанных, но относительно самостоятельных вопроса.

1. Репрезентация данных об определенных читательских группах (выделенных по социально-демографическим признакам), на которые могут ориентироваться отделы редакции;

2. Репрезентация данных о так называемом среднем читателе (об усредненных оценках и характеристиках), на которого часто ориентируется издание в целом.

Обратимся к изучению устойчивости мнений и оценок, свойственных отдельным группам читателей. В пробном обследовании нами был заложен эксперимент, цель которого состояла в определении минимального и в то же время достаточного объема выборки для изучения характеристик групп читателей по профессиональному и региональному (географическому) признакам. В качестве объекта изучения была выделена группа подписчиков газеты из числа инженерно-технических работников промышленности, строительства и транспорта. Выборочный опрос этой группы читателей был проведен в трех городах — Харькове (150 анкет), Куйбышеве (120 анкет) и Новосибирске (60 анкет).

На первом этапе анализа обсчет проводился по всему массиву (330 анкет). Были получены общие (средние) для всего массива значения. Затем определялись показатели, наиболее отличные от общих, и вычислялись их отклонения от средних.

Результаты анализа в целом подтвердили наши предположения о возможности выделить группы вопросов, устойчивые сведения по которым обеспечиваются уже при минимальном объеме выборки. Анализ показал, однако, и то, что для выявления таких вопросов в ряде случаев необходима экспериментальная проверка — дополнительное пробное обследование. Только оно может уточнить «степень устойчивости» вопросов и указать на причины чрезмерной колеблемости получаемых результатов (ответов). В нашем случае наиболее рациональным оказалось прибегнуть к методу экспертных оценок. Соответствующие обсчеты анкет, сопоставление их групп, выделенных по оценкам экспертов, а затем корреляционный анализ материала позволили установить некоторые закономерности, присущие данному исследованию.

В итоге следует отметить, что нами было эмпирически установлено следующее: достаточно надежные сведения о читательских позициях можно получить при опросе всего 100—150 человек в каждой из выделенных профессиональных групп. По некоторым вопросам объем выборки может быть существенно уменьшен⁴.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос о том, читаются ли в газете сообщения, которые ранее были переданы по радио или телевидению, %

Ответы	Новосибирск	Куйбышев	Харьков
— Да, услышанная информация вызывает интерес и я ищу ее в газете	67	58	59
— Обычно читаю, ибо только тогда можно их осмыслить	20	33	33
— Нет, такие новости, как правило, в газете пропускаю	12	5	4,7
— Не обращаю внимания	0,5	3,3	3,3
Нет ответа	0,5	0,7	0

Даже если бы мы не имели средних данных по всему массиву, полученных на первом этапе анализа, из табл. 1 можно увидеть, что результаты обследования в Куйбышеве и Харькове (соответственно 120 и 150 анкет) почти идентичны, а данные, содержащиеся всего в 60 анкетах новосибирской группы, весьма близки к ним.

Для уточнения картины устойчивости нами специально определялся уровень колеблемости, а также сопоставлялся минимальный показатель (по каждому ответу) со средним для всех трех групп или с максимальным.

После проведения ряда опросных исследований в рамках основного нам стало ясно, что весьма устойчивыми из усредненных показателей являются данные о социально-демографических характеристиках аудитории, особенно о поле, возрасте, семейном положении, размере семьи, образовании. Достаточно четкое соотношение мужчин и женщин среди подписчиков представляется возможным установить уже по первой сотне анкет-интервью (заполненных по месту жительства) из пяти массивов по 100 анкет, обсчитываемых по мере нарастания. Это подтверждается и данными, полученными нами при проведении основного обследования — аудитории газеты «Правда» (табл. 2).

Таблица 2

Соотношение подписчиков в зависимости от пола, %

Пол	Массивы по 100 анкет (нарастающим итогом)				
	1	2	3	4	5
Мужчины	81	78	78	78	77
Женщины	19	22	22	22	23

Исследования показали, что устойчивыми являются также некоторые сведения поведенческого характера, например данные о читаемости публикаций определенных разделов.

Не следует, однако, обольщаться устойчивостью отдельных сведений, во всяком случае, отождествлять их с общей устойчивостью по разным группам вопросов. В случаях, когда вопрос предусматривает широкий веер ответов, на долю некоторых из них приходится незначительное число «откликов» (низкий уровень наполнения). Естественно, что устойчивость достигается тогда при обсчете значительно большего числа анкет. Это обстоятельство и заставляет в ряде случаев значительно увеличивать объем выборки. Действительно, когда оказывается необходимым те или иные малые величины в группах установить не только в соотношении с другими, но и достаточно точно найти их абсолютное значение, объем выборки приходится резко увеличивать. Это требование становится существенным, например, при определении структуры аудитории по профессиональным группам. Веер распределения ответов тут очень широк и на «редкие» профессии приходится поэтому незначительное число указаний, а это ведет к относительно низкой устойчивости таких

сведений. В наших обследованиях стабильные данные о доле таких категорий, как рабочие, инженеры, техники, устанавливались значительно быстрее, нежели данные о научных работниках.

Учитывать приходится также специфику регионального распределения некоторых профессий. Врачи, например, распределены по регионам более равномерно, чем шахтеры или моряки. Ясно поэтому, что если выборка будет составлена только на статистических основаниях и не учтет экономико-географических факторов, то искажения окажутся неизбежными.

Определенный уровень устойчивости данных, характеризующих позицию среднего читателя, доказывается не только «изнутри» каждого массива анкет, но и путем сопоставления результатов, полученных с помощью разных методов. Тут опять-таки можно отметить, что наибольшее сходство результатов наблюдается тогда, когда они отражают акты поведения и оценки, основанные на определенных стереотипах, или в том случае, когда число возможных вариантов поведения (оценок, мнений) ограничено определенным «полем» или «фондом».

При обследовании читателей «Известий» был задан вопрос «Освещение каких вопросов газета должна улучшить?» В таблице 3 приведены результаты ответов в зависимости от применявшегося метода исследования.

Таблица 3

Результаты ответов в процентах к числу опрошенных

Тема	Интервью		Почтовая анкета
	по месту работы	по месту жительства	
Управление народным хозяйством	25	22	20
Проблемы сельского хозяйства	14	12	15
Взаимоотношения внутри коллектива	39	35	34
Семья, быт, воспитание	56	57	57
Наука	28	32	31
Спорт	21	21	21
Положение в капиталистических странах	25	28	29
Положение в социалистических странах	17	21	20
Положение в странах Африки, Азии и Латинской Америки	18	21	23

Как видим, данные всех трех источников информации по большинству вопросов идентичны. Некоторая противоречивость отдельных сведений говорит, естественно, не о меньшей надеж-

ности того или иного метода сбора информации, а о необходимости именно комплексного применения методов. Действительно, ведь в каждом случае мы сталкиваемся с некоторой специфичностью восприятий той или иной совокупности читателей. Идентичные данные тут свидетельствовали бы лишь о неспособности опросных методов уловить эту специфичность.

Изучение проблем надежности и устойчивости первичной информации позволяет вносить существенные поправки практического характера в традиционные методы определения объема выборки.

Сама проблема организации выборочных массовых обследований аудитории газет могла бы в принципе решаться просто. Действительно, если учесть, что генеральная совокупность читателей газеты «замеряется» и регистрируется ежегодно в период подписной кампании, то на основе сводных результатов можно, казалось бы, составить статистическую выборку любой направленности и строго рассчитанного объема. Однако «подписная регистрация» фиксирует лишь сам факт подписки на определенное издание и оставляет в стороне даже самые элементарные социально-демографические сведения. Поэтому генеральная совокупность читателей характеризуется в итоге лишь общим числом при весьма ограниченном учете распределения между городскими и негородскими подписчиками. Понятно, что при таком положении статистическая неопределенность состава аудитории печати не уменьшается. Перед исследователями остается все та же проблема оптимизации объема выборки. Решение ее, на наш взгляд, и связано с использованием двух путей: нахождением расчетного оптимума и экспериментальным его уточнением. Второй путь, как было показано выше, открывает значительные возможности. Отметим наиболее существенные из них:

1. Пробное обследование фиксирует лишь несущественную — не столь важную для наших обследований — зависимость читательских позиций от географических зон опроса. Это позволяет прибегнуть к агрегированию отдельных зон и таким образом несколько сократить объем выборочного опроса, облегчить его организацию.

2. Экспериментально установлена возможность расчленить обследование и часть интервью взять по месту жительства читателей, а часть — по месту работы. Это позволяет рассматривать проблему получения сведений по отдельным профессиональным группам как в значительной мере самостоятельную и не увеличивать ради ее решения объем выборки, необходимый для определения структуры аудитории.

3. Размер квоты для выявления читательских позиций той или иной профессиональной группы определяется эмпирически. Это позволяет устанавливать объем интервьюирования по месту работы читателей в зависимости от целей и характера исследо-

вания, в зависимости от того, какие именно группы читателей интересуют редакцию газеты и исследователей.

4. Экспериментальным путем выявляются группы устойчивых и неустойчивых сведений (ответов на вопросы анкеты). Это позволяет строить специальную систему анкет, в которой каждая последующая (уменьшенная по объему) анкета включает наиболее неустойчивые вопросы и предназначается для более широкого распространения. Таким образом, при определении объема выборки основного обследования можно не учитывать фактора неустойчивости сведений по некоторой части вопросов, поскольку необходимая их стабильность обеспечивается почтовым распространением малых анкет. На долю этих анкет выпадает также уточнение сведений по укрупненным районам.

5. Применение системы анкет позволяет, не расширяя рамок основного обследования, получить сведения не только о подписчиках, но и о покупателях газеты в киосках, о читателях газеты в библиотеках, витринах.

Нами названы лишь некоторые «резервы», выявленные экспериментальным путем. Все они способствуют сокращению объема работ, связанных с основной частью исследований, — установлением структуры читательской аудитории и получением усредненных сведений о читательских интересах, оценках, поведении.

¹ Данная работа опирается на опыт социологического обследования аудиторий ряда центральных газет и прежде всего на опыт комплексного изучения, проведенного редакцией «Правды» совместно с учеными Сибирского отделения АН СССР.

² При изучении аудитории газеты «Правда» базовый блок укрупнялся, кроме того, вопросами, касающимися социально-психологических аспектов поведения читателей, в частности связанных с выяснением их общественной деятельности, способов проведения свободного времени, интеллектуальных интересов и т. д. Полученная информация позволяла более полно учитывать непрофессиональные потребности читателей.

³ См., напр.: Грушин Б. А. Мнение о мире и мир мнений. М., 1967, с. 385.

⁴ В основном обследовании, чтобы избежать случайных результатов, квоты для интервьюирования по дефицитным профессиональным группам были увеличены до 200 единиц. Напротив, для профессий массовых они были снижены: имелось в виду, что, если будет в этом необходимость, объем информации по таким группам всегда может быть увеличен в результате анкетирования и интервьюирования по месту жительства и почтового анкетирования.

О психологическом подходе в исследовании восприятия художественной литературы

Проблема восприятия художественной литературы как часть более широкой проблемы художественного восприятия (восприятия различных видов искусства) сегодня привлекает к себе большое внимание специалистов ряда смежных наук: психологии, эстетики, социологии, литературоведения, кибернетики, семиотики, педагогики и др. Близость некоторых механизмов научного и художественного творчества объясняет интерес к этой проблеме у кибернетиков и специалистов по эвристике. Все более проясняется связь психологии художественного и научного творчества (особенно при разработке проблемы интуиции и воображения), что обуславливает внимание педагогов и психологов к этой проблеме. В частности, в последнее время эстетическое восприятие все чаще рассматривается как один из путей формирования универсального творческого мышления¹. С другой стороны, интерес эстетиков и литературоведов к проблеме художественного восприятия во многом зависит от современной тенденции коммуникативного подхода к искусству. Читатель (зритель, слушатель) рассматривается как обязательное звено или условие формирования содержания художественного текста и его функционирования в обществе. Для социологии проблема художественного восприятия актуальна прежде всего в аспекте изучения эстетического вкуса — и как индивидуально-психологической характеристики личности, и как ценностных предпочтений различных социальных групп. Семиотический подход к искусству придает своеобразный новый поворот этим проблемам, позволяя использовать при их изучении методы математической статистики².

Обилие новых подходов к проблеме художественного восприятия требует более четкого определения каждого из них не ради «чистоты науки», а для большей целенаправленности исследований. Монополия на изучение этой проблемы больше не принадлежит общей и педагогической психологии, как это было у нас еще лет 10—15 тому назад. Вот почему задача выяснения специфики психологического подхода сегодня является актуальной для психологов.

Наиболее важное значение для психологического изучения художественного восприятия, по нашему мнению, имеют данные эстетики. Психологическое изучение этой проблемы всегда зависело от понимания в эстетике сущности и строения художественного образа и содержания художественного произведения в целом. В свою очередь и эстетика в трактовке этих понятий

испытывала влияние психологии. Существовала даже психологическая теория в эстетике, пытавшаяся строить свои понятия на основе эмпирической психологии. В России это была харьковская психологическая школа (конец XIX — начало XX века), связанная с именами Потебни, Овсянико-Куликовского, Харцьева и других. Теория Потебни о поэтическом языке использовалась некоторыми представителями этой школы для субъективно-идеалистической трактовки содержания художественного произведения. Восприятие художественной литературы понималось как акт творчества читателя, создающего новое произведение, для которого автор наметил лишь форму: «Идею вкладывает тот, кто воспринимает художественное произведение, кто его толкует, кто им пользуется для уяснения жизненных явлений... Нет ни этого объективного содержания, ни раз навсегда данного смысла, ни идеи художественного произведения; есть лишь форма для всего этого, неподвижный образ, рождающий содержание в читателе из данной прозы»³. Одностороннее преувеличение роли читателя в создании художественной модели — при неразработанности этого вопроса в эстетике — повлекло за собой пренебрежение организующей функцией структуры литературного произведения в восприятии его читателем. При таком понимании становилась бессмысленной постановка вопроса об адекватности восприятия самому произведению, а варианты восприятия разной глубины, разных уровней фактически выглядели равноценными вопреки исходной дифференциально-психологической позиции исследователей. И тем не менее харьковская школа в эстетике с ее благородной направленностью против абстрактного схоластического преподавания словесности в русских гимназиях имела большое значение для психологии и методики преподавания художественной литературы. Ее талантливые представители положили в России начало активному научно-психологическому изучению чтения художественной литературы. Изучение этой проблемы шло тогда в русле общей и дифференциальной психологии. В разработке ее принимали участие такие психологи, как А. П. Нечаев и А. Ф. Лазурский. Тогда же разрабатывал свою библиопсихологию Н. А. Рубакин. Исследование психологии художественного восприятия шло в направлении «от читателя». Н. А. Рубакин писал: «...примат содержания в нашей теории книги должен уступить место примату читателя; примат вещи — примату той психики, которую так или иначе возбуждают письмена... Каково содержание книги в действительности? Этого никто, решительно никто из читателей вполне точно и определенно знать не может. Оно мираж, который представляется каждому отдельному его наблюдателю иным... в зависимости от этого наблюдателя»⁴. Акцент в исследовании ставился на особенностях психических процессов и личности читателя (память и ассоциации, воображение, мышление, эмоции, темперамент и т. д.); изучались так-

же некоторые социально-психологические аспекты художественного восприятия. В своей книге «Этюды по психологии читательства»⁵ Н. А. Рубакин широко пользуется данными общей и дифференциальной психологии. Он рассматривает влияние различных «психических способностей» на выбор книги, на отношение к ней в процессе чтения и на ее оценку, а также на формирование читательских интересов. Однако в его работе не могли не сказаться методологические пороки, которыми страдала тогда психология: функционализм, сведение сложных психических явлений к изолированному или суммированному действию отдельных психических процессов. Вызывает возражение также его исследовательский подход, согласно которому, якобы, возможно вывести прямо из особенностей психических процессов, понимаемых как элементарные, «неспециализированные» относительно эстетической деятельности способности, все особенности чтения как художественного восприятия. Традиция такого функционального общепсихологического подхода к исследованию художественного восприятия, которая чувствуется иногда и сегодня, сложилась именно в этот период. Однако, по нашему мнению, анализ должен учитывать специфику эстетической деятельности. Элементарные психические процессы только тогда могут обеспечить адекватное художественное восприятие, когда они «войдут» в сложные взаимосвязи со специальными знаниями, умениями и навыками и специализируются в эстетическом опыте читателя. Другими словами, элементарные психические процессы должны превратиться в сложные эстетические способности. Это означает, например, что способность к возникновению ярких представлений должна превратиться в способность вызывать соответствующие тексту представления, как бы аккумулирующие эстетическую информацию; непосредственная эмоциональная реактивность как проявление темперамента должна превратиться в чуткость к эмоциональным особенностям стиля писателя, в отзывчивость по отношению к эмоциональной интонации его произведений и т. д.

На примере данного периода в исследовании художественного восприятия особенно отчетливо видно, что психологическое изучение этой проблемы зависит от трактовки сущности художественного образа в эстетике. Особое значение для психологии в этом плане имеет такая проблема эстетики, как соотношение изображения и выражения, выражаемого и выражающего в художественном образе. При решении этой проблемы в советской эстетике долгое время господствовал односторонний натуралистический подход. Чрезмерно акцентировалась такая задача литературного творчества, как художественная типизация жизненных явлений. Момент интерпретации, выражения ценностного отношения к изображаемой действительности отодвигался на задний план и становился как бы простой функцией правдивого (точнее правдоподобного) изображения. Субъективный

момент в создании художественного образа сводился только к идеологической позиции автора. Между тем этот фактор, хотя и является очень важным в создании художественной модели, действует лишь в сочетании с другими личностными факторами, в комплексе определяющими художественную интерпретацию действительности. Такое решение проблемы взаимосвязи изображения и выражения способствовало признанию наиболее художественными, реалистическими только таких литературных произведений, в которых действительность воссоздается иллюзорно, правдоподобно, в формах самой жизни. Советский эстетик С. Раппопорт справедливо замечает: «Характерно, что в таких случаях происходит не только недопустимая подмена образа знаком, идеальной модели действительности — вещественными средствами ее хранения и передачи. Уводится в тень и вопрос о художественном языке, его природе и закономерностях»⁶. Дискуссии, прошедшие в советской эстетике в 50—60-х годах, развитие аксиологических и семиотических исследований привели к более правильной расстановке акцентов в решении этой проблемы. Общепринятой стала точка зрения, согласно которой содержанием художественного произведения является выражение эстетического идеала, формирующегося в результате художественного освоения действительности и воплощенного во всей структуре произведения. Способы выражения содержания могут быть как «правдоподобными», так и гротескными, фантастическими и так далее, но во всех случаях они являются условными и имеют значение лишь в силу своей выразительности, т. е. насыщенности определенным идейно-эстетическим содержанием.

Изменения в понимании специфики идейно-эстетического содержания, которые произошли в современной эстетике, не всегда учитываются в психологических исследованиях. Натуралистический подход по-прежнему оказывается здесь очень популярным. Его «выходы» в психологию проявляются в том, что литературное произведение зачастую выступает в них как «внеэстетический объект»⁷.

Речь идет не о тех случаях, когда психолог использует литературное произведение как разновидность документа, подобного дневникам, мемуарам, фотографиям, письмам и т. д. Так, И. В. Страхов изучал формы внешнего проявления характера, используя произведения Л. Н. Толстого. В этом случае психолог сознательно отвлекается от эстетического содержания произведения, обращая внимание лишь на его изобразительную сторону. Однако такой «внеэстетический подход» к литературному произведению встречается и тогда, когда изучается художественное восприятие. Он, конечно, нигде не декларируется и чаще всего проявляется «стихийно»; по нашему же мнению, его связь с определенной эстетической теорией попросту недостаточно осознается. Его можно заметить, например, в исследованиях

восприятия литературного произведения у школьников разных возрастных групп. Проблематика таких исследований очень разнообразна: осознание читателями мотивов поступков литературных героев; восприятие ими цельных и противоречивых характеров; понимание эмоциональных состояний героев при разных способах их изображения и т. д. Рассматриваются условия, которые способствуют или препятствуют возникновению интереса у читателей-школьников к содержанию мыслей героев и к интеллектуальным чертам их личности и т. д. Однако обращает на себя внимание тот факт, что литературный герой берется в этих исследованиях как живой человек, а не как литературный образ, вне отношения к идейно-эстетическому смыслу произведения (или этот смысл толкуется как узкоморальный «дидактический» вывод). Условность, имеющая место даже в максимально реалистически правдоподобном изображении, при этом игнорируется.

Сама методика исследования при таком подходе стимулирует восприятие читателем не эстетического содержания произведения, а фактов, относящихся к психической жизни людей, как если бы их изображение не было интерпретировано художником. Этот аспект изучения допустим, когда психолог отчетливо осознает, что он изучает понимание школьниками жизненной психологии, умение рефлексировать по поводу психической жизни других людей и по поводу своего собственного жизненного опыта. Эмпирическое знание психологии и умение расшифровать внутренний психологический смысл изображаемых в литературном произведении жизненных фактов, конечно, важны для художественного восприятия. И все же такой подход является односторонним, неадекватным специфике предмета искусства, восприятие которого изучается.

Психологическое изучение, имеющее в виду восприятие эстетического содержания произведения, требует анализа того, как и при каких условиях читатель приходит от понимания психологического содержания поступков и личности литературных героев к восприятию ценностной позиции автора, его эстетического идеала, когда и почему он остается глухим к этому содержанию. Любой частный односторонний подход к изучению художественного восприятия должен в конечном счете ориентироваться на эту главную цель. Если такой акцент не делается, исследователь невольно может уравнивать примитивное восприятие, неадекватное художественному тексту, и подлинно эстетическое восприятие. Ведь и то и другое одинаково стимулируется художественным текстом. Характерно, что, подходя к литературному произведению как к «внеэстетическому объекту», психологи нередко нетребовательны в отношении художественного качества текстов, взятых для эксперимента, или игнорируют их стилистическую специфику. Так, при изучении типологических различий восприятия у «мыслителей» и «художников» исполь-

зуют на равных правах в качестве стимула пейзажные описания разных авторов. При этом игнорируются различия в мироощущении (стиле): романтическое пейзажное описание, насыщенное субъективными гиперболическими деталями, уравнивается с образительным объективно-реалистическим описанием. В обоих случаях исследователя интересует лишь общепсихологическая характеристика возникающих у испытуемого представлений (их конкретность, детальность, обобщенность и т. д.), а не их роль в восприятии выразительного эстетического значения художественных деталей. Доказывается фактически только то, что уже известно в общей психологии: различие в характере представлений у «мыслительного» и «художественного» типов, которое проявляется у них в любой другой деятельности. Как эти различия «специализируются» в художественном восприятии, остается невыясненным. Такой анализ ничего не дает для понимания механизмов и типов эстетического восприятия⁸.

Психологический подход в исследовании художественного восприятия должен иметь своим источником текст и опираться на детальное препарирование его эстетической структуры. В структуре литературного текста содержится программа для организации восприятия. Управление чтением с помощью этой программы не может быть жестким. Но каким бы ни было вариативным читательское восприятие, оно должно идти в русле идейно-эстетического содержания произведения в соответствии с расставленными в нем акцентами. Задача психолога состоит в том, чтобы исследовать закономерности этого управления. В связи с этим необходимо такое препарирование эстетической структуры текста, которое позволило бы давать характеристики адекватного тексту восприятия посредством психологических понятий.

Наиболее отвечает задачам психологического исследования, на наш взгляд, «послойный анализ» художественного текста, который разрабатывается в последнее время некоторыми эстетиками и литературоведами. Немецкий философ Н. Гартман, «послойно» анализируя литературное произведение, выделял в нем слой языковой структуры, слой действий и поступков персонажей, слой характеров и слой идейного содержания⁹. Польский эстетик Р. Ингарден также рассматривает поэтическое произведение как систему, включающую слой словесных звучаний, слой смысловых контекстных значений слов, предметный слой (изображаемый в произведении предметный мир), «слой видов» (слой наглядно-чувственных и эмоциональных образов, а также мыслей, «закодированных» в тексте)¹⁰. Советский литературовед А. П. Чудаков в анализе поэтики А. П. Чехова исходит из следующего представления об уровнях (слоях) в содержании произведения: предметный уровень, сюжетно-фабульный уровень и уровень идей¹¹. Литературное произведение рассматривается при послойном анализе как целостная многоуровневая

система, в которой содержание «нижележащего уровня» снимается на более высоком уровне, но не утрачивается вполне, а как бы просвечивает в нем. На каждом уровне можно анализировать изображаемый писателем материал и структуру его организации.

Обобщая основные положения различных концепций, можно наметить следующие слои (или уровни) литературно-художественного текста: слой естественного языка, слой изображаемых фактов, слой идейного содержания. Последний слой включает конкретно-исторический, общечеловеческий и мировоззренческий аспекты позиции автора, его мироощущение. Использование концепций послойного строения текста для психологического исследования наталкивается на затруднения, связанные с отсутствием единого понимания состава слоев, что объясняется как различиями в методике анализа у разных авторов, так и объективными различиями в строении литературных произведений разных родов, видов и жанров¹². Но сам по себе факт существования в литературном произведении определенной системы слоев не вызывает сомнений и косвенно подтверждается исследованиями, результаты которых свидетельствуют о своеобразном «расслоении» текста в восприятии у некоторых групп читателей. Очень ярко такое расслоение проявляется в «двойной оценке» литературного образа или даже произведения в целом, которую можно встретить у старшеклассников при изучении литературных произведений в школе. Это оценки типа «что мне лично нравится» и «в чем значение данного произведения» (т. е. в чем его объективная или по крайней мере общепринятая ценность). Ясно, что в этом случае оцениваются разные стороны произведения.

«Личная» оценка касается слоя нравственно-психологических идей, имеющих общечеловеческий характер (возрастные проблемы юношеской дружбы и любви, взаимоотношения поколений и т. д.). «Объективная» оценка относится обычно к слою общественно-исторических идей, которые порождены общественной жизнью в период написания произведения. «Личная» оценка, как правило, более эмоциональна, чем «объективная» оценка. Последняя часто принимается только «умом» (оценка «для учителя»), как холодное знание. Таким образом, учащиеся разграничивают разные аспекты идейного смысла, проявляя определенную избирательность восприятия.

Малоопытные и недостаточно эстетически развитые читатели схватывают только некоторые слои (или аспекты) содержания, не проникая в другие, иерархически более высокие слои. Если такие читатели обладают хорошо развитым воображением, они прекрасно воссоздают «слой фактов», изображаемых в произведении (поступки литературных героев, жизненные отношения и чувства, связывающие их, обстановку действий и т. д.). Они умеют расшифровать внутреннее психологическое значение

поступков на основе изображения «жестов», которые сигнализируют об этом значении. Эксперимент по методу срезов показывает, что такие читатели создают гипотезы, упреждающие развитие событий, вполне соответствующие как логике характера героев, так и логике развития жизненных событий. Однако при этом они совершенно игнорируют авторскую интерпретацию, используя свою систему оценок изображаемых фактов. Для таких читателей «правдивость художественного произведения — это изображение жизни такой, какая она есть, а не с какой-либо точки зрения». Если авторская точка зрения не скрывается за объективным реалистическим изображением событий, а интерпретация выступает более явно, заметно, они иногда сознательно от нее отталкиваются. Так, некоторые наши испытуемые (школьники 9-х классов), которых мы попросили попытаться определить, в чем различие и своеобразие в изображении женских характеров у Тургенева и Толстого, ответили так: «У Тургенева женские образы изображены такими, как они бывают в жизни, а у Толстого много выдуманного». Обычно объяснение таких фактов дается в психологических исследованиях на основе механизма соотношения обобщения и конкретизации в мышлении читателей (преобладание конкретизации и неумение проникнуть в обобщение, содержащееся в образе). Однако, по-видимому, такое объяснение недостаточно. Ведь эти читатели могут воспринять жизненную типичность образов литературных героев, что проявляется в работе их воображения в соответствии с логикой характера типического литературного героя. Следовательно, они справляются с анализом фактов поведения героев и способны проникнуть в типическое обобщение. Однако их мышление работает только в слое фактов, но не касается слоя идейного смысла, выражения мироощущения автора, его философии. Характерно, что такие читатели способны к восприятию и более высокого слоя содержания, если идейный смысл художественного текста близок к их жизненному опыту, отвечает их ценностным ориентациям; концепция автора не кажется им тогда выдуманной. Однако все же и в этом случае восприятие идейного смысла остается у них примитивным. Возникают лишь ассоциации из области нравственно-психологических идей как прямые моральные выводы из произведения. Примитивность восприятия зависит у этих читателей не только от недостаточного развития способности к пониманию обобщений, но и от «фонда ассоциаций», которым они располагают, — этот фонд беден. Высокий культурный уровень, жизненная опытность, интерес к гуманитарным проблемам и склонность к рефлексии в этой области, а также знакомство с различными идейно-художественными концепциями в творчестве разных писателей — вот от чего зависит богатство и содержательность ассоциативного фонда. Пробуждение таких ассоциаций и составляет необходимое условие для восприятия на уровне философского осмысле-

ния идейного содержания произведения. Объяснять пресловутую конкретность восприятия только исходя из соотношения обобщения и конкретизации в образном мышлении, без учета ассоциативного фонда, которым обладает читатель, было бы значительным упрощением. Чем богаче этот фонд и чем больше опытность в интерпретации художественного текста, тем более «философично» восприятие. Читатель пробивается к высшим слоям образных обобщений, он отвечает на ассоциативные вызовы, запрограммированные в структуре текста, более сложными мыслями, более тонкими и богатыми эмоциями. Его мышление все больше оперирует с содержанием того, что «выражается» через «изображение». И дело не только в том, что усовершенствовалась сама способность к обобщению, но и в том, что мысль такого читателя работает с другим слоем идейного содержания образа, для оперирования которым он обладает более сложной ассоциативной базой. Таким образом, на основе концепции послойного строения литературного произведения можно дать более дифференцированный анализ механизмов восприятия на различных уровнях литературного развития читателей.

Художественный текст — это единая система, в которой идейный смысл, составляя высший слой содержания, вместе с тем выражается каждым его слоем, как бы пронизывая всю систему. Однако в восприятии переход к высшему слою содержания совершается с разной степенью трудности от более близких и более далеко отстоящих друг от друга слоев текста. Так, понять идейную позицию автора легче при непосредственном переходе от «слоя фактов» (например, от понимания смысла поступков героев) и труднее при переходе от восприятия стилистических, языковых средств выражения. В последнем случае средства выражения более опосредованно, образно воплощают мироощущение автора. Вопросы, требующие анализа различий в стиле писателей, когда они касаются не формальных внешних особенностей языка, а именно выражения индивидуальной писательской интонации, мироощущения писателя, ставят в тупик даже старших школьников. Только наиболее развитые из них могут справиться с такой задачей. Это связано с тем, что в практике школьного преподавания очень часто стиль рассматривается лишь как индивидуальный слог, отличающийся «яркостью», «красочностью», «изобразительностью» и т. д. Наблюдения над стилем как выбором языковых средств, характеризующих эстетический идеал, миропонимание писателя, еще довольно редки. Следуя этой установившейся традиции, психологи также изучают эту проблему относительно узко. Довольно значительно число исследований, посвященных пониманию общеязыковых метафор и других тропов, восприятию приемов языковой характеристики героев и так далее, но почти нет исследований о формировании у школьников обобщений, касающихся стилевых

особенностей творчества писателя как выражения его эстетического идеала. Таким образом, восприятие стиля сводится к восприятию некоторых языковых «художественных особенностей» в отрыве от их главного выразительного смысла. Психологический подход в изучении этой проблемы может быть значительно глубже, если исследователь опирается на послойный анализ структуры художественного текста, рассматривая стиль как языковой слой единой эстетической системы.

Эстетические представления о структуре художественного текста в последние годы обогатились рядом понятий из области семиотики. Рассмотрение языка художественной литературы как вторичной моделирующей системы весьма плодотворно, на наш взгляд, и для психологии эстетического восприятия. Художественный образ — это единство конкретного и обобщенного. Он апеллирует к созданию наглядных представлений об изображаемых явлениях, вызывает эмоции, которые возникают у читателя в результате перенесения в конкретную ситуацию жизни героя литературного произведения. Восприятие его требует использования «эмпирических обобщений» (своего рода конкретных знаний) о жизненных ситуациях и типичных поступках людей в этих ситуациях, типичных способах выражения их психических состояний и т. д. Однако простого воссоздания конкретных представлений и знаний на основе текста недостаточно для адекватного эстетического восприятия. Они должны выступать в сознании читателя как иконические знаки иного, художественного содержания. Это и составляет главную трудность для читателя. «Язык всей своей системой настолько тесно связан с жизнью, копирует ее, входит в нее, что человек перестает отличать предмет от названия, пласт действительности от пласта ее отражения в языке»¹³. Читатель может принимать за содержание художественного произведения изображение фактов действительности, если их восприятие вызывает у него представление и сопровождается сопереживанием. Критерием высокого художественного качества произведения такие читатели считают следующее: «Хорошо можно себе представить то, о чем пишется». При этом идейный смысл произведения может оставаться для читателя закрытым. Это заставляет предположить, что в психологии несколько преувеличивается роль представлений воссоздающего воображения для эстетического восприятия. Возникновения ярких представлений, соответствующих изображаемому, недостаточно для эстетического восприятия. Конкретное представление у читателя не всегда является художественным представлением, т. е. образным обобщением, выражающим ценностное эстетическое отношение. Это должно учитываться при психологическом изучении художественного восприятия, так как в ином случае объект исследования подменяется. Вместо восприятия значения изучается восприятие знака, который только перекодирован из словесной в наглядно-образ-

ную форму. Однако такая перекодировка еще не обязательно приводит к адекватному восприятию художественного значения.

В вопросе о роли представлений воображения в художественном восприятии психология и эстетика взаимно нуждаются в уточнении понятий. Психологи, исходя из эстетического постулата о конкретности художественного образа, считают обязательным признаком художественного восприятия возникновение представлений, понимаемых как наглядные образы различной модальности. Конечно, создание наглядных представлений является важнейшим механизмом эстетического восприятия. Однако конкретность художественного образа психологически не обязательно должна выступать в форме представления. Она может существовать в восприятии как конкретность чувства, отношения, которым заражается читатель. Его эмоция не менее конкретна, чем представление, так как является индивидуальным состоянием его психики и воспроизводит конкретное чувство героя или — опосредованно — чувство автора, его эмоциональную оценку изображаемого, которую он хочет внушить читателю. «Заражение» чувством или «внушение» его не обязательно должны происходить через механизм возникновения наглядного представления. Слово может непосредственно пробуждать эмоциональные ассоциации. По отношению к этим «воссозданным чувствам» так же, как и по отношению к воссозданным представлениям, возникает та же проблема «знака и значения». Как показал Л. С. Выготский, в содержании литературного произведения можно различать «эмоции материала» и «эмоции формы»¹⁴. Читатель должен не просто воссоздать «эмоции материала», но, в известном смысле, и преодолеть их, чтобы заразиться «эмоцией формы», т. е. чтобы проникнуть в идейно-эстетический смысл произведения, прочувствовать мироощущение автора. Этого не всегда удается достигнуть. Когда слышишь мнение читателя о книге: «Я не знаю, какая она, художественная или нет, и в чем ее идейный смысл, она очень тяжелая: там описываются бедные дети, которые роются в мусоре и съедают отбросы,— я не люблю такие книги»,— понимаешь, что для него «эмоции материала» заслонили «эмоции формы», эстетическое восприятие не состоялось. Таким образом, одной конкретности представления или конкретности чувств недостаточно для эстетического восприятия. Необходимо, чтобы это было художественное представление и художественное чувство. Пользуясь этими терминами, можно точнее проанализировать вопрос о конкретности восприятия художественного образа. Термин «художественное представление» впервые употребил эстетик М. С. Каган¹⁵ и затем детально проанализировал С. Л. Раппопорт¹⁶. Содержание этого термина, как он представлен у М. С. Кагана, довольно плодотворно для психологии, хотя автор уделяет ему мало внимания. Но уже у С. Л. Раппопорта

термин «художественное представление» толкуется настолько расширительно, что утрачивается связь с его изначальным психологическим содержанием. С. Л. Раппопорт пишет, что художник вырабатывает еще один пласт представлений — о тех интеллектуальных процессах, которые он предполагает вызвать своим произведением у слушателей, читателей, зрителей. Это и есть та программа их наблюдений и переживаний, настроений и чувств, раздумий и мыслей, которую художник должен «заложить в произведение, чтобы достичь главного продуктивного результата: глубокого воздействия на личность потребителей своего искусства»¹⁷. По существу термином «художественное представление» С. Л. Раппопорт обозначает художественные модели действительности в отличие от понятийных, логических: «Первые сохраняют связь с конкретным моделируемым предметом, а вторые ее утеряли: здесь и проходит граница между образными и абстрактно-логическими формами отражения действительности в интеллекте человека»¹⁸. С этим тезисом нельзя не согласиться, однако приходится возражать против расширительного, «не психологического» употребления термина «представление», что только запутывает вопрос о роли представлений в художественном восприятии. «Представление об интеллектуальных процессах» с точки зрения психологии уже не есть представление, так как традиционно этим термином называют лишь чувственно-наглядные образы.

В последние годы в эстетике очень активно развивается взгляд на искусство как на один из способов коммуникации. Согласно этому взгляду, структура литературного произведения, сформированная писателем, создает возможность и программу для творчества читателя. При этом адекватное эстетическое восприятие понимается не как буквальное приближение к тексту, а как творческий процесс, организуемый структурой текста и черпающий материал и из самого текста, и из читательских ассоциаций, имеющих самые разнообразные источники. Утверждая объективность содержания текста, такая концепция позволяет также объяснить вариативность читательского восприятия в историческом и в индивидуальном плане; художественное восприятие получает материалистическое объяснение как единство и взаимодействие творчества писателя и читателя. С этих позиций создается возможность и в психологическом исследовании объединить подход «от произведения» и подход «от читателя». Возможно, что использование этой концепции позволит материалистически развить некоторые идеи Н. А. Рубакина о субъективности читательского восприятия.

Мы наметили только некоторые точки соприкосновения психологии с эстетикой в изучении проблем художественного восприятия. Но и сказанного достаточно, чтобы утверждать, что психологический подход в изучении этих проблем нельзя определить, исходя только из данных общей или дифференциальной

психологии. Исследуя, при каких условиях художественное восприятие становится адекватным своему объекту, психолог должен постоянно исходить из эстетических характеристик литературного произведения, переводя их на язык психологических понятий как требования к процессу восприятия. Опора на данные современной эстетики поможет определить верную стратегию психологического исследования.

-
- ¹ См. о проблеме развития «творческой мысли» средствами искусства работу Б. Ю. Юсова «Проблема творчества в американской теории художественного воспитания». — В кн.: Искусство и дети. М., 1969.
 - ² Семиотика и искусствометрия. М., 1972.
 - ³ Горнфельд А. О толковании художественной прозы. — В кн.: Вопросы теории и психологии творчества. Т. 7. Харьков, 1916, с. 5—6.
 - ⁴ Рубакин Н. А. Что такое библиологическая психология? Л., 1924, с. 11.
 - ⁵ Рубакин Н. А. Этюды по психологии читательства. Мариинск, 1919.
 - ⁶ Раппопорт С. Художественное представление и художественный образ. — «Эстетические очерки», 1973, вып. 3, с. 48.
 - ⁷ См.: Мейлах Б. Художественное восприятие. — «Вопр. литературы», 1970, № 10, с. 5.
 - ⁸ См.: Петрова Г. А. Эстетическое восприятие художественных произведений школьниками старших классов. Казань, 1973.
 - ⁹ Гартман Н. Эстетика. М., 1958.
 - ¹⁰ Ингарден Р. Исследования по эстетике. М., 1962.
 - ¹¹ Чудаков А. П. Поэтика Чехова. М., 1971.
 - ¹² Затруднением в использовании концепции послойного строения литературно-художественного текста является также то, что ее зарубежные adeпты (в частности, Н. Гартман) придерживаются идеалистических (феноменологических) позиций. Однако она может быть очищена от этих методологических наслоений и интерпретирована в материалистическом ключе.
 - ¹³ Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. Л., 1972, с. 22.
 - ¹⁴ Выготский Л. С. Психология искусства. М., 1968, с. 187, 272—273.
 - ¹⁵ Каган М. С. Лекции по марксистско-ленинской эстетике. Л., 1971.
 - ¹⁶ Раппопорт С. Л. Художественное представление и художественный образ, с. 56.
 - ¹⁷ Там же, с. 79.
 - ¹⁸ Там же, с. 54.

К вопросу о типологии читателей

Проблема типологии читателей стала в настоящее время одной из центральных в комплексе наук, изучающих чтение как социальное и психолого-педагогическое явление. Эта проблема приобретает особое теоретическое и практическое значение с ростом в нашей стране числа активных читателей. Насущной задачей становится повышение качества чтения, эффективности его идейно-воспитательного воздействия. В связи с этим библиотеки проводят большую работу по дифференцированному руководству чтением, стремятся к наиболее полному, разностороннему удовлетворению и развитию интересов читателей. Однако научные исследования, позволяющие теоретически обосновать принципы дифференцированного подхода к читателям, еще значительно отстают от требований практики.

Поиски оснований для научной классификации читателей ведутся в трех основных направлениях — в области социологии, социальной и общей психологии. По-видимому, дальнейшая работа по созданию оптимальных схем классификации должна идти в русле объединения всех трех аспектов. При этом каждая предложенная схема — с точки зрения ее практической приложимости — должна удовлетворять требованиям целесообразности и продуктивности.

Целесообразными представляются те схемы, в которых выделяются признаки, необходимые и достаточные для подразделения читателей на группы (типы), существенно различающиеся между собой и требующие разных методов и приемов библиотечной работы с читателями. Лица, отнесенные к таким типам, должны быть сходны (различны) между собой именно как читатели, а не по каким-либо другим, быть может и очень важным в иных отношениях, признакам.

Продуктивными можно считать схемы классификации, практически приемлемые в условиях библиотечной работы и дающие возможность разработать системы методических рекомендаций, соответствующие особенностям каждой группы (типа) читателей. Естественным, что число вводимых признаков должно быть весьма ограниченным, ибо каждый добавочный признак резко увеличивает число групп и затрудняет практическое использование классификационной схемы.

Наиболее широко принята сейчас социологическая группировка читателей, предусматривающая их деление на основные социально-демографические группы. На ее основе строятся массовые социологические исследования чтения, она отчасти отра-

жается и в сложившейся в библиотеках практике группового обслуживания читателей¹. И в той и в другой области все более отчетливо обнаруживается недостаточность такого подхода.

При решении вопроса о последующих подразделениях основных групп необходимо принимать во внимание глубокие социальные процессы, происходящие в нашей стране, прежде всего повышение культурного уровня советского народа в целом и каждой социальной группы в отдельности, усиление культурной интеграции общества. Эти процессы детерминированы вполне определенными социальными факторами, важнейшими из которых являются:

1. Повышение уровня образования.
2. Изменение характера труда, обусловленное интенсивным внедрением механизации и автоматизации трудовых процессов.
3. Широкое распространение, доступность основных средств массовой информации, в частности печати.
4. Повышение материального благосостояния народа.
5. Увеличение свободного времени.

Однако наряду с факторами, способствующими культурной интеграции общества, носящими всеобщий характер, действуют и другие, более локальные факторы, ведущие к внутригрупповой дифференциации в отношении чтения. Их влияние может сказываться внутри социальной группы (например, разная степень квалифицированности труда у рабочих или тружеников сельского хозяйства), внутри определенной отрасли производства (например, различный уровень организации труда на предприятиях). Особенно много локально действующих факторов в малых группах: микроклимат в коллективе, наличие или отсутствие в нем «культурных лидеров», влияние референтных групп и другие. Немаловажную роль играют и личностные качества читателя.

Число этих факторов настолько велико, а действие — разнонаправленно, что положить их в основу классификации не представляется возможным. Поэтому, сохраняя как первую ступень классификации читателей деление на основные социальные группы, вряд ли целесообразно подразделять эти группы читателей и далее на основе социально-профессиональных и демографических признаков². При большой дробности классификации число групп возрастет до нескольких сотен. Однако сложность работы с ними не ограничивается только количественной стороной. Наблюдения показывают, что внутри однородных коллективов (рабочие одной бригады, студенты одной учебной группы, инженеры одного КБ) составляющие их лица часто весьма различны как читатели по своим интересам, ценностным ориентациям и т. п. В то же время они могут объединяться в микрогруппы со сходными читательскими предпочтениями, внутри которых обмениваются книгами, получают интересующую их информацию о литературе, делятся впечатлениями. При этом

близкие по читательским характеристикам микрогруппы наблюдались нами в различных социально-демографических группах — среди рабочих, служащих, студентов, ИТР, пенсионеров. Очевидно, здесь мы встречаемся с проблемой выделения определенных читательских типов.

Понятие «читательский тип» обладает рядом преимуществ по сравнению с понятием «группа». Тип является производным от взаимодействия очень многих психологических и социально-психологических факторов, он синтезирует в себе разностороннее влияние прошлого опыта читателей, их настоящего и будущего («перспективных линий», по выражению А. С. Макаренко). Типологический подход дает возможность разработать содержательные характеристики читателей. Конечно, надо учитывать, что принадлежность к тому или иному типу не является застывшей, неизменной: при благоприятных или неблагоприятных условиях возможен переход читателя от одного типа к другому.

Психологическое исследование читателей, как известно, предлагалось еще Н. А. Рубакиным, который ставил своей задачей разработку «формулы читателя», отражающей особенности его психики. Он стремился охватить эти особенности в полном объеме, т. е. исследовать все проявления отражательной деятельности и отчасти свойства личности (склад ума, качества памяти, воображения, воли, эмоциональную сферу и т. д.). За основу для таких «клинических» характеристик им были приняты таблицы А. Ф. Лазурского, содержащие несколько сотен признаков. Естественно, их практическое применение в условиях библиотек было и остается невыполнимым. Но, быть может, эта задача представляет собою, хотя и недостижимый, но все-таки идеал, к которому стоило бы стремиться? Рассмотрим, насколько целесообразно такое изучение читателей для построения удовлетворительной их классификации³. Чтобы выявить наиболее значимые для типологии читателей психологические признаки, следует рассмотреть свойства личности, а также особенности отражательной деятельности (психологические процессы) и определить степень их влияния на чтение. Вся сложность проблемы типологии читателей заключается в правильном выделении типобразующих признаков.

Сложное единство черт личности в их целостности и взаимосвязанности образует динамическую структуру личности. Психологи предлагают разные принципы выделения подструктур личности и их соотносительности. Но в целом большинство из них называют такие компоненты, «блоки» или общие качества личности, как направленность, темперамент, характер, способности. Непосредственно в структуру личности иногда включают также и психические процессы; например, К. К. Платонов рассматривает их как «подструктуру форм отражения»⁴. Оставляя пока в стороне направленность как подструктуру очень сложную и в

большей степени, чем другие, обусловленную социальными факторами, попытаемся выяснить, какое влияние на чтение могут иметь остальные свойства личности.

Темперамент как «динамическая характеристика психической деятельности индивида»⁵ оказывает многообразное, но не определяющее воздействие на чтение. Он проявляется в динамике чтения, в привычке читать книги «запоем», не отрываясь (холерик); бегло, с пропусками (сангвиник); медленно, последовательно, без пропуска, от начала до конца (флегматик); в привычке читать в течение некоторого отрезка времени несколько книг, переключаясь от одной к другой, или только одну. Темперамент, как отмечает Н. С. Карташов⁶, в некоторой степени сказывается на устойчивости и глубине интересов. Он проявляется в характере эмоциональных реакций, в их силе, длительности, глубине. Отчасти с ним связаны и личностные предпочтения читателей в отношении того или иного автора, особенностей литературного стиля, нередко объема книг и т. д. Однако темперамент не оказывает ограничительного воздействия на возможности чтения. Исследования Н. С. Лейтеса убедительно показали, что от темперамента зависит индивидуальная манера деятельности, но не ее результативность⁷. В принципе при любом темпераменте человек может стать квалифицированным читателем, полноценно воспринимающим самые различные произведения. При работе с отдельными читателями библиотекарям полезно знать «жизненные показатели» различных темпераментов, но вряд ли целесообразно учитывать их как типобразующий признак при классификации читателей.

Характер — это «те свойства личности, которые накладывают определенный отпечаток на все ее проявления и выражают специфическое для нее отношение к миру и прежде всего к другим людям»⁸. При чтении художественной литературы характер сказывается на отношении читателя к персонажам произведения, а на более высоком уровне восприятия — и к личности автора. В одних случаях привлекательность героя (автора) для читателя основана на сходстве характеров, в других — на принципе дополненности, когда читателя привлекают как раз те свойства, которые не присущи его характеру. Очевидно, где-то в сфере характера нужно искать и черты, обуславливающие такие особенности личности, как способность к эмпатии (отождествлению себя с личностью другого человека), к сопереживанию, проникновению во внутренний мир героев. Возникая бессознательно в процессе восприятия, эти качества могут затем переноситься на реальные взаимоотношения с людьми, обогащать их, делать более тонкими¹⁰. Сознательное сопоставление своего характера с характерами героев литературных произведений появляется, по нашим данным, на довольно высоком уровне самосознания вместе со стремлением познать самого себя. Чаще всего подобные побуждения наблюдаются в юношеском

возрасте, но нередко они встречаются и у взрослых. Чтение при этом приобретает особый личностный смысл. Так как человек рождается без зеркала в руках, то он, по замечанию К. Маркса, «сначала смотрится, как в зеркало, в другого человека»¹¹. Таким «зеркалом» для многих становится книга.

В области изучения характера еще очень много нерешенных проблем, но, по всей вероятности, их разработка будет иметь значение в основном для индивидуальной воспитательной работы, а не для создания типологии читателей.

Способности рассматриваются в психологии как совокупность свойств личности, определяющих успешное осуществление той или иной конкретной деятельности. Поэтому беспредметно говорить о способностях «вообще», анализировать можно лишь «набор» (структуру) способностей (общих и специальных), необходимых для определенного вида деятельности.

Задачей психологии чтения является изучение читательских способностей. До сих пор выражение «талантливый читатель» употреблялось в качестве образа, а не понятия, и лишь в последнее время исследователи подошли к его научному рассмотрению.

Способными читателями можно, очевидно, считать тех, у кого восприятие произведения осуществляется наиболее полноценно. При выявлении необходимых для этого перцептивных (воспринимающих) способностей нужно исходить из анализа структуры деятельности — чтения и восприятия. Известно, что термин «восприятие» применительно к литературному произведению используется условно: по своей психологической сущности это сложная деятельность, включающая целый ряд психологических действий — образно-эмоциональных, мыслительных, мнемонических и др. Анализ этой деятельности ведется пока несколько односторонне, только в области художественной литературы, тогда как чтение различных видов литературы структурно разнородно.

Читательские способности теснейшим образом связаны с особенностями отражательной деятельности (психическими процессами: воображением, мышлением, памятью, эмоциями и т. д.), хотя и не могут быть сведены к ним. При чтении психические процессы выступают не изолированно, а включаются в систему «умственных действий» — навыков и умений, которые формируются под влиянием обучения и самостоятельного чтения (начитанности). Некоторые из этих навыков (например, навык «образного анализа текста», умственные операции, осуществляемые в процессе понимания идеи произведения) и их индивидуальные уровни рассматривает О. И. Никифорова¹². Л. Г. Жабицкая исследует способность к восприятию художественных деталей, связанную с развитием определенных умений и навыков¹³. Психические процессы, актуализирующиеся при чтении, необходимо изучать во всем своеобразии их проявлений и во взаимосвязях,

необходимых для оптимального восприятия литературного произведения. Л. Г. Жабицкая совершенно справедливо подчеркивает, что для восприятия художественного произведения воображение должно характеризоваться не столько яркостью или детальностью, сколько «точностью», в том смысле, чтобы через воссоздаваемый образ читатель воспринимал идейно-художественный смысл произведения. Очевидно, при чтении специфически проявляются и другие психические процессы.

В исследованиях по психологии восприятия литературы нередко наблюдается нечеткая дифференцировка терминов «способности к восприятию», «уровень восприятия», «тип восприятия», ведущая к их взаимозаменяемости в различных контекстах. Думается, что это не случайно, так как степень развития читательских способностей тесно связана с уровнем восприятия (шире — с уровнем литературного развития), а качественно своеобразные сочетания способностей в известной мере определяют типы восприятия.

Имеются попытки строить классификацию читателей в соответствии с павловским разграничением «человеческих типов» на «художественный», «мыслительный» и «средний»¹⁴. При этом предполагается, что существует тесная взаимосвязь между отмеченными типологическими особенностями и специфическими чертами способностей. Однако следует учитывать, что И. П. Павлов рассматривал эти типы как функциональные и отмечал значимое влияние на типологические характеристики тренировки¹⁵. Поэтому абсолютизировать данную типологию нельзя. Наблюдения показывают, что в процессе восприятия «специальные человеческие типы» могут проявляться по-разному. Среди представителей «мыслительного» типа могут быть и рационалисты, почти не читающие художественную литературу, и люди, любящие насыщенную мыслью, сложную поэзию и прозу, тонко воспринимающие художественную форму. Уровень восприятия у «художественного» типа тоже далеко не всегда одинаков.

Изучение читательских способностей, навыков, оптимальной структуры психической деятельности при чтении разных видов литературы снова и снова приводит исследователей к центральному звену взаимодействия книги и читателя — к процессу чтения, восприятия прочитанного, в котором эти способности и навыки реализуются.

В области изучения восприятия в настоящее время четко обозначился переход от эмпирического уровня к уровню теоретическому, концептуальному. Отдельные компоненты процесса восприятия, взаимосвязи между ними и индивидуальные различия в их протекании определяются все более полно. Однако еще не раскрыты закономерности, на основании которых можно было бы подойти к целостным характеристикам читательских типов. Такое положение сохранится, очевидно, до тех пор, пока не будет разработана общая модель чтения, в которой отдельные его

фазы (предфаза — собственно чтение — постфаза) предстанут в виде единой системы¹⁶.

Фазы чтения составляют определенный цикл. В предфазе проявляется избирательная активность личности, формируются с большей или меньшей определенностью цели чтения, которые влияют на характер спроса, направление поиска и на сам выбор произведений печати для чтения. В основной фазе осуществляется процесс чтения и восприятия. В постфазе складываются оценки прочитанного, реализуется последствие произведения, определяются тенденции последующего выбора, т. е. начинает формироваться новый цикл. Задачей исследования при системном подходе является анализ содержания каждой фазы и установление между ними зависимостей.

С психологической точки зрения в *предфазе* чтения наиболее полно выражается направленность личности — мировоззрение, читательские потребности, мотивы, установки, интересы, ценностные ориентации, т. е. все те внутренние побуждения, осознанные и неосознанные, которые в конечном итоге реализуются в выборе определенной книги.

Формирование читательской направленности личности, особенно таких ее высших и наиболее сложных компонентов, как мировоззрение и ценностные ориентации, происходит под влиянием воспитания, усвоенных знаний, социального опыта и в значительной мере под воздействием информации, получаемой с помощью средств массовой коммуникации — печати, радио и телевидения. В читательской направленности советских людей отражаются идеология нашего общества, уровень производства и духовной культуры. Это находит выражение в увеличивающейся распространенности чтения среди широких слоев населения, в массовом интересе к современным политическим и идеологическим проблемам и т. д.

Читательская направленность конкретизируется в зависимости от особенностей социальной группы, к которой принадлежит личность, от преобладающих видов деятельности, присущих этой группе, что особенно сказывается на профессиональных потребностях в чтении и на некоторых тематических предпочтениях. И, наконец, на направленность влияет референтная группа, к которой человек себя относит.

Таким образом, при изучении направленности исследователь переходит из сферы индивидуальной психологии в сферу психологии социальной. В ряде исследований ставится задача группировки, классификации читателей на основе того или иного отдельного компонента направленности, например интереса. Но, по-видимому, более результативен подход, при котором объектом изучения является не один изолированный компонент, а вся их система с присущими ей внутренними связями и отношениями.

Чем больше внимания уделяется в исследованиях различным аспектам направленности, тем более очевидной становится не-

разработанность соответствующего понятийного аппарата. На данном этапе, когда в психологической литературе многие ведущие понятия трактуются неоднозначно, их определение становится особенно сложным. Сделаем, однако, попытку, частью на основе существующих определений, частью на основе анализа эмпирического материала, разобраться в некоторых вопросах.

Естественно, что в пределах данной статьи нет возможности углубляться в детали и вступать в полемику с авторами, придерживающимися других точек зрения.

В последовательно разворачивающемся ряду структурных элементов направленности исходное место принадлежит *потребностям*, которые большинство психологов признают источником активности личности¹⁷. Объективная необходимость сама по себе не может быть непосредственным побудителем деятельности: она должна отобразиться в личностной потребности — осознаваемой или переживаемой субъектом нужде в чем-либо существенном для его функционирования и развития. Иными словами, внешние факторы должны преобразоваться во внутренние побуждения субъекта. Поэтому точка зрения, согласно которой потребность в чтении понимается лишь как внешняя необходимость (например, связанная с производственной деятельностью или учебой), является ошибочной.

Однако нельзя забывать и то, что в конечном счете потребности человека порождаются развитием производства, поскольку «производство есть непосредственно и потребление, порождающее потребность»¹⁸. Отсюда, согласно А. Н. Леонтьеву, принципиальная схема, выражающая связь между потребностью и деятельностью и отвечающая марксистскому пониманию потребностей, будет выглядеть так: «деятельность — потребность — деятельность»¹⁹. Предметность деятельности порождает предметность потребностей. Способы потребления предметов — материальных или идеальных — не усваиваются личностью спонтанно: овладение ими требует специальной подготовки. «Для немзыкального уха самая прекрасная музыка лишена смысла, она для него не является предметом», — писал К. Маркс²⁰. И далее: «Если ты хочешь наслаждаться искусством, то ты должен быть художественно образованным человеком»²¹.

Чтение способно удовлетворять различные потребности: познавательные, эстетические, нравственные и др. Но удовлетворение их происходит не прямым путем, а на основе переработки знаковой, словесной информации, источником которой являются произведения печати.

Первичной и далеко не всегда осознанной потребностью, побуждающей к чтению, можно считать коммуникативную потребность в получении той или иной информации, необходимой человеку для его жизни в обществе, для деятельности и развития. Если это положение выглядит бесспорным в отношении общественно-политической и научно-технической литературы, то приме-

нительно к художественной — вопрос является значительно более сложным.

Эстетическая информация, словесная и образная, «закодированная» совершенно иными способами, чем научно-техническая информация, перерабатывается в сознании воспринимающего и порождает у него «запрограммированные» в произведении представления и эмоции, направляет течение его мыслей к определенным конечным результатам, дает ему наслаждение. Природа этой информации, ее колоссальная емкость, при кажущейся порой избыточности, эффект ее воздействия до сих пор остается загадкой для науки, решению которой посвящается немало трудов²².

Однако становится все более очевидным, — искусство не является столь изначально общедоступным, как это еще нередко утверждается. Полноценное восприятие невозможно, если человек не владеет в определенной степени приемами «декодирования»: он должен понимать особенности языка искусства, способы художественного отображения действительности.

Научный анализ устанавливает различные степени объективной трудности (читабельности) текста. Но методы научного — смыслового, композиционного, языкового — анализа текста пока остаются достоянием узкого круга специалистов и не нашли еще применения на практике для установления соответствия структуры текста перцептивным возможностям читателей разных типов и разных уровней развития.

Потребность в чтении — категория высокого уровня обобщения, ее конкретное содержание раскрывается при изучении читательских мотивов.

Проблема *мотивов*²³, пожалуй, наиболее запутанная в современной психологии. К ним относят самые разнообразные внутренние побуждения. Однако большинство психологов рассматривает мотивы в соотношении с потребностями. А. Н. Леонтьев предложил следующую интерпретацию мотивов: «Потребление опосредствуется потребностью в предмете, его восприятием или мысленным его представлением. В этой отраженной своей форме предмет и выступает в качестве идеального, внутренне побуждающего мотива»²⁴.

Если принять это определение, то мотивами чтения будут внутренние побуждения читателя, которые выступают в форме вероятностного представления о тех или иных качествах книги, отвечающих его потребностям. Следовательно, для понимания мотивов чтения определенного лица нужно выяснить, какого рода потребности он испытывает и какие качества ищет в книгах — иными словами, надо знать его «систему ожиданий».

Мотивы, которые побуждают деятельность и вместе с тем придают ей личностный смысл, А. Н. Леонтьев называет смыслообразующими²⁵. Выявление именно таких мотивов важно при изучении чтения, так как в них наиболее полно раскрывается отношение читателя к произведениям печати, приносящим ему мак-

симальное удовлетворение. Различают неосознанные мотивы и осознанные мотивы-цели. Первые находят свое психическое отражение в форме эмоциональной окраски действий: удовольствие, получаемое читателем при чтении книги, является показателем ее соответствия мотивам чтения. При исследовании мотивов чтения нередко выделяют ряд их разновидностей (обычно 3—5), в том числе мотивы эстетические, познавательные, эмоциональные, развлекательные, осмысления жизненного опыта, и подразделяют читателей на соответствующее число групп, соотнося каждую из групп с одним определенным мотивом²⁶.

В результате изучения мотивов чтения нами было выявлено, что мотивация чтения более разнообразна (включает около 30 различных побуждений). Чтение, как и другие сложные виды деятельности, полимотивировано, оно отвечает не одному, а нескольким одновременно действующим мотивам, которые образуют сложные структуры, различные у разных читателей, но достаточно стабильные для каждого из них²⁷.

Исследования показали, что структуру мотивов чтения можно рассматривать как типобразующий признак. У разных читателей структуры мотивов различаются по следующим показателям: а) число и состав входящих в структуру мотивов, б) содержание и степень сложности доминирующих мотивов.

Наряду с потребностями и мотивами в состав направленности входит установка. Из ряда имеющихся определений установки следует, что это бессознательный компонент психической деятельности, выражающийся в определенном настрое личности и в готовности реагировать определенным образом на предметы, отвечающие ее потребностям. С. Л. Рубинштейн так раскрывает значение установки: «Наличие той или иной установки соответственно изменяет и перспективу, в которой воспринимается субъектом любое предметное содержание: перераспределяется значимость различных моментов, по-иному как бы расставляются ударения, акценты и интонации, иное выделяется в качестве существенного и все представляется по-иному — в иной перспективе и в ином свете»²⁸.

О проявлении установки в процессе чтения сейчас нередко упоминается²⁹. Хотя сам факт введения этого понятия в концептуальный аппарат психологии чтения весьма перспективен, специальных экспериментальных исследований формирования читательской установки и ее действия почти не проводится. Однако явление установки настолько фундаментально, что можно думать об ее исключительном значении как типобразующего признака. Установка способна вобрать в себя — естественно, в определенном аспекте — очень многие признаки, характеризующие тот или иной читательский тип: тенденции выбора произведений печати, способы (стратегию) чтения, бессознательные механизмы включения необходимых интеллектуальных навыков, избирательность восприятия, характер эмоциональных реакций и оценок.

Значительно больше, чем мотивы и установки, изучались *читательские интересы*³⁰. Несмотря на многочисленные попытки определить это понятие, ни одну из них вполне удовлетворительной признать нельзя³¹. Мы не предлагаем своего определения, поскольку оно требует развернутой аргументации. Ограничимся лишь некоторыми соображениями.

В ряде психологических работ проявляется тенденция рассматривать интерес как один из мотивов деятельности. Однако интерес не раскрывает, в отличие от мотива, смысл деятельности, не позволяет обнаружить, *для чего* человек читает, а указывает лишь, *что* он хочет читать.

Мы понимаем интерес как результат взаимодействия мотивов чтения с процессом восприятия. Особенно отчетливо это обнаруживается на первоначальной стадии интереса.

Интерес к чтению книг того или иного содержания возникает на основе существующих у человека потребностей. Как пишет А. Н. Леонтьев, «встреча потребности с предметом есть акт чрезвычайный, акт опредмечивания потребности — наполнения ее содержанием»³². Реализация неосознанного мотива чтения, как нам кажется, может впервые произойти именно в такой ситуации опредмечивания потребности. Вследствие этого может возникнуть — вначале временная — заинтересованность читателя, переходящая при повторных «встречах» в устойчивый и осознанный интерес к определенной литературе. На этом уровне он становится самостоятельным компонентом направленности, придающим деятельности, нередко очень сложной, положительную эмоциональную окраску и тем самым повышающим ее функционально-энергетический уровень. Сейчас существует ряд исследований, в которых содержание интересов положено в основу классификации читателей. Но думается, что этот признак — в первую очередь вследствие его широты — не может выступать как главный, а тем более единственный при характеристике читателей. Большей частью интерес «проявляет» лишь область знания, привлекательную для читателя, но не дает возможности определить, какие именно произведения из той или иной области знания подходят для конкретного человека. А именно это в практике библиотечной работы особенно важно.

Вышеизложенное относилось к общепознавательным интересам. Еще сложнее дело обстоит с интересами к художественной литературе. Книги, удовлетворяющие разных читателей, неодинаковы по степени сложности, характеру раскрытия темы, художественному уровню и т. д. Далеко не все они могут быть рекомендованы каждому читателю, интересующемуся данной темой. По нашим наблюдениям, устойчивая «привязка» к определенной теме характеризует в основном малоквалифицированных читателей. К таким можно отнести читателей с преобладающими эмоционально-развлекательными мотивами, интересы которых

весьма устойчивы и относятся к области приключенческой и детективной литературы.

Напротив, наиболее квалифицированные читатели со сложными мотивами чтения не ориентируются в своем выборе на тему произведения. Иногда они называют очень небольшое число интересующих их авторов, которых читают и перечитывают, а иногда, напротив, перечисляют многих авторов различных стран и эпох. Усмотреть в этом перечне какие-нибудь «жанрово-тематические комплексы» невозможно. А между тем избирательность у них вполне определенная. Это, если можно так выразиться, интерес к «настоящей литературе», которую отмеченные нами лица достаточно легко отличают от малохудожественной. На этом фоне уже разворачивается сложная картина индивидуальных предпочтений, связанных с особенностями вкуса, темперамента, характера, о которых говорилось выше. Но здесь речь идет только о предпочтениях. В принципе эти люди могут читать с интересом произведения очень разной тематики, если она отвечает структуре их мотивов.

Вводя читательские интересы в систему типобразующих признаков, необходимо учитывать не только их содержание, но и качественные характеристики — глубину, широту, устойчивость. Кроме того, интересы нужно рассматривать во взаимосвязи с другими сторонами направленности.

Среди побуждающих к чтению факторов нужно остановиться еще на *внешних стимулах чтения*, тем более что их нередко смешивают с мотивами. В. Д. Стельмах справедливо отмечает, что при анализе мотивов исследователи вынуждены руководствоваться «не всегда доказательными и точными объяснениями читателя. Этот самоотчет, каким бы искренним он ни был, не вскрывает глубинный мотивационный ряд, внутренние побудительные силы, заставляющие тянуться к тому, а не иному произведению. С бóльшим правом можно судить о разнообразных внешних факторах (воздействие средств массовой информации, советы друзей, сослуживцев, библиотекарей, внешнее оформление издания и т. д.)»³³. В. Д. Стельмах обозначает эти факторы термином «стимуляторы», что нам кажется вполне приемлемым, так как дает возможность развести два близких, но все же весьма различных понятия. Мотив отражает личностный смысл чтения, систему ожиданий читателя, сложившуюся на основе прошлого читательского опыта, поэтому он направлен на «внутренние» качества книги — ее содержание и форму. А стимуляторы (стимулы) лишь подсказывают читателю направление поиска и выбора, являются индикаторами, сигналами о возможности найти желаемое в данной конкретной книге.

Необходимо подчеркнуть, что стимуляторы побуждают к деятельности лишь при наличии у читателя соответствующих им потребностей (мотивов). Каждый читатель, в том числе самый квалифицированный, ориентируется на определенные стимулято-

ры и реагирует на них строго избирательно. В силу этого, хотя стимуляторы и не являются компонентом направленности, их можно включить в систему типобразующих признаков. В них как раз и содержатся возможности целенаправленного воздействия на каждый читательский тип.

Итак, анализ основных компонентов читательской направленности, входящих в предфазу чтения, показал, что все они в большей или меньшей степени связаны с потребностями и выступают как типобразующие признаки. Сама же направленность представляет собой единую, внешне и внутренне обусловленную систему, что позволяет выделить типы направленности.

Предфаза чтения завершается выбором произведения. Зная тип читательской направленности, можно прогнозировать выбор и воздействовать на него в благоприятном для читателя направлении.

Вторая — *основная фаза чтения* — собственно чтение и восприятие, как правило, изучается без выявления ее зависимостей с предфазой чтения, с читательской направленностью личности. Это, в частности, касается такого компонента восприятия, как установка на определенный характер восприятия. Насколько велико влияние читательской направленности на процесс восприятия, прослеживаются ли и здесь те же типологические признаки, которые обнаруживают себя в предфазе чтения?

«Чтобы чтение стало коммуникативным актом, установке автора должна соответствовать определенная читательская установка», — пишет Л. Г. Жабицкая. Она выделяет *основную установку* квалифицированного читателя, «когда читатель не только ждет и желает сопереживания, эстетического наслаждения (от восприятия произведения. — Л. Б.)... но и не боится умственного напряжения, активности, необходимой для полного его понимания, когда читателю интересны и отражение жизни, и личность, и идеалы самого автора, и его художественное мастерство»³⁴. Такая установка варьируется в зависимости от стиля и других особенностей автора и произведения.

Кроме основной установки, Л. Г. Жабицкая выделяет «развлекательную», «утешительную», «дидактическую» и другие установки.

Эти положения вполне справедливы. Трудно, однако, согласиться с тем фактом, что установка и мотив трактуются как тождественные явления. Скорее здесь можно предположить наличие такой зависимости: мотивы чтения влияют на формирование определенной установки при восприятии. Тогда основная установка будет следствием оптимальной структуры мотивов — эстетических, коммуникативных и др.

Наблюдения показывают, что примитивные структуры мотивов связаны со стабильными установками восприятия. Так, при доминировании развлекательных мотивов установка восприятия направлена на поверхностное прослеживание сюжета. Подобные

мотивы скорее приводят к отказу от чтения не отвечающих им произведений, чем к перестройке установки.

В итоге можно отметить, что конкретная установка читателя, реализующаяся при восприятии определенного произведения, есть результат взаимодействия объективных и субъективных факторов — особенностей произведения и читательской направленности, причем роль последней очень значительна.

Проведенное нами исследование восприятия одних и тех же произведений разными читателями и разных произведений одними и теми же читателями показало, что основные психологические особенности восприятия (тип восприятия) находятся в тесной взаимосвязи с читательской направленностью, закономерно проявляются у читателя при чтении различных произведений и глубоко пронизывают весь процесс восприятия, сказываясь на всех его параметрах и на его общей результативности³⁵.

Выше говорилось, что полноценное восприятие произведения является показателем высокого уровня развития перцептивных способностей. По-видимому, между направленностью и развитием способностей также можно установить определенную связь. К. К. Платонов пишет: «Поскольку способности формируются в деятельности, а потребности являются той сущностью мотивов деятельности, которая определяет и активность мотивов, и активность деятельности, постольку они представляют собой движущую силу формирования способностей»³⁶. Очевидно, при этом играет роль и уровень доминирующих мотивов. Сложные мотивы значительно сильнее, чем более примитивные, активизируют деятельность, а следовательно и развитие способностей. По нашим наблюдениям, между структурой мотивов и степенью адекватности восприятия существует прямая зависимость, которая нередко действует вне связи с уровнем общего образования читателя.

Следовательно, есть основания рассматривать тип читательской направленности и тип восприятия как единое целое, подчиняющееся общим закономерностям.

Остается в общих чертах рассмотреть *постфазу чтения*, главным образом *оценку произведения*, от которой во многом зависят тенденции последующего выбора произведений того же автора, сходной тематики и т. п. Оценка начинает складываться в процессе восприятия и становится более определенной после его завершения, при обдумывании прочитанного. В первичной форме она проявляется в эмоциональном (невербализованном) отношении к произведению. На более высоком уровне оценка осознается читателем. Несколько преобразуя имеющиеся определения, можно рассматривать осознанную оценку как умственную деятельность, направленную на выяснение соответствия или противоречия между должным, желаемым и наличным.

В оценке можно выделить количественную и качественную стороны. Первая определяет лишь степень соответствия между желаниями читателя и тем, что он нашел в книге. Ее можно вы-

разить посредством шкалы, крайние звенья которой представляют суждения: «очень понравилась» и «совсем не понравилась». Такие оценки не раскрывают содержания системы ожиданий читателя. Поэтому наиболее важна для изучения читателей качественная сторона оценки, ее критерии.

Анализ имеющихся материалов показывает, что критерии оценки произведений читателями очень разнообразны. Обнаруживается значительная степень соответствия между высказываемыми читателем мотивами и содержанием его положительных и отрицательных оценок. Если движущими мотивами чтения являются эстетические, то критерием оценки становится художественный уровень произведения, при познавательных мотивах — насыщенность книги фактическим материалом, его достоверность и т. п.

Сопоставление мотивов и оценок свидетельствует, что они являются как бы зеркальным отражением друг друга. Оценка констатирует наличие или отсутствие в произведении искомого качества. В силу этого допустимым становится «оборот терминов» — принятие мотива как потенциально возможной оценки, а оценки — как потенциального мотива. Значимыми при таком подходе являются и положительные, и отрицательные оценки. При таком подходе становится возможным объяснить, почему у одних читателей присутствуют в высказываниях и мотив и оценка, тогда как у других — либо мотив, либо оценка. Следует учесть, что большинство читателей высказывает несколько мотивов и несколько оценок с разными критериями.

При наличии мотива отсутствие оценки может иметь ряд причин, в частности такие: высказанный мотив не является доминирующим или искомое качество выражено в произведении недостаточно отчетливо. Отсутствие же мотива при наличии оценки может свидетельствовать о его недостаточной осознанности, о происшедшем акте «опредмечивания» мотива.

Таким образом, критерии оценок также можно рассматривать в единой системе типобразующих признаков, включающей все фазы чтения. Рассмотрение типобразующих признаков как структурного целого, в которое входят все фазы чтения, имеет то преимущество, что в структуре все компоненты взаимосвязаны и взаимообусловлены. Следовательно, выявление одного из них позволяет с большой степенью вероятности заключать о наличии других.

Высказанные в данной статье соображения базируются как на анализе теоретических источников, так и на результатах ряда эмпирических исследований, проведенных автором. Предлагаемая система типобразующих признаков легла в основу разработанной нами типологии читателей. Всего было выявлено 5 читательских типов. Перечислим их основные характеристики.

Первый читательский тип — оптимальное эстетическое восприятие.

Мотивы: эстетические и коммуникативные (мысленное общение с автором); этические, ценностно-ориентационные (самопознание, познание жизни,

людей, человеческих взаимоотношений, нравственная ориентировка, поиск этического идеала, самовоспитание); познавательные, интеллектуальные, эмоциональные.

Установки: на чтение художественной литературы как на деятельность, духовно обогащающую человека, на эстетическое постижение жизни, на выявление авторской позиции, на восприятие идейно-художественного содержания через восприятие формы, художественных деталей; конкретные установки на чтение произведений разного стиля достаточно гибко варьируют; необходимые навыки включаются и действуют без контроля со стороны сознания.

Интересы: разнообразны по тематике, в то же время строго избирательны, направлены на высокохудожественные, глубокие по содержанию произведения; сложность формы при значительности содержания не снижает интереса, а напротив, часто усиливает его.

Стимуляторы: автор; рецензии (избирательно); просмотр произведения; мнение людей, вкусу которых доверяют.

Восприятие: целостное, полное, эстетически адекватное; все элементы произведения воспринимаются в их единстве и идейно-художественном значении; проявляется чуткость к особенностям стиля, к выражению авторской позиции, интенсивность эстетических переживаний, активность и взаимосвязанность интеллектуальных процессов, воображения и эмоций.

Критерии оценки произведения в целом: художественная завершенность, выразительность, глубина содержания, идейно-философский смысл, глубина раскрытия образов;

— автора: привлекательность его личности для читателя (различные индивидуальные варианты); талант, особенности мирозерцания, мудрость, глубина понимания жизни и людей, гуманизм;

— персонажей: многогранность, психологическая достоверность, внутренняя близость читателю или его нравственно-эстетическому идеалу.

Последствие произведения (при условии высокой оценки книги): эстетическое наслаждение, катарсис, интеллектуальный и эмоциональный подъем; длительное обдумывание; разностороннее сопоставление со своими мыслями, чувствами; удовлетворение основных мотивов; нередко неоднократное перечитывание.

Второй читательский тип — восприятие «слоя фактов».

Мотивы: этические и ценностно-ориентационные (те же, что и у первого типа, кроме самопознания); познавательные; эмоциональные; реже — развлекательные.

Установки: на восприятие произведения как отражения конкретных жизненных фактов и людей; на извлечение поучительных примеров («дидактическая»).

Интересы: к произведениям, в которых описываются боевые и трудовые подвиги, исторические события, литературные биографии революционеров, героев войны, жизненные ситуации, семейная жизнь, любовь.

Стимуляторы: заглавие (тема); советы друзей; внешний вид книги, объем; реже — аннотации и советы библиотекаря.

Восприятие: недостаточно целостное — нередко персонажи, отдельные эпизоды, описания воспринимаются локально, без связи с другими элементами произведения; особенности художественной формы и выражение авторской позиции почти не воспринимаются; деятельность воображения не всегда корректируется текстом, поэтому представления нередко неадекватны; эмоциональные реакции активны; идейное содержание понимается упрощенно.

Критерии оценки произведения в целом: идейность, воспитательное значение, жизненность, правдивость, наличие положительного героя, динамичность сюжета, последовательность изложения, эмоциональность, благополучный конец, простота и понятность языка;

— автора: отсутствуют;

— персонажей: нравственные качества (любовь к родине, героизм, трудолюбие, скромность, честность, верность и др.).

Последствие произведения: обдумывание и обсуждение поступков персонажей; извлечение конкретных жизненных примеров; стремление к самовоспитанию; при трагическом конце — длительные отрицательные эмоции.
Третий читательский тип — рассудочное «познавательное» восприятие.

Мотивы: познавательные, интеллектуальные; в незначительной степени эстетические; самоутверждения.

Установки: на выборочное чтение, извлечение фактической информации; на понимание авторской позиции в оценке фактов.

Интересы: разнообразные по тематике (политика, история, биографии выдающихся людей, мемуары, путешествия, этнография и др.).

Стимуляторы: заглавие, аннотация (указание на достоверность, документальность материала), советы друзей, реже — автор.

Восприятие: неполное (поверхностное восприятие сюжета; образов-персонажей, кроме исторически достоверных; описаний). Внимание к внесюжетным элементам текста; интеллектуальная активность при слабом проявлении воображения и эмоций.

Критерии оценки: достоверность, точность в описании фактов, новизна материала или его интерпретации, эрудированность автора.

Последствие произведения: «расширение кругозора».

Четвертый читательский тип — эмоциональное восприятие, основанное на субъективных ассоциациях.

Мотивы: этические (в незначительной степени); эмоциональные.

Установки: на «переживания».

Интересы: к мелодраматическим произведениям.

Стимуляторы: заглавие, общий вид книги, непосредственный контакт с книгой.

Восприятие: очень фрагментарное; подмена содержания книги и персонажей субъективными жизненными ассоциациями; сильные эмоциональные реакции, связанные с личными переживаниями читателя.

Критерии оценки: сходство с жизнью читателя; сила эмоционального воздействия.

Последствие произведения: катарсис.

Пятый читательский тип — поверхностное восприятие всех компонентов произведения.

Мотивы: эмоциональные; развлекательные; стремление к отдыху.

Установки: на поверхностное прослеживание сюжета.

Интересы: к приключенческой и детективной литературе, к юмористическим произведениям.

Стимуляторы: указание на серию книг (например, «Библиотечка военных приключений»); название (интригующее); аннотация, иллюстрации; советы товарищей.

Восприятие: весьма фрагментарное, поверхностно-эмоциональное; сюжет воспринимается неполно — как последовательность напряженных событий, описания воспринимаются только в случае их функционального значения в интриге, персонажи — схематично.

Критерии оценки: увлекательность, напряженность сюжета.

Последствие произведения: эмоциональная разрядка; быстрое забывание прочитанного.

Из приведенной схемы видно, что психологическое содержание основных компонентов направленности, особенности восприятия и некоторые стороны последствия чтения у пяти читательских типов достаточно тесно взаимосвязаны и подчиняются общим закономерностям; они дают в совокупности представление о психологических особенностях каждого типа.

В заключение отметим еще один важный момент. Так как читательская направленность, оценки и во многом зависящие от них особенности восприятия формируются в процессе социально-

го общения читателей, складываются под влиянием обсуждения книг, обмена мнениями внутри определенных культурных групп, то читательские типы — это не индивидуально-психологические, а социально-психологические типы. Однако, несмотря на социально-психологическую сущность читательских типов, они вследствие взаимодействия множества факторов, имеющих всеобщее или локальное значение, не «привязаны» к определенным социальным группам. Исследование показывает, что все пять читательских типов встречаются в каждой из основных социальных групп.

Таким образом, представляется целесообразным при дифференциации читателей учитывать социально-психологические типы, число которых довольно ограничено, а характеризующие их признаки достаточно определены. Разумеется, речь идет только о читателях художественной литературы, так как особенности читательских типов применительно к чтению других видов литературы еще не изучены.

¹ Как известно, в ряде библиотек выделяются следующие группы: рабочие и служащие; специалисты с высшим образованием; работающая молодежь; учащиеся старших классов и студенты (иногда с последующим подразделением), пенсионеры. Применяются и другие группировки по аналогичным признакам.

² Подразделение каждой из 10 основных социальных групп на 5—10 групп по профессиональной принадлежности и характеру труда с последующим делением по образовательному и возрастному признакам предлагает Л. В. Беляков. См. тезисы его выступления «Проблемы и методика социологической группировки читателей» на конференции в Ленинграде. (Научная конференция, посвященная «проблемам психологии чтения и читателя». Краткие тезисы докладов. Л., 1971, с. 9—10).

³ В настоящее время всестороннее изучение личности читателя предлагает А. Г. Ковалев (см., например: Научная конференция, посвященная «проблемам психологии чтения и читателя». Краткие тезисы докладов. Л., 1971, с. 3—5). Несколько иной аспект той же проблемы выдвигает Н. С. Карташов в статье «Особенности читательского интереса» («Библиотекарь», 1967, № 6, с. 18—22).

⁴ Платонов К. К. О системе психологии. М., 1972, с. 128.

⁵ Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М., 1946, с. 655.

⁶ Карташов Н. С. Указ. соч., с. 21.

⁷ Лейтес Н. С. Об умственной одаренности. М., 1960.

⁸ Рубинштейн С. Л. Указ. соч., с. 663.

⁹ Интересный материал, подтверждающий эти наблюдения, привел И. Ф. Гончаров в докладе «Влияние духовных качеств читателя на восприятие художественной литературы» (см.: Научная конференция, посвященная «проблемам психологии чтения и читателя». Краткие тезисы докладов, с. 46).

¹⁰ Эти вопросы затрагиваются И. И. Тихомировой (Чапыгиной). См.: Чапыгина И. И. О чуткости читательской. — «Библиотекарь», 1970, № 5.

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23, с. 62.

¹² Никифорова О. И. Психология восприятия художественной литературы. М., 1972.

¹³ Жабицкая Л. Восприятие художественной литературы и личность. Кишинев, 1974.

¹⁴ Павлов И. П. Полн. собр. соч. Т. 3. Ч. 2. М.—Л., 1951, с. 346.

¹⁵ Павловские среды. Т. 3. М.—Л., с. 319.

¹⁶ Попытка подобного системного подхода к изучению чтения предприни-

мается в настоящий момент сектором книги и чтения Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (приводимая нами терминология употреблялась на обсуждениях в секторе).

¹⁷ См., например: Общая психология. Учеб. пособ. для пед. ин-тов. Под ред. проф. А. В. Петровского. М., 1970, с. 94.

¹⁸ Леонтьев А. А. Деятельность и личность.— «Вопр. философии», 1974, № 5, с. 65.

¹⁹ Там же, с. 66.

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956, с. 593.

²¹ Там же, с. 620.

²² См., например: Моль А. Теория информации и эстетическое восприятие. М., 1966; Переверзев Л. Б. Искусство и кибернетика. М., 1966; Рудь И. Д., Цукерман И. И. Искусство и теория информации. Л., 1972.

²³ Наряду с понятием «мотив» в современной литературе используется понятие «мотивация», имеющее значительно более широкое содержание, охватывающее почти все стороны направленности.

²⁴ Леонтьев А. Н. Деятельность и личность.— «Вопр. философии», 1974, № 5, с. 65.

²⁵ Там же, с. 69.

²⁶ Крупник Е. П. Психологический анализ содержания и структуры интересов учащихся к произведениям художественной литературы. Автореф. канд. дис. М., 1967; Добрынина Н. Е. Изучение читателей и рекомендательная библиография художественной литературы.— В кн.: Рекомендательная библиография и руководство чтением. М., 1967, с. 112.

²⁷ Беляева Л. И. Мотивы чтения и критерии оценок произведений художественной литературы у разных категорий читателей.— В кн.: Художественное восприятие. Л., 1971, с. 162—176; Беляева Л. И. Мотивы чтения и критерии оценки художественной литературы у молодежи.— В кн.: Научная конференция, посвященная «проблемам психологии чтения и читателя», с. 38—39.

²⁸ Рубинштейн С. Л. Указ. соч., с. 625.

²⁹ Трубинков С. А. Рекомендательная библиография как средство формирования литературно-художественных вкусов читателей.— В кн.: Рекомендательная библиография и руководство чтением, с. 91—92.

³⁰ Добрынина Н. Е. Основные направления изучения читательских интересов.— «Библиотеки СССР. Опыт работы», 1967, вып. 35, с. 66—73; Стельмах В. Д., Троицкая Е. Е. Изучение интересов читателей — важная задача дня.— «Сов. библиография», 1966, № 4 (98), с. 77—81.

³¹ Карташов Н. С. Особенности читательского интереса.— «Библиотекарь», 1967, № 6, с. 18—22. См. также дискуссию об особенностях читательского интереса в журнале «Библиотекарь» (1967, № 9—11; 1968, № 5—8, 12; 1969, № 6).

³² Леонтьев А. Н. Проблема деятельности в психологии.— «Вопр. философии», 1972, № 9, с. 99.

³³ Книга и чтение в жизни небольших городов, с. 84.

³⁴ Жабицкая Л. Г. Восприятие художественной литературы и личность. Кишинев, 1974, с. 9.

³⁵ Подробнее см.: Книга и чтение в жизни небольших городов. Вып. 4. «Психологический анализ восприятия художественной литературы. М., 1973.

³⁶ Платонов К. К. Проблемы способностей. М., 1972, с. 109.

Понимание как компонент психологии чтения

Каждый из нас, основываясь на личном опыте, вправе утверждать, что понимание существует и как процесс, и как его ощущаемый индивидом итог. Но попытки определить, что такое понимание, встречают трудности, а вместе с ними появляются и разноречия во мнениях. Они тем более огорчительны, что термин в принципе должен быть однозначен. Требование это выполняется не всегда, и немало слов, уже вошедших в терминологическую сферу, слов, которыми пользуются в процессе научного анализа, обладают не одним значением, а несколькими. Это относится и к слову «понимание». Так, Ирвинг Ли выделяет семь значений, в которых употребляется это слово¹. Его соображения не бесспорны, но частично мы ими воспользуемся.

Понимание₁ — следование определенному направлению. Например, если некто, назовем его X, прочитав расписание движения поездов, смог с его помощью попасть на нужный поезд, то X, по всей очевидности, проявил понимание этого текста. Или же X отдал приказ, и он его исполнил; того, кто приказывал, спрашивают: «Ваш приказ был понят?» — «Да, — отвечает он, — я сужу об этом по тому, как приказ был выполнен».

Понимание₂ — способность прогнозировать. Кто-то, назовем его Y, высказал свои намерения, а X, со своей стороны, предположил, какие за этим высказыванием последуют (или, наоборот, не последуют) действия. Если предположение X правильно, это означает, что он понял высказывание и намерения Y.

Понимание₃ — способность дать словесный эквивалент. X понимает, что говорит или пишет Y, если X способен передать содержание его высказываний своими словами, а Y, выслушав его, — подтвердить: «Именно так я и хотел сказать». Это отнюдь не означает, что X разделяет мысли Y — просто он понимает их.

Понимание₄ — способность дать приемлемую реакцию. Это наиболее общее определение, пожалуй, самого распространенного опознания факта понимания. Приемлемая реакция выражается, например, в соотносимости высказываний коммуникантов по обсуждаемой ими теме. Любому из нас известны случаи, когда собеседник характеризует увиденный фильм или прочитанную книгу так, что нам сразу хочется сказать: «Он просто не понял». При этом содержание он может рассказать достаточно точно и даже более подробно, чем мы. Но «общий смысл» он просто не уловил. А бывает и так, что наш собеседник резко критикует фильм или книгу и мы с ним не согласны, но спорить есть о чем, ибо смысл он, по нашему мнению, понял вполне правильно, толь-

ко согласиться с ним мы не можем. Вот этот второй случай — один из видов приемлемой реакции: здесь коммуниканты достигают некоторого единого уровня постижения сущности текста.

Все эти четыре вида употребления слова «понимание» непосредственно относятся к пониманию текстов.

Мысль находит речевое выражение в тексте, письменном или устном, и любой текст в принципе рассчитан на то, что его поймут. Поймут современники или потомки. Поймет, возможно, большое число людей или, возможно, меньшее (есть тексты, доступные лишь определенному узкому кругу лиц, и от того, кто именно их поймет и как, зависят иногда судьбы армий и государств²).

Представляется очевидным, что понимание текстов — не самоцель, в их содержании отражены действительные отношения вещей, имеющие значение для образа мыслей, поступков и намерений людей. Именно эти действительные отношения существенны для людей, считающих необходимым прочесть (и, соответственно, понять) те или иные тексты. Так, понимая тексты законоположений, читатель узнает, каковы границы прав, отмеренные ему государством, гражданином которого он является. Понимать инструкции по уходу за электроприборами или правила уличного движения — это значит понимать, как сохранить в определенных обстоятельствах жизнь. Можно назвать еще немало текстов, практическая важность которых вполне ясна.

Трудно, однако, обосновать такого рода причинами необходимость понимания произведений художественной литературы. Тем не менее стремление понимать их является исторически непреходящим. Почему это стремление существует — вопрос спорный. Несомненно, впрочем, что литературные тексты содержат значительную по объему информацию относительно многообразных социальных явлений, характерологических особенностей людей, межличностных отношений и личных переживаний. Художественная литература играет чрезвычайно существенную роль в духовной жизни людей как продукт творческой деятельности и предмет творческого восприятия. «Творчество — процесс, восприятие творения — также процесс, и это особенно ярко проявляется при чтении литературных произведений. Автор создает произведение, внушая читателю представление о том, что читатель вместе с ним вновь проходит весь путь его творчества. Автор создает у читателя иллюзию творческого процесса. Читая произведение, читатель как бы участвует при создании произведения, оно разворачивается перед ним во времени. Конечно, на самом деле творческий процесс гораздо сложнее, чем он предстает перед читателем в произведении, однако черновики, наброски, разные редакции произведения остаются за бортом произведения и не воспринимаются читателем»³.

В трактовке Г. П. Щедровицкого и С. Г. Якобсон понимание выступает как смысловая организация знаковой формы текста:

эта форма организации есть не что иное, как восстановление структуры смысла, заложенного в текст процессом мышления⁴.

При исследовании понимания как компонента психологии чтения особый интерес вызывают соображения, сжато сформулированные в свое время С. Л. Рубинштейном. По его мнению, всякий текст есть лишь условие мыслительной деятельности; то, что объективно содержится в тексте, может обрести и субъективную форму существования в голове читателя. Эта субъективная форма существования есть результат «собственной мыслительной деятельности читателя». Под этим углом зрения понимание текста можно рассматривать как процесс образования и функционирования «смыкающей модели». Это значит, что текст обретает свое содержание в непосредственном взаимодействии с сознанием читателя, что понимание «смыкает» в единое целое то, что содержится в тексте, и то, что происходит в сознании читающего. В свое время Карл Беккер не без основания утверждал, что документы, свидетельствующие об исторических фактах, — газеты, письма, дневники, — существуют как листы бумаги, на которые нанесены чернила и типографская краска; они оживают, когда к ним прикасается историк, иначе говоря, когда их понимают. Здесь встает проблема кардинальная — проблема существования. Текст, бесспорно, существует и вне его понимания, но латентная форма существования смысла текста молчаливо предполагает существование того, кто этот текст способен прочесть.

Говоря об актуализации смысла текста, наступающей в результате его понимания читателем, Харли Шэндс проводит аналогию между языковым кодом и его носителем — с одной стороны, и связью, существующей между фильтрующим вирусом и пораженной им клеткой, — с другой. Вирус представляет собой почти «чистый код» в том отношении, что вся его функция заключается в обеспечении собственного дублирования, но, как и язык, вирус требует живого носителя, хотя в принципе способен существовать и вне его. При подходящих условиях молекула вируса может быть кристаллизована и сохранена *in vitro*, причем в таком состоянии она бессильна, подобно запечатанному в бутылку джинну из восточного фольклора. Когда вирус освобождают от пассивного состояния и вводят в восприимчивую клетку, он немедленно включается в механизмы воспроизводства данной клетки. Вирус становится хозяином своего нового «дома». Сходным образом идея или система, запечатленная в лингвистическом коде, может существовать в зафиксированном виде в книге на полке, пока не встречает восприимчивого «хозяина». Читатель, увлеченный содержанием книги, может стать прозелитом, пропагандирующим учение, содержащееся в этой книге, и воссоздать его в группе последователей.

Касаясь понимания текста, надо прежде всего иметь в виду, что хотя бы некоторые сведения, используемые автором текста, должны быть предварительно известны читателю. Необходима

какая-то информационная основа для понимания, известная индивиду, читающему данный текст.

Н. В. Крандиевская-Толстая рассказывает, как зимней московской ночью 1918 г., когда «ориентирами служат лишь одни костры на перекрестках, возле которых постовые проверяют у прохожих документы»⁵, В. В. Маяковский стоял у костра, разожженного у Лубянки, приветствуя подошедшего погреться А. Н. Толстого экспромтом:

Я слабость к титулам питаю
И этот граф мне по нутру,
Но всех сиятельств уступаю
Его сиятельству — костру!

— Плохо твое дело, Алексей,— с мрачным юмором говорит Толстому его спутник — Андрей Соболев.— Идем-ка от греха...

«Но Толстой не уходит. Он смотрит, не отрываясь, на Маяковского, видимо, любясь им. Он не до конца понимает убийственный для себя смысл экспромта»⁶.

Что же необходимо для адекватного понимания этого текста?

Прежде всего, необходимо знать язык, на котором он написан. И не просто общеразговорный русский — необходимо знать *литературный* русский язык, имея минимальное представление о специфических различиях русского стиха и прозы. Существенно знание фактов гражданской истории: событий 1918 г., отмены сословного деления и титулов и т. д. Непременное знание элементов истории литературы: если имена В. В. Маяковского и А. Н. Толстого читателю ничего не говорят, смысл происходившего будет для него в значительной степени неясен.

Все это лишь предпосылки адекватного понимания текста. Ключ к пониманию описанной в нем ситуации лежит в четверостишии Маяковского

Грозный смысл экспромта Маяковского — смысл, который не сразу стал ясен Толстому,— неразрывен с речевой формой выражения: специфика поэтической речи⁷ позволяет обнажить внутреннюю форму слова «сиятельство», восходящую к глаголу «сиять»; при этом слово «сиятельство» не выводится из культурно-исторического ряда «величество, высочество, сиятельство», который сообщает семантике слова оттенки: «особое положение, древность рода, власть». И правда — что древнее костра, что сильнее пламени, что *сиятельнее*? В нем сгорят ветхие хартии, свидетельствующие о знатности рода, в нем могут сгореть и те, кто не мыслит себя вне рода, без титула.

Сверх всего сказанного хочется заметить, что, хотя цитированный отрывок и принадлежит к жанру документальной прозы, для полного его понимания требуется и знание общего «литературного фона эпохи», которая служит предметом изображения; фоновое значение имеет в данном случае сцена (впрочем, тоже

автобиографического плана) из поэмы «Хорошо»: уличный костер, «Здравствуйте, Александр Блок».

Таким образом, чтобы смысл текста был адекватно понят некоторым конкретным индивидом, в его памяти должен находиться тезаурус — связный набор сведений, способных к актуализации в процессе чтения. Сопоставляя концепции Ролана Барта и Юлия Шрейдера, можно заключить, что понимание текстов прямо зависит от того, насколько богат тезаурус читателя и какие способы кодирования смысла текста ему практически известны. При этом примитивный тезаурус почти ничего не извлекает из данного текста Т (не может его осмыслить). Развитый тезаурус понимает текст Т хорошо и получает максимум информации. Насыщенный тезаурус уже не получает новой информации: он уже все знает⁸.

Соотношение «тезаурус — текст» есть проявление и следствие работы оператора понимания. Этот гипотетический функциональный центр⁹ действует, используя сложную иерархию кодов. Существует, например, система кодов, необходимых для понимания литературных текстов. Каждому читающему эта система в той или иной степени известна.

Так, каждому из нас известен код способов отображения. Читая фразу «вошел человек в ярком галстуке», мы понимаем, что вошедший был в рубашке и, скорее всего, в пиджаке. Не это существенно, и это опущено. Способ отображения предполагает подобные сокращения, и он нам знаком. Разумеется, код способов отображения изменчив. «Бритый» персонаж современного романа — это, чаще всего, лысеющий человек с чисто выбритой головой, в романе, написанном 40 лет назад, «бритые» — это те, кто брил бороду и усы.

С кодом способов отображения непосредственно смыкается код культуры. Н. Асеев в поэме «Маяковский начинается» описывает сцену в бильярдной: некий претенциозный завсегдатай клуба вертится около Маяковского, мешает ему играть, «говорит под руку», пытается шутить и т. п. В конце концов Маяковский обернулся к нему и, взявшись за цепочку от его часов, произнес:

Застыл остряк
С открытым ртом:
«Златая цепь
На дубе том!»

Острота Маяковского понятна тем, кто знаком с конкретным «кодом культуры» — в него входит, например, текстуальное знакомство с «Русланом и Людмилой». Перевод данного отрывка на французский язык вызвал бы не только языковые затруднения: «код культуры» среднего французского читателя иной.

Герменевтический код включает в себя формулировки содержащихся в повествовании вопросов и возможных ответов на эти

вопросы. Они, бесспорно, связаны с миром культуры, которому данное повествование принадлежит, но выходят за его пределы.

Вопросы, которыми задается Шекспир в «Макбете», волнуют и русского и японского читателя, быть может, не в меньшей степени, чем они волновали посетителей театра «Глобус». По ходу разворачивания сюжета читатель узнает ответы на вопросы, убьет ли Макбет Дункана, двинется ли Бирнамский лес на его замок и т. п. Но герменевтический код, которым владеет большинство читателей, позволяет им понять, что в «Макбете» решаются и вопросы иного порядка, например, о том, могут ли ум, сила воли, мужество — качества чрезвычайно привлекательные сами по себе — быть направлены на преодоление этических барьеров. Отвечая на этот вопрос, Шекспир показывает, как непоправимо деформируется личность под влиянием содеянного зла. Если же эти (и подобные им) вопросы полностью прошли мимо сознания читателя, который увидел в «Макбете» лишь историю кровавой борьбы за престол, то смысла трагедии он не понял. Сказанное не означает, что упомянутый нами вопрос — главнейший в «Макбете». Отнюдь нет. Вполне возможно, что уже с появлением трех загадочных ведьм перед нами начинают вырисовываться очертания действительно великой проблемы превращения прогноза в проект и реализации проекта. Когда эти психологические процессы касаются этических ценностей (а они их чаще всего касаются), человек, казалось бы свободный в выборе решений, теряет внутреннюю свободу, по мере того как им следует. Из каждого нового поступка логически вытекает необходимость последующего — торжествует логика вещей, которая сильнее логики человеческих намерений и, в отличие от нее, не знает никаких этических преград.

Существуют — во множестве — иные интерпретации общего смысла (концепта) «Макбета». Суть не в том, какую из них изберет (или предложит) читатель, но в том, что он в принципе способен подходить к текстам герменевтически и чувствует, что подобный подход нужен.

Элементарный герменевтический навык читатель приобретает относительно рано — читая басни. Басни зачастую завершаются моралью — в одну-две строчки. Она резюмирует смысл текста — концепт.

Концепт, строго говоря, есть у любого осмысленного текста. И у «Войны и мира», и у басен Крылова.

Но басню не обязательно завершает мораль. Концепт не всегда объявлен, да и объявленный отнюдь не всегда соответствует семантическому существу текста. Тут многое зависит от сложности. Чрезвычайно сложен, например, концепт крыловской (а не лафонтеновской) «Вороны и лисицы». Только ли о том она, что нельзя доверяться льстецу? Только ли о том, что не стоит хвастаться? Явно же смысл сложнее. (Более ста лет назад В. Водовозов¹⁰ писал, что дети никак не могли согласиться с подобной

моралью.) Ворона умеет каркать, и она это делает — каркает настолько громко, настолько хорошо, насколько на это ворона вообще способна. Она теряет сыр. Но за что она наказана? Не могла же она (да и не собиралась) запеть по-соловьиному? Нет, концепт глубже. Ворона наказана за то, что она гордится своим карканьем. В нем ничего плохого — и хорошего тоже — нет. Она каркает. Такова ее природа. Между тем, не стоит гордиться тем, на что способен от природы. Ведь это не твоя, в сущности, заслуга. Вот за гордыню (а ее следствие — вера льстецам) ворона и наказана.

Но есть и иное толкование концепта басни: ворона наказана за то, что поверила в свое превосходство над соловьем. А соловей не лучше, не хуже, он просто другой. Конечно, существует распространенное мнение, что пение соловьев как-то более приятно для слуха, чем воронье карканье. Но вороне не обязательно его придерживаться. Не обязательно и слушать лису.

Теснейшая взаимосвязь понимания и смысла (концепта) показана в ряде исследований; любопытно, что она кажется достаточно явной и в трудах тех авторов, которые очень далеки от психологизации понятия «смысл» и особо это оговаривают¹¹.

Под концептом текста мы будем подразумевать то, что позволяет соотносить с действительностью содержание текста как целого. Иначе говоря, концепт — это общий смысл текста. «Концепт имени», по Черчу, есть то, что бывает усвоено, когда понято имя; *mutatis mutandis* — концепт текста есть то, что бывает (или должно быть) усвоено, когда понят текст. Вполне очевидно, что это зависит не только от текста, но и от того, кто понимает текст. Понимание литературно-художественных текстов поливариантно. Такова их психологическая специфика, чреватая социально существенными следствиями. Заметим, что «чувство понимания», сопровождающее и завершающее чтение текста, еще не свидетельствует о действительном постижении его смысла. В глазах психолога-экспериментатора «субъективное чувство понимания отнюдь не является критерием подлинного понимания, оно не отражает ни действительного хода понимания, ни каких-либо важных его сторон. Самонаблюдение, интроспективная картина весьма смутно и неточно отражает то, что фактически произошло в сознании»¹².

Рабочая гипотеза, касающаяся сущности процесса понимания, приблизительно такова: понимание — это последовательное изменение структуры воссоздаваемой в сознании ситуации и процесс перемещения мыслимого центра ситуации от одного элемента к другому.

Исследуя механизмы понимания текста, мы должны прежде всего убедиться в том, что изучаем действительно «понимание». Примем следующее рабочее определение: «X понимает структуру функционирующего целого, если имея перед собой элементы этой структуры и не имея инструкции по сборке, способен собрать

это целое так, что оно начнет функционировать». Данное операциональное определение, будучи громоздким, все же передает сущность дела. Здесь под пониманием подразумевается такое взаимодействие с объектом, в результате которого в сознании воссоздается работающая модель этого объекта. Понять — это значит собрать работающую модель.

Осмысленный текст мы — в первом приближении — рассматривали в качестве системы, образованной рядом элементов, которые с различной вероятностью следуют друг за другом. В идеале текст — это система с конечным числом состояний, стохастический ряд, где в качестве последующего члена может появиться с различной вероятностью любой из некоторого конечного числа элементов¹³.

Это определение текста ближе к действительности, чем может показаться на первый взгляд. Письменный текст как застывшая линейная последовательность образующих его элементов существует только на бумаге. Текст делим: для психологии чтения это свойство текста имеет фундаментальное значение. Благодаря делимости текста читатель в состоянии мысленно сопоставлять отдельные звенья содержания, комбинировать их в сочетаниях, позволяющих глубже понять суть прочитанного. Делимость текста создает возможность опускать одни его элементы, обращаясь к другим повторно; эта возможность строить «свой», читательский текст из предложенного набора элементов реализуется не только в пособиях для программированного обучения. По существу, любую книгу перечитывают выборочно. Можно назвать и ряд произведений художественной литературы, тексты которых допускают относительно свободную перестановку составных элементов (таковы, например, романы Хуана Кортасара «Игра в классики» и «62. Модель для сборки»).

Итак, текст делим. Именно эта его особенность была учтена при разработке методики исследования¹⁴. Некоторый текст (в дальнейшем мы будем называть его исходным) подразделяется на относительно законченные в смысловом отношении отрезки. В некоторых сериях экспериментов исходный текст делился на предложения; в других сериях текст подразделялся на отрезки в соответствии с делением на абзацы. Эти отрезки, вынесенные на карточки и перетасованные, предъявлялись испытуемому. Ему предлагали расположить эти отрезки так, чтобы восстановить исходный текст, содержание которого не было ему известно. Существенных затруднений выполнение этой задачи у испытуемых не вызывало. Даже отрезками текста значительной смысловой сложности испытуемые оперировали уверенно. Но, как выяснилось, операции, направленные на то, чтобы реконструировать исходный текст, часто приводят к образованию новых осмысленных текстов, отличающихся по содержанию от исходного.

Эксперимент позволяет выявить в тексте точки, в которых составляющие его смысловые элементы разъединяются свободно.

Напротив, другие элементы испытуемые соединяли так, как если бы знали порядок их расположения в исходном тексте. Возникает впечатление, что последовательность одних элементов текста осуществляется по значительно более жесткой программе, чем других. Варьируя число и размерность отрезков текста, предъявляемых испытуемым, мы пришли к выводу, что в процессе образования новых смысловых вариантов текста (субвариантов) первостепенную роль играют *переходы* от одного относительно законченного отрезка к другому¹⁵.

Если сила смыкания отражает в той или иной мере особенности семантической структуры исходного текста, то конструирование субвариантов в несколько большей мере связано с психологическими механизмами понимания текста вообще. Допустимо предположение, что сущность процесса понимания текста как целого и заключается в операциях перехода от одного осмысленного элемента текста к другому. По-видимому, эти операции предполагают не только переход от данного конкретного элемента текста к последующему, прямо примыкающему к нему. Разумеется, подобный переход необходим, и он происходит (хотя, быть может, и реже, чем это принято полагать). Но одновременно существуют связи иного — имплицитного — порядка, создающие переход от некоторого ведущего смыслового элемента к другим, ведомым. Эти переходы второго порядка особо существенны для произведений художественной литературы. Связи между отдельными осмысленными элементами протягиваются через весь текст, иногда они очевидны, иногда скрыты и осознаются не сразу. В зависимости от времени и характера их осознания структура ситуации, изображенной в содержании текста и воссоздаваемой в сознании, меняется. Существует совокупность формальных приемов, позволяющих резко обозначить в сознании читателя именно этот уровень процесса понимания текста. Эти формальные приемы широко используются в построении связей между отдельными смысловыми звеньями произведений детективного жанра. В какой-то определенный момент чтения детали ситуации, ранее фиксированные как второстепенные, неожиданно выдвигаются на передний план, изменяя соотношение всех остальных элементов структуры ситуации. При этом читатель испытывает отчетливое ощущение внезапно наступившего понимания смысла ситуации (концепт здесь обычно остается в тени).

Как уже говорилось, любой осмысленный текст рассчитан на то, что его поймут. Элементы текста рядоположены и воспринимаются коммуникантом в заданной последовательности. Последовательность элементов текста создает у того, кто его воспринимает, определенную установку, которая имеет большое значение для понимания текста.

Применяемая в наших экспериментах методика позволила отвлечься от этой особенности целостного текста, так как он воз-

ника
был
Поэ
анто
особ
ций
исп
село
осно
данн
ной
ятно
к др
низм
И
как
этап
этих
ленн
щему
жани
добн
мент
пара
карт
позв
мере

1 См
S.
2 Ре
на
счи
каж
чер
пис
3 Лих
4 См.
нима
зиум
5 Вос
6 Там
7 См.
8 Шре
9 форм
10 См.:
Водо
нисте
11 См.:
12 Секе
с. 38
7*

никал лишь в итоге производимых испытуемыми операций. Текст был не столько первоосновой, сколько конечным результатом. Поэтому смысл текстов, полученных в экспериментах (субвариантов), дает некоторую возможность судить о психологических особенностях индивида, производившего конструктивные операции. Если один и тот же исходный текст, предъявляемый разным испытуемым, давал варианты, различные по смыслу, — это зависело, естественно, от тех, кто эти варианты конструировал. Есть основания полагать, что разнообразие субвариантов в каждой данной серии отражает индивидуальные различия в вероятностной оценке последовательности элементов текста. Оценка вероятности реализуется в виде перехода от одного элемента текста к другому и, возможно, лежит в основе психологических механизмов понимания.

Итак, можно предположить, что в ходе процесса понимания как бы совмещены три магистральных линии, и в зависимости от этапа процесса и семантики текста доминирует та или иная из этих трех магистралей. Первая — это переход от одного осмысленного элемента текста к другому, непосредственно следующему за ним. Вторая заключается в изменении структуры содержания в сознании с перемещением ее мыслимого центра. Подобного рода перемещения иногда происходят, минуя ряд элементов, скачком, с возвращением назад. Третья линия связана с параллельным образованием в сознании индивида некоторой картины «общего смысла» текста. Исследование этой картины позволяет заключить, что понимание текста есть в той или иной мере понимание индивидом самого себя.

¹ См.: Language, Meaning and Naturity. Selections from ETC. Ed. by S. Hayakawa. N.-Y., 1954. (Review of General Semantics, 1943—1953).

² Речь идет о военной и дипломатической практике. Впрочем, каждый из нас, не будучи дипломатом или военным, является автором текстов, рассчитанных на понимание поистине «возможно меньшего числа людей»: каждый делал пометки для памяти, а их пишут с единственной целью — через определенный отрезок времени понять, что было записано. Это письменные тексты, адресованные их автору.

³ Лихачев Д. С. Текстология. М.—Л., 1961, с. 29.

⁴ См.: Щедровицкий Г. П., Якобсон С. Г. Методологические проблемы понимания.— В кн.: Мышление и общение. (Материалы Всесоюзного симпозиума). Алма-Ата, 1973, с. 30.

⁵ Воспоминания об А. Н. Толстом. М., 1973, с. 120.

⁶ Там же, с. 121.

⁷ См. в этой связи: Шпет Г. Внутренняя форма слова. М., 1927.

⁸ Шрейдер Ю. О семантических аспектах теории информации.— В кн.: Информация и кибернетика. М., 1967, с. 38.

⁹ См.: Рейтман У. Познание и мышление. М., 1968, с. 299—343.

¹⁰ Водовозов В. О педагогическом значении басен Крылова.— «Журн. Министерства народн. просвещения», 1862, № 12.

¹¹ См.: Черч А. Введение в математическую логику. М., 1960, с. 18, 343.

¹² Секей Л. Знание и мышление.— В кн.: Психология мышления. М., 1965, с. 380.

- ¹³ См.: Зарецкий В. А. Ритм и смысл в художественных текстах.— «Труды по знаковым системам». Тарту, 1965, вып. 2, с. 66.
- ¹⁴ См., в частности: Брудный А. Экспериментальный анализ процесса понимания.— В кн.: Тезисы докладов к XX Международному психологическому конгрессу. М., 1972, с. 36—38.
- ¹⁵ Эти соображения послужили отправной точкой для составления программы синтеза осмысленных текстов на ЭВМ; такая программа составлена В. К. Нишановым и полученные с ее помощью результаты являются обнадеживающими.

Т. М. ДР

Чтен
вое вос
эмоцио
терпрет
«тексто
В конте
ний тек
сообщен
тератур
жизнь.

В пр
информ
ких сво
отнесен
ганизаци
способа
вать ос
щения.

След
общее п
не свиде
следнего
которое
прежде
или осно
существо
текста, «
ветствен
ции тек

При т
предмет
но-смысл
их дости
туре под
коммуни
щение³.

Итак,
смыслово
ментов ра
(с точки з
(т. е. для

Проблемы чтения в свете информативно-целевого подхода к анализу текста

Чтение литературного текста — это прежде всего его смысловое восприятие¹ и интерпретация, сопровождаемые множеством эмоциональных переживаний. Тысячи, миллионы читателей интерпретируют литературные тексты, в чем-то по-разному ощущая «текстовую действительность», обогащая, а порой и обедняя ее. В контексте потребления языкового сообщения, в сфере отношений текста к его истолкователям количество содержащейся в сообщении информации обращается в качество, обеспечивая литературному сочинению новую, подлинно «поведенческую» жизнь.

В процессе смыслового восприятия текста проявляются его информативные, или интерпретационные, свойства. К числу таких свойств, как нами установлено в эксперименте², могут быть отнесены весьма конкретные характеристики, связанные и с организацией содержательно-смысловой структуры текста, и со способами речевой реализации того, что ниже мы будем называть основным коммуникативным намерением автора сообщения.

Следует при этом обратить особое внимание на тот факт, что общее понимание реципиентом содержания сообщения отнюдь не свидетельствует об адекватной смысловой интерпретации последнего. Адекватная смысловая интерпретация — в значении, которое мы придаем данному термину в настоящей работе, — это прежде всего ориентация реципиента в том, что является целью, или основным мотивом сообщения. Именно в этой связи весьма существенна роль концептуальной (концепторной) организации текста, «текстовой комбинаторики», несущей большую меру ответственности за возможные разночтения в процессе интерпретации текста.

При таком подходе текст рассматривается как потенциальный предмет (мотив) деятельности реципиента, а его содержательно-смысловая структура сводится к иерархии целей и способов их достижения. Предмет говорения (сообщения) в данной структуре подчиняется цели говорения (сообщения) о предмете, т. е. коммуникативной задаче, порождающей и организующей сообщение³.

Итак, текст мы определим здесь как ориентированную на смысловое восприятие и интерпретацию систему языковых элементов разной степени сложности, комплексности и значимости (с точки зрения передачи его основной идеи)⁴, функционально (т. е. для данной конкретной цели/целей) объединенных в еди-

ную структуру общей концепцией⁵. Последняя, обеспечивая семантико-смысловую целостность, являющуюся одной из наиболее существенных характеристик текста, может не иметь в нем словесно выраженной формулировки; тем не менее она всегда присутствует в виде определенной мотивации и, естественно, в случае необходимости может быть словесно сформулирована. Если ее нет, то нет и текста, или, точнее, предлагаемое сочетание слов не может быть названо текстом в данном его понимании.

Рассматриваемый с точки зрения семантико-смысловой целостности текст обладает своей макро- и микроструктурой.

Макроструктура текста может быть представлена в виде иерархии разнопорядковых предикаций⁶, где в качестве предикации первого порядка выступают языковые средства, которыми передана основная идея сообщения, в качестве предикаций второго, третьего и дальнейших порядков — языковые средства, которыми передано общее его содержание. Последнее представляет собой описательную часть сообщения, призванную как трактовать, так и окрашивать предмет сообщения, аргументировать и иллюстрировать «факты», выраженные в положениях, подкрепляющих авторский замысел (предикацию первого порядка). Таким образом, в тексте всегда есть нечто первостепенное, второстепенное, третьестепенное и т. д.

Микроструктура текста может быть представлена в виде полного набора внутритекстовых связей, в которые вступают опорные смысловые узлы текста, которые могут быть выделены с помощью специальной методики и образуют так называемую логико-фактологическую цепочку, являющуюся основным логико-смысловым стержнем текста. Заключение в этой цепочке смысловая нагрузка в той или иной мере связана с предикацией первого порядка.

Смысловая интерпретация текста может быть адекватной и неадекватной. Считать интерпретацию текста адекватной можно лишь в случае адекватного замыслу коммуникатора истолкования его основной идеи реципиентом. Интерпретационные характеристики текста, т. е. те его свойства, которые способствуют (или препятствуют) адекватному истолкованию, обуславливают определенную меру информативности текста.

Информативность — это прагматическая⁷, а значит, относительная характеристика текста, уже на стадии анализа вводящая его в систему связей с множеством предполагаемых интерпретаторов. Информативность характеризует не абсолютное количество информации в тексте, не общую его информационную насыщенность, но лишь ту информацию, которая, скорее всего, станет достоянием реципиентов. Итак, оценкой информативности текста служит мера адекватности⁸ интерпретации реципиентом замысла, цели, основной идеи сообщения.

Информативность текста в предлагаемом смысле — один из факторов эффективности смыслового восприятия сообщений.

К составляющим информативности следует отнести не только экстралингвистические характеристики текста, обсуждаемые в настоящей статье, но и целый ряд формально-лингвистических показателей, отражающих языковые особенности текста на всех уровнях его организации, а именно, различия лексико-грамматического характера, обуславливающие меру динамичности (статичности) текста, различия синтаксического характера, такие, как: а) число сложно-подчиненных предложений, определяющее степень жесткости синтаксической структуры; б) число предложений с уточняющей и с пояснительной функцией, определяющее степень специализированности текста; в) глубина фраз, определяющая степень воспринимаемости синтаксической структуры текста⁹; г) показатель синтаксической спаянности текста как формальное выражение однородности его семантической структуры. Лингвистические характеристики текста, которые существенно влияют на меру адекватности интерпретации языкового сообщения, т. е. на его информативность, мы называем прагматически отмеченными, или прагматически релевантными. Иными словами, при оценке информативности текста отнюдь не все виды лингвистического анализа дают полезную информацию. На этом, однако, мы не станем останавливаться в настоящей статье, цель которой — продемонстрировать некоторые подходы к экстралингвистическому анализу речевого сообщения.

Специфика предлагаемого здесь подхода к анализу иерархии семантико-смысловой структуры текста состоит в том, что нас прежде всего занимает проблема эффективности речевого сообщения не столько в теоретическом, сколько в прикладном плане. Именно поэтому ниже мы остановимся на эмпирической процедуре, которая, позволяя членить текст на информативно-целевые блоки по степени их значимости с точки зрения передачи цели (целей) сообщения, одновременно с этим дает возможность отбирать языковые тексты для проведения экспериментов по изучению механизмов их смысловой интерпретации. Эта процедура позволяет доводить отдельные сообщения до эталонного (оптимального) состояния и надежно оценивать качество интерпретации текстов информантами.

Следовательно, под эффективностью речевого сообщения прежде всего понимается достижение адекватного смыслового восприятия и адекватной интерпретации передаваемого сообщения. Соответственно, в том случае, когда реципиент усвоил, для какой цели порожден данный текст, что именно хотел сказать его автор с помощью всех использованных средств, мы можем сказать, что достигнута весьма высокая эффективность сообщения.

В этом смысле категория информативности позволяет дать оценку эффективности сообщения.

Способ сведения текста к иерархии целей и средств по их достижению (к иерархии коммуникативных программ, к структуре

разнопорядковых предикаций) в принципе был описан и обоснован нами на примере газетного текста, в котором освещались экономические проблемы¹⁰. В этой статье проиллюстрируем ту же операцию на небольшом отрывке из статьи по психологии¹¹.

Пушкин В. Н., Шавырина Г. В.

О СИСТЕМНОСТИ ИНТЕЛЛЕКТА

«Вопр. психологии», 1972, № 5

Постановка проблемы в деятельности человека осуществляется, как известно, на основе мотивов, целей, потребностей и побуждений личности. Решение же проблем связано с работой специальных познавательных систем, позволяющих обнаружить первоначально скрытые латентные признаки элементов проблемных ситуаций. Сложные отношения между мотивационно-личностной и гностической сферами человека проявляются в том, что некоторые проблемы так и остаются нерешенными, хотя в распоряжении личности имеются все условия для их решения.

Эти сложные отношения обычно не осознаются в литературе по психологии мышления.

При употреблении понятия «субъект мышления», как правило, отсутствует различие целостно-поведенческого и познавательного плана мыслительной деятельности. Имплиците предполагается, что в мышлении имеет место такое соединение потребностей и устремлений личности с особенностями или возможностями познавательных процессов, дифференциация которых нецелесообразна.

Такой подход к субъекту мышления, в котором отсутствует дифференциация личностного и гностического компонентов, оказывается адекватным при изучении некоторых конкретных проявлений интеллекта. Но можно указать по меньшей мере одну форму мышления, для анализа которой дифференциация указанных сторон субъекта становится принципиально необходимой. Это продуктивное, творческое мышление, которое состоит в решении новых для человека проблем.

Известно, что одним из существенных моментов продуктивного мышления является перерыв в деятельности, возникающий после того, как человек перепробовал все известные ему варианты решения задачи и констатировал для себя, что ни совокупность его знаний, ни арсенал прошлого опыта не позволяют ему решить эту задачу. В дальнейшем (если решение задачи все-таки находится) перерыв деятельности сменяется пониманием существенных для данной ситуации связей и отношений между составляющими ее объектами. Естественно, что такое понимание возникает у человека не случайно, а является следствием процесса переработки сведений, полученных в ходе анализа задачи и попыток ее решения. История открытий и данные психологии мышления свидетельствуют о том, что некоторые даже очень существенные звенья этого процесса не осознаются решающим задачу человеком. Однако поскольку эти неосознаваемые и весьма важные для творческого мышления процессы все же осуществляются, необходимо ставить вопрос о дальнейшей конкретной разработке проблемы субъекта мышления, в частности, о проверке гипотезы о системном строении интеллекта.

Ниже этот же текст дается в сокращенном виде: в ряде случаев передается лишь общее содержание (смысл) тех или иных его элементов. Рассмотрим структуру текста.

I. Цель сообщения (предикация I-го порядка).

Элемент I. 1:

«...Необходимо ставить вопрос о дальнейшей конкретной разработке проблемы субъекта мышления, в частности, о проверке гипотезы о системном строении интеллекта».

II. Элементы общего содержания.

А. Основные элементы (предикация 2-го порядка).

Элемент А. 1. Основной констатирующий тезис:

Это необходимо потому, что в человеке существуют две сферы — мотивационно-личностная, лежащая в основе всякой постановки проблем, и гностическая, ответственная за решение проблем, — между которыми существуют сложные отношения.

Элемент А. 2. Разъяснение основного тезиса:

Элемент А. 2а.

«Сложные отношения... проявляются в том, что некоторые проблемы так и остаются нерешенными, хотя в распоряжении личности имеются все условия для их решения».

Элемент А. 2б.

Существование названных сфер, так же как и сложных отношений между ними, доказывается еще и тем, что «одним из существенных моментов продуктивного мышления является перерыв в деятельности», который «сменяется пониманием существенных для данной ситуации связей и отношений между составляющими ее объектами».

Элемент А. 3. Аналитическая оценка ситуации:

«... Можно указать по меньшей мере одну форму мышления, для анализа которой дифференциация указанных сторон субъекта становится принципиально необходимой. Это продуктивное, творческое мышление, которое состоит в решении новых для человека проблем».

Б. Второстепенные элементы (предикации 3-го, 4-го и дальнейших порядков).

Б. 1. Элементы предикации 3-го порядка.

Элемент Б. 1а. Иллюстрация к основному тезису (элементу А. 1) предикации 2-го порядка:

«Эти сложные отношения обычно не осознаются в литературе по психологии мышления».

Элемент Б. 1б. Иллюстрация к элементу А. 2б предикации 2-го порядка:

«История открытий и данные психологии мышления свидетельствуют о том, что некоторые даже очень существенные звенья этого процесса не осознаются решающим задачу человеком...», но «эти неосознаваемые и весьма важные для творческого мышления процессы все же осуществляются».

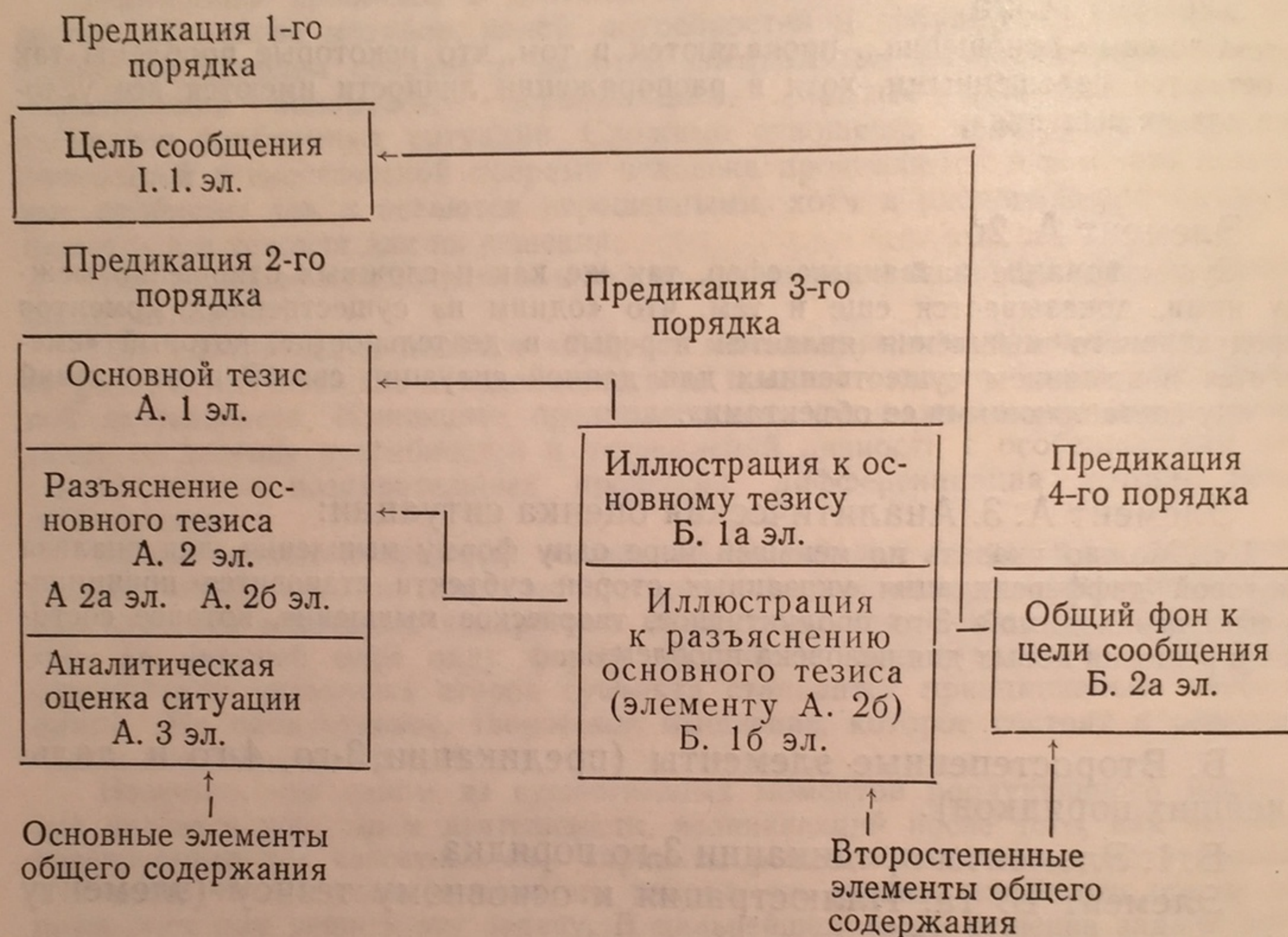
Б. 2. Элементы предикации 4-го порядка.

Элемент Б. 2а: Общий фон к цели сообщения (к предикации 1-го порядка):

«При употреблении понятия „субъект мышления“, как правило, отсутствует различие целостно-поведенческого и познавательного плана мыслительной деятельности. Имплиците предполагается, что в мышлении имеет место такое соединение потребностей и устремлений личности с особенностями или возможностями познавательных процессов, дифференциация которых нецелесообразна.

Такой подход... оказывается адекватным при изучении некоторых конкретных проявлений интеллекта».

В итоге данный текст можно схематически представить следующим образом:

Практический интерес подобной схематизации текста состоит в следующем:

1) она позволяет наглядно представить заложенную в тексте коммуникативную программу, т. е. потенциальную программу осмысления его основной концепции (идеи, мотива);

2) она эксплицирует все уровни предикативной структуры текста, делая очевидным отсутствие предикаций того или иного порядка в иерархии коммуникативных программ¹²;

3) она дает возможность достаточно надежно оценивать меру адекватности письменных или устных (фиксированных на пленке) интерпретаций текстов¹³;

4) она позволяет оценивать способ лингвистического воплощения заложенной в тексте иерархии коммуникативных программ.

Выше уже отмечалось, что многие формально-лингвистические показатели влияют на эффективность восприятия сообще-

ний. Но прежде чем перейти к рассмотрению лингвистических характеристик, отражающих иерархию коммуникативных программ в тексте, следует несколько остановиться на одном весьма существенном моменте, а именно, на том, что мы будем здесь называть «логико-фактологической» цепочкой текста. Ее выделение в свою очередь открывает немало интересных возможностей для анализа текста.

Методика выделения логико-фактологической цепочки из текста была специально разработана нами для подсчета гипотетического коэффициента информативности текста или, другими словами, потенциальной меры адекватности его интерпретации реципиентом¹⁴. Из текста выделяются опорные смысловые узлы («факты»), выраженные синтаксемами, т. е. знаменательными словоформами с примыкающими к ним служебными словами¹⁵. Выделенные «факты» (синтаксемы) выстраиваются в цепочку, где каждое последующее слово находится в логической смысловой связи с предшествующим.

В данной статье хотелось бы обратить внимание на то, что процедуру выделения «фактов» можно осуществлять различными способами, исходя из стоящей перед исследователем задачи.

При подсчете гипотетического коэффициента информативности мы, естественно, ориентировались на выделение «фактов», находящихся в непосредственной смысловой связи с целью сообщения (с коммуникативным намерением автора сообщения)¹⁶. Именно поэтому в опубликованной ранее «Инструкции к выделению предикативной структуры текста»¹⁷ мы и предлагали предварять процедуру вычленения «фактов» формулированием основной идеи обрабатываемого текста. Это позволяло при необходимости сжимать сообщение, а также восстанавливать его содержание по опорным словам — синтаксемам — без существенных потерь в предикациях 1-го и 2-го порядка¹⁸.

Стоящая перед нами в данной статье задача не связана с подсчетом коэффициента информативности текста — она состоит в том, чтобы наглядно продемонстрировать логику развертывания текста в речевом плане, независимо от его цели. Соответственно, опорные смысловые узлы — «факты» — мы выделяем без учета цели сообщения. Эту процедуру мы проделываем, начиная с первого предложения, а затем, во втором предложении, выделяем только те выраженные синтаксемами «факты», которые связаны с «фактами», содержащимися в первом предложении. Фиксируя опорные слова каждого последующего предложения, мы должны мысленно проверять наличие логической смысловой связи с опорными словами предшествующего предложения, вследствие чего не в каждом предложении найдутся «факты» (синтаксемы), которые нужно отмечать.

Выделим таким способом логико-фактологическую цепочку текста¹⁹, ранее схематизированного нами в соответствии с его семантико-смысловой структурой.

А. 1 эл. 2:

- 1 Постановка
- 2 проблемы
- 3 в деятельности
- 4 человека
- 5 осуществляется
- 6 на основе
- 7 мотивов,
- 8 целей,
- 9 потребностей,
- 10 побуждений
- 11 личности.

- 12 Решение
- 13 проблемы
- 14 связано
- 15 с работой
- 16 познавательных
- 17 систем,
- 18 позволяющих
- 19 обнаружить
- 20 латентные
- 21 признаки
- 22 элементов
- 23 проблемных
- 24 ситуаций.

А. 2а эл. 2:

- 25 Сложные
- 26 отношения
- 27 между
- 28 мотивационно-личностной
- 29 и гностической
- 30 сферами
- 31 проявляются,
- 32 некоторые
- 33 проблемы
- 34 [остаются] ²⁰ нерешенными,
- 35 хотя имеются
- 36 все
- 37 условия
- 38 для решения.

Б. 1а эл. 3:

- 39 Эти
- 40 отношения
- 41 не осознаются
- 42 в литературе
- 43 по психологии
- 44 мышления.

Б. 2а эл. 4:

- 45 При употреблении
- 46 понятия
- 47 субъект мышления
- 48 отсутствует
- 49 различие
- 50 целостно-поведенческого
- 51 познавательного
- 52 плана

- 53 мыслительной
- 54 деятельности.
55. Предполагается
- 56 в мышлении
- 57 соединение
- 58 потребностей
- 59 и устремлений
- 60 личности
- 61 с особенностями
- 62 или возможностями
- 63 познавательных
- 64 процессов,
- 65 дифференциация
- 66 нецелесообразна.
- 67 Такой
- 68 подход
- 69 оказывается
- 70 адекватным
- 71 при изучении
- 72 конкретных
- 73 проявлений
- 74 интеллекта.

А. 3 эл. 2:

- 75 Но
- 76 можно указать
- 77 форму
- 78 мышления,
- 79 для анализа которой
- 80 дифференциация
- 81 сторон
- 82 субъекта
- 83 принципиально
- 84 необходимой [а].—
- 85 — Продуктивное
- 86 творческое
- 87 мышление.

А. 2б эл. 2:

- 88 [Одним] из существенных
- 89 моментов
- 90 продуктивного
- 91 мышления
- 92 [является] перерыв
- 93 в деятельности
- 94 после того, как
- 95 человек
- 96 перепробовал
- 97 все
- 98 известные
- 99 варианты
- 100 решения
- 101 задачи
- 102 констатировал
- 103 совокупность
- 104 знаний,
- 105 опыта

106 не позволяют
 107 решить
 108 задачу.
 109 Перерыв
 110 сменяется
 111 пониманием
 112 существенных
 113 связей
 114 и отношений.
 115 Понимание
 116 не случайно,
 117 [является] следствием
 118 переработки
 119 сведений
 120 в ходе
 121 анализа
 122 и попыток
 123 решения.
 Б. 1б эл. 3:
 124 Существенные
 125 звенья

126 процесса
 127 не осознаются
 128 решающим.
 129 Однако
 130 процессы
 131 осуществляются,
 I. 1 эл. 1:
 132 необходимо
 133 ставить вопрос
 134 о конкретной
 135 разработке
 136 проблемы
 137 субъекта
 138 мышления,
 139 о проверке
 140 гипотезы
 141 о системном
 142 строении
 143 интеллекта.

Примечание.

Число слов в тексте — 312; в логико-фактологической цепочке (выделенной без учета цели сообщения) — 143. Коэффициент информативности, исчисляемый отношением числа слов в тексте к числу «фактов» (и то и другое выражено в «синтаксемах»), составляет $\frac{312}{143} \approx 2,0$.

Таким образом, очевидно, что данная цепочка названа нами «логико-фактологической» потому, что вся она составлена из основных (опорных) смысловых узлов — «фактов», содержащихся в сообщении, причем сама методика их выделения такова, что последовательность появления названных «фактов» в логико-фактологической цепочке отражает логику развертывания текста в плане речевого (синтаксемного) выражения.

Сопоставление семантико-смысловой структуры текста (коммуникативного намерения автора сообщения) с последовательностью «фактов» в логико-фактологической цепочке, т. е. со способом реализации коммуникативного намерения в речевом плане, свидетельствует о том, что нашедшие свое отражение в логико-фактологической цепочке элементы тех или иных предикаций оказались весьма рассредоточенными в ней. Последовательность элементов предикативной структуры в логико-фактологической цепочке такова:

А. 1 эл. 2 → А. 2а эл. 2 → Б. 1а эл. 3 → Б. 2а эл. 4 → А. 3 эл. 2 →
 → А. 2б эл. 2 → Б. 1б эл. 3 → I. 1 эл. 1

Итоги эксперимента, в процессе которого измерялось влияние дистанции на смысловое восприятие текста, показали, что при однократном чтении в условиях свободного временного режима (эксперименты 1-й серии) представленный здесь текст на психологическую тему неадекватно интерпретировался 50%

группы психологов, при том, что эта группа показала значительно более высокие результаты по сравнению с группой юристов, интерпретировавшей тот же текст²¹. Не исключено, что переструктурирование текста в плане речевого оформления (изменение логики развертывания текста в речи) весьма способствовало бы адекватности его интерпретации с первого прочтения. То, каким образом следует осуществлять такое переструктурирование в целях достижения оптимальных результатов, каков предельный для адекватного смыслового восприятия порог рассеяния элементов тех или иных предикаций в логико-фактологической цепочке текста, еще подлежит изучению²².

В заключение, отвлекаясь от традиционных категорий аналитической логики, попробуем ввести операционально и использовать понятие «внутренняя логика семантико-смысловой структуры текста» и уже неоднократно употреблявшееся нами понятие «логика развертывания текста в речи» (или «логика изложения сообщения») ²³. Как следует из предыдущего рассмотрения, логика развертывания текста в речи может не совпадать с внутренней логикой его семантико-смысловой структуры. Иными словами, последовательность, в которой расположены в сообщении те или иные высказывания (предложения, сверхфразовые единства), может существенным образом расходиться с порядком, в котором уровни предикативной структуры текста соотносятся друг с другом.

Это расхождение сравнительно легко прослеживается при сопоставлении «синтаксемного» наполнения структурно-семантической схемы текста с «синтаксемным» составом его логико-фактологической цепи.

Если структурно-семантическая схема текста характеризует коммуникативное намерение своего отправителя, т. е. цель (мотив) возникновения данного сообщения, эффект, к достижению которого стремился автор, то логико-фактологическая цепь характеризует способ реализации этого намерения в данном конкретном тексте. Иными словами, мы имеем возможность наглядно проследить степень разрыва между коммуникативным намерением и его реализацией, так как указанное выше сопоставление позволяет конкретно установить:

а) какого порядка предикации нашли свое основное отражение в логико-фактологической цепочке текста, т. е. оказались в опорных (ключевых) позициях;

б) каким образом предикации того или иного порядка рассредоточились в этой цепочке (в каком порядке являются они реципиентам в ходе чтения или слушания текста);

в) какова мера рассеивания той или иной предикации в логико-фактологической цепочке (имеются в виду случаи, когда такое рассеивание происходит не по границам, а внутри элементов ²⁴).

Решение перечисленных проблем позволит выполнить целый ряд других практических операций. К ним можно отнести

следующие: 1) внесение различных изменений в структурно-лингвистический план текста путем изменения логики его развертывания, 2) сокращение (сжатие) текста, снятие его избыточности без устранения при этом опорных смысловых узлов, несущих сведения о предикациях 1-го и, по меньшей мере, 2-го порядков, наконец, а это представляется особенно интересным, 3) установление — при оценке получаемых интерпретаций тех или иных текстов — причин интерпретационных сдвигов, происходящих не по вине интерпретаторов²⁵, а из-за неудачного воплощения в речи коммуникативного намерения автора текста.

- ¹ Трактовку термина «смысловое восприятие» см. в работах И. А. Зимней, в частности в ее докторской диссертации «Психология слушания и говорения» (М., 1973).
- ² См.: Дридзе Т. М. Язык информации и язык реципиента как факторы информированности. — В кн.: Речевое воздействие. Проблемы прикладной психолингвистики. М., 1972, с. 67—70.
- ³ В тексте, как и во всяком продукте предметной деятельности, заложена программа его создания, а значит, его осмысления (переосмысления) в процессе использования. В этом смысле можно сказать, что текст программирует деятельность истолкователя. Вот почему проблема эффективности сообщения в предложенном здесь понимании представляется весьма актуальной.
- ⁴ Термин «основная идея текста» трактуется здесь весьма расширительно и совпадает с представлением об основном коммуникативном намерении автора сообщения. Говоря о цели сообщения, его основном замысле или проводимой в нем концепции, мы также имеем в виду именно это основное коммуникативное намерение.
- ⁵ Разделяемая нами точка зрения на понимание текста выражена в работе: Леонтьев А. А. Признаки связности и цельности текста. — В кн.: Лингвистика текста. (Материалы научной конференции). М., 1974.
- ⁶ Под предикациями имеются в виду выраженные в тексте семантико-смысловые связи, которые существенны с точки зрения реализации основного замысла сообщения. См. об этом подробнее в работах: Жинкин Н. И. Механизмы речи. М., 1958; Тункель В. Д. К вопросу о передаче речевого сообщения. Автореф. канд. дис. М., 1964; Степанов Ю. С. Семиологическая система языка и место в ней языка науки. (Материалы конференции «Научно-техническая революция и функционирование языков мира»). М., 1974, с. 33; Дридзе Т. М. Язык информации и язык реципиента как факторы информированности. М., 1972; Она же. Опыт экспериментального подхода к изучению проблемы информативности публицистического текста. — В кн.: Психологические и психолингвистические особенности владения и овладения языком. М., 1969.
- ⁷ Под прагматикой имеется в виду отношение знака (в данном случае текста) к его истолкователю.
- ⁸ О способе оценки меры адекватности интерпретации текста см.: Дридзе Т. М. Некоторые семиотические аспекты психосоциологии языка. Канд. дис. М., 1969. Прил., с. 140.
- ⁹ При том, однако, условии, что в показателях глубины найдет свое отражение как число однородных членов, так и состав обособленных приложений.
- ¹⁰ См.: Дридзе Т. М. Язык информации и язык реципиента как факторы информированности.
- ¹¹ Текст был отобран и обработан с помощью данной методики, но для несколько иной задачи Т. А. Борисовой в ее дипломной работе «Влияние дистанции на смысловое восприятие текста» (МГУ, 1973).

- ¹² Проблема оптимальной предикативной структуры разнохарактерных текстов еще ждет своего решения. Она могла бы стать темой целого ряда самостоятельных экспериментальных работ.
- ¹³ Этот прием, по-видимому, можно использовать в процессе обучения языку при оценке всякого рода изложений, тем более, что при обработке итогов проведенного эксперимента, в котором от информантов было получено по 300 письменных интерпретаций каждого из двух предъявленных текстов, нами употреблялась шкала оценок, аналогичная школьной: тот или иной балл присваивался в зависимости от того, элементы предикаций какого порядка передавались в изложении (см. упомянутый выше способ оценки меры адекватности интерпретации текста).
- ¹⁴ См. об этом в работах: Дридзе Т. М. Опыт экспериментального подхода к изучению проблемы информативности публицистического текста; Она же. Язык информации и язык реципиента как факторы информированности.
- ¹⁵ Мы называем эти элементы «синтаксемами» вслед за И. Ф. Вардулем, который считает такие сочетания низшими единицами синтаксического яруса языка (см.: Вардуль И. Р. К вопросу о явлении эллипсиса.— В кн.: Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. М., 1969, с. 10).
- ¹⁶ Этот случай близок к ситуации совпадения коэффициента информативности с тем, что можно было бы назвать коэффициентом эффективности текста, так как первый подсчитывается, исходя из целей и задач коммуникации в каждом конкретном случае (из конкретного коммуникативного намерения), а не из логики развертывания текста в речевом плане.
- ¹⁷ Дридзе Т. М. Язык информации и язык реципиента как факторы информированности, с. 77.
- ¹⁸ Там же, с. 51—53.
- ¹⁹ Логико-фактологическая цепочка данного текста была построена на основе нашей методики в названной выше дипломной работе Т. А. Борисовой и несколько уточнена нами на основе контрольного опроса экспертов. Обозначения в цепочке (справа): стоящее в начале буквенно-цифровое сочетание указывает элемент (см. с. 177—178), а последняя цифра — порядок предикации; например: А. 1 эл. 2—1-й элемент предикации 2-го порядка.
- ²⁰ В квадратные скобки заключены слова, выполняющие вспомогательные функции, без которых, однако, чтение фактологической цепочки было бы затруднительным.
- ²¹ См. указанную выше дипломную работу Т. А. Борисовой.
- ²² Первые шаги в этом направлении уже предприняты под руководством автора статьи в дипломной работе М. Н. Мансуровой «Логическая структура текста как фактор его понимания» (МГУ, 1973).
- ²³ Введение названных категорий не чуждо психологической традиции. Относительно специфики аналитической логики, законам которой обучаются, и весьма отличной от нее логики обыденного рассуждения неоднократно высказывался А. Р. Лурия. См. также о логике изложения сообщения: Ножин Е. А. Что такое лекторское мастерство? М., 1973, с. 9—10.
- ²⁴ Кстати, представлялась бы весьма перспективной работа, в которой информантам для интерпретации были бы предъявлены тексты, каждый из которых имел бы определенную семантико-смысловую структуру, воплощенную, однако, в разных структурно-лингвистических вариантах (в разных «логиках развертывания» фактологической цепочки). Варианты, которые дали бы в итоге эксперимента наибольшее число оптимальных интерпретаций, позволили бы сделать некоторые выводы относительно «порога рассеяния» основной идеи текста в его логико-фактологической цепочке, предельного для ее адекватного смыслового восприятия.
- ²⁵ См. об этом: Дридзе Т. М. Семиотический уровень как существенная характеристика реципиента в процессе информирования. (Материалы научного семинара «Семиотика средств массовой коммуникации»). Ч. 1. М., 1973.

Смысловое восприятие текста научно-популярной литературы

Проблема адекватного восприятия и понимания некоторого текста является одной из существенных проблем, от решения которой во многом зависит функционирование видов массовой коммуникации, а также эффективность преподавания гуманитарных дисциплин в школах и вузах, и вообще эффективность любой знаковой продукции, удовлетворяющей информационные запросы социума.

Выяснение закономерностей взаимодействия реципиента и текста позволяет функционально ориентировать тексты на определенные социально-профессиональные группы реципиентов, что дает возможность оптимальным образом популяризировать знания и ценности, циркулирующие в обществе. Выяснение этих закономерностей позволяет уточнить психолингвистическую структуру текстов (в данном случае научно-популярных), удовлетворяющих лингвистические и психологические экспектации реципиентов. *Реципиент* при этом понимается как индивид, вступающий во взаимодействие с некоторым текстом, а *текст* понимается как некоторая знаковая продукция, представляющая собой систему визуальных сигналов, интерпретируемых реципиентом и образующих на полюсе реципиента систему представлений (смыслов).

Разработка проблем психолингвистики и психологии чтения предполагает создание соответствующей экспериментальной базы, на основе которой могли бы быть получены данные, характеризующие читательские реакции на книгу с качественной и количественной сторон и служащие основой для обнаружения некоторых закономерностей в этих реакциях.

Для текстов, функционирующих в различных сферах интеллектуальной деятельности, существует набор признаков, по которым они могут ранжироваться некоторым определенным образом. Такими признаками являются следующие: *научно — ненаучно, популярно — непопулярно, художественно — нехудожественно, интересно — неинтересно, информативно — неинформативно*. В дальнейшем аналогичные по функциональной направленности тексты, т. е. тексты, в которых обсуждаются те или иные принципы организации и функционирования некоторых других текстов, условимся считать *метатекстами*¹.

Степень эксплицитности или имплицитности таких признаков весьма различна: например, первые три оппозиции в высокой мере эксплицитны, четвертая оппозиция эксплицитна в меньшей мере, пятая существует скорее в имплицитной, чем эксплицитной

форме, и синонимична таким высказываниям, как *познавательно — непознавательно, полезно — бесполезно*.

Сочетание характеризующих тот или иной текст признаков позволяет — в идеальном случае — ориентировать текст на определенную социально-профессиональную группу и тем самым предопределять его эффективное восприятие и понимание данной группой.

Как правило, оценка по вышеуказанным признакам некоторого текста, в частности научно-популярного, и ориентация его на потребителя осуществляются на интуитивной основе, без выяснения того, насколько реально существуют и функционируют в сознании реципиента те или иные признаки и какие из них наиболее употребительны (частотны).

В связи с этим нами поставлен эксперимент, задачей которого было выяснение валидности/невалидности таких признаков, как *научно — ненаучно, популярно — непопулярно, художественно — нехудожественно, интересно — неинтересно, информативно — неинформативно*.

Методика проведения эксперимента. Испытуемым предъявлялись три текста примерно одинакового размера. Каждый текст требовалось оценить по одной и той же шкале для каждой пары признаков. Предполагалось, что шкала признаков позволит установить степень соотнесенности объекта (текста) с одним из полярных признаков. Если испытуемый затруднялся соотнести объект с одним из признаков, в матрице ответов ставился 0.

Шкалы признаков имели следующий вид:

	—3	—2	—1	0	1	2	3	
ненаучно				0				научно
непопулярно				0				популярно
нехудожественно				0				художественно
неинтересно				0				интересно
неинформативно				0				информативно

где —3, —2, —1 — степени соотнесенности с признаками *ненаучно, непопулярно* и т. д. Соответственно 3, 2, 1 — степени соотнесенности с признаками *научно, популярно* и т. д. Самые большие степени соотнесенности: 3 и —3.

Испытуемым предлагались следующие тексты: (1) научный текст — отрывок из статьи Г. Эколса «Генетическая регуляция синтеза белков»² (размер текста 1032 знака; пробел за знак не считался); (2) научно-популярный текст — отрывок из книги Н. Дубинина и В. Губарева «Нить жизни»³ (размер текста 1026 знаков); (3) научно-фантастический текст — отрывок из книги С. Лема «Формула Лимфатера»⁴ (размер текста 1150 знаков).

В эксперименте было занято 25 испытуемых, студентов филологического факультета МГУ. Время, необходимое для ответа, не учитывалось. Статистическая обработка данных эксперимента проводилась по χ^2 -критерию.

Результаты эксперимента. В нашем эксперименте релевантными для разных текстов оказались следующие признаки:

1) научный текст

научно — ненаучно
популярно — непопулярно
художественно — нехудожественно
информативно — неинформативно

2) научно-популярный текст

научно — ненаучно
популярно — непопулярно
интересно — неинтересно
информативно — неинформативно

3) научно-фантастический текст

научно — ненаучно
популярно — непопулярно
информативно — неинформативно

В табл. 1 приведены значения степени отнесенности Θ (максимально возможное в данном случае значение Θ равно 3).

Таблица 1

Признак	Текст		
	1	2	3
Ненаучно	—	—	2,70
Научно	2,52	2,09	—
Непопулярно	2,29	—	—
Популярно	—	2,05	2,31
Нехудожественно	2,94	—	—
Художественно	—	—	—
Неинтересно	—	—	—
Интересно	—	2,05	—
Неинформативно	—	—	2,43
Информативно	2,41	2,08	—

Прежде чем приступить к анализу эксперимента, дадим определение трех понятий, которые будут использованы при интерпретации.

1. *Информационное поле текста.* Условимся понимать под информационным полем текста некоторую совокупность смыслов, представляющих и интерпретирующих реципиенту объекты и процессы, являющиеся в психологическом плане для реципиента средствами включения в некоторую деятельность.

Информационное поле текста и текст не тождественны. Если текст как совокупность знаков — явление лингвистическое, то информационное поле текста — явление психолингвистическое: оно для реципиента есть способ существования содержания языковых знаков.

2. *Деятельность.* Условимся понимать под деятельностью взаимодействие реципиента и текста, в ходе которого реципиент достигает поставленной им цели.

От деятельности А, определенной выше, следует отличать деятельность Б, которую можно определить как ту или иную форму существования авторских смыслов. Эта деятельность, реализуясь в авторском тексте, может выступать в такой специфической для каждого текста форме/содержании, которые не входят или входят частично в личный опыт реципиента. Различие между этими двумя видами деятельности аналогично различию между родом и видом. Если деятельность А есть сознательный процесс реализации целей, по отношению к которым текст является только средством, то деятельность Б есть бессознательный процесс освоения и переструктурирования авторских смыслов в зависимости от личного (языкового и неязыкового) опыта реципиента (формирование читательской проекции текста).

В каждом тексте (как субституте деятельности) та или иная форма/то или иное содержание осознаются в виде некоторого набора признаков, позволяющих оценить текст как принадлежащий той или иной специфической сфере деятельности.

3. *Информационная однородность текста.* Условимся понимать информационную однородность текста следующим образом: если текст представляет некоторую деятельность недискретно⁵, если мы ограничиваемся рамками только этой деятельности, то можно считать, что этот текст информационно однороден. Если же текст представляет некоторую деятельность дискретно и сама эта деятельность включена в некоторую другую деятельность, подчинена ей или взаимодействует с ней, то такой текст следует считать информационно разнородным.

Интерпретация эксперимента. При постановке эксперимента были в предварительном порядке сформулированы следующие нуждающиеся в проверке положения: (1) тексты действительно оцениваются по признакам, существующим в метатекстах, обсуждающих те или иные принципы организации и функционирования текстов; (2) для потребителя текстов релевантны пять предложенных бинарных признаков, но сочетания признаков варьируются в зависимости от текста. Кроме того, требовалось установить, какие из признаков и в какой степени соотносятся с каждым из предложенных в эксперименте текстов.

Результаты эксперимента подтвердили тот факт, что тексты оцениваются по признакам, содержащимся в метатекстах, но сочетание этих признаков и степень отнесенности признака к тексту в содержательном смысле есть величина переменная.

1. Научный текст характеризуется следующими признаками: *научно, непопулярно, нехудожественно, информативно.* В оценке не участвует признак *интересно — неинтересно.*

Иными словами, для научного текста, видимо, и не ожидаются те признаки, которые опознаются как сигналы принадлежности текста к информационно разнородным языковым и понятийным структурам.

2. Научно-популярный текст характеризуется следующими

признаками: *научно, популярно, интересно, информативно*. В оценке не участвует признак *художественно — нехудожественно*.

Можно предположить, что от научно-популярного текста, как и от научного, ожидается получение, в первую очередь, некоторой информации прагматического и/или теоретического характера. Признаки второго текста совпадают с признаками первого текста (или исключают друг друга), указывая на информационную однородность этих двух текстов по совпадающим признакам. Но в то же время этот текст характеризуется и признаком интересно, противопоставленным признаку нехудожественно в первом тексте (все остальные признаки, приписанные испытуемыми обоим текстам, или совпадают, или исключают друг друга). Такое противопоставление можно рассматривать как некоторую границу между двумя видами текстов: появление и увеличение частотности в оценках признака интересно позволяет утверждать, что мы имеем дело с некоторой реорганизацией текста, характеризующегося признаками научно и информативно и реорганизованного в той его части, которая характеризуется признаком нехудожественно. Учитывая, что этот признак противопоставлен признаку художественно, следует полагать, — не обсуждая того, как содержательно интерпретировать признак художественно, — что данный признак и, видимо, признак интересно являются сигналами реорганизации некоторого исходного текста и включения в него структур из другого языкового и понятийного ряда.

Эти иные языковые и понятийные структуры могут быть оценены как инородные и в силу нарушения информационной однородности текста (некоторые сведения, например о законах Г. Менделя, могут подаваться дискретно, сосуществуя с биографическими сведениями об ученом), и в силу языковых причин в этой связи интересно сравнить результаты нашего эксперимента с наблюдениями Г. А. Лесскиса о научной прозе XIX в. и ее характерных признаках⁶. Но всякое нарушение информационной однородности текста можно рассматривать как сигнал принадлежности текста к другому жанру: очевидно, информационная разнородность текста есть признак прежде всего художественной литературы, и чем больше информационная разнородность, тем больше у реципиента оснований отнести этот текст вправо по шкале «научный текст — научно-популярный текст — научно-фантастический текст» (вплоть до художественного текста). По-видимому, в сознании реципиента существует некоторое идеальное представление о тексте (эталон или модель текста) как о некоторой совокупности признаков, определенное сочетание которых соответствует оценке текста (научный, научно-популярный, научно-фантастический).

3. Научно-фантастический текст характеризуется следующими признаками: *ненаучно, популярно, неинформативно*. В оценке текста не участвуют признаки *художественно — нехудожественно, интересно — неинтересно*.

Совпадение между вторым и третьим текстами наблюдается по признаку *популярно*. Все остальные признаки третьего текста противопоставлены признакам второго текста. Можно предположить, что признак *популярно*, общий для этих двух текстов, указывает и на общую для них информационную однородность, различаемую реципиентом во втором и третьем текстах на фоне других противопоставленных признаков. Совпадение оценок (в содержательном смысле) по признаку *популярно* можно рассматривать как способ представления этой информационной однородности: она оценивается изоморфной и второму, и третьему тексту. В свою очередь, признаки третьего текста полностью противопоставлены признакам первого текста (за исключением признаков, не участвующих в оценке обоих текстов), и эта противопоставленность свидетельствует о том, что мы имеем дело с информационно разнородными в отношении друг друга текстами.

Итак, с содержательной точки зрения, признаков, по которым оказались оценены тексты, четыре для первого и второго текстов и три — для третьего текста.

Отметим, что второй текст занимает особое положение, поскольку он характеризуется только положительными признаками. Если рассматривать отрицательные признаки как нерелевантные для текста (но не для реципиента) и если в то же время этот текст функционирует при наличии нерелевантных запрещающих признаков, то второй текст существует и функционирует как некоторое единство разрешающих признаков. Иными словами, в научно-популярном тексте отсутствуют запрещения на включение в него информационно разнородных структур, что обуславливает технологическую трудность создания такого текста. В этой связи интересно выяснить, какую содержательную интерпретацию дают вышеуказанным признакам текста те или иные социально-профессиональные группы реципиентов.

Нами было предложено 25 испытуемым, студентам филологического факультета МГУ, дать определение следующим признакам текста: *ненаучно — научно, непопулярно — популярно, нехудожественно — художественно, неинтересно — интересно, неинформативно — информативно*. Предполагалось определить каждый признак в положительной (*научно, популярно* и т. д.) и/или отрицательной (*ненаучно, непопулярно* и т. д.) форме.

Интерпретация признаков испытуемыми отличается от интерпретации признаков, данной в метатекстах, по форме интерпретации: в метатекстах интерпретируются признаки в положительной форме, интерпретация признаков испытуемыми дается в положительной и/или отрицательной форме. Это вызвано, видимо, тем обстоятельством, что у интерпретаторов двух наших групп наличествуют две разные установки по отношению к тому или иному тексту.

Установку первой группы (авторы метатекстов) можно назвать креативной: члены этой группы стремятся не только к оп-

тимальному восприятию и пониманию текста, но и к тому, чтобы объяснить структуру и механизм его функционирования, что требует применения понятий, обладающих определенной объяснительной силой.

Установку второй группы (испытуемые) можно назвать рецептивной: члены этой группы используют для определения (интерпретации) признаков текста и положительные, и отрицательные формы, видимо, потому, что не связаны задачей объяснения структуры и механизма функционирования текста, и могут использовать в оперативных целях положительные и/или отрицательные формы некоторого абстрактного текста-эталона, позволявшие им и прежде классифицировать определенным образом некоторый текст.

Сопоставление интерпретаций признаков (в положительной форме) двух наших групп (испытуемые и авторы метатекстов) предполагает выявление на содержательном уровне и в самом общем виде минимального числа компонентов, составляющих значение этих признаков.

И для группы испытуемых, и для группы авторов метатекстов:

— компоненты признака *научно* можно определить как то, что соотносится с данными в некоторой области знания, специализировано, абстрактно, доказательно, логично, однозначно;

— компоненты признака *популярно* можно определить как то, что соотносится с данными в некоторой области знания, неспециализировано, общедоступно и существует в некоторой художественной форме;

— компоненты признака *художественно* можно определить как то, что индивидуально, образно, ассоциативно, эмоционально, эстетически выразительно, многозначно.

Не представляется возможным дать определение компонентам признаков интересно и *информативно* в силу противоречивости определений, предложенных, с одной стороны, испытуемыми, а с другой, авторами метатекстов. Очевидно, это вызвано динамическим, а не статическим характером компонентов значения этих признаков: значение, находящееся в процессе своего становления, позволяет реципиентам оперировать некоторым количеством вариантов этого значения до тех пор, пока оно не достигнет некоторого гомеостатического уровня.

Для признака *информативно* существенным оказывается также то обстоятельство, что его смешивают с признаком *информационно*; это, в свою очередь, позволяет реципиентам по-разному интерпретировать значение этих признаков.

К тексту, оцениваемому как популярный, предъявляются различные требования с точки зрения его художественности, связанные с различным пониманием самого понятия «художественность». Для испытуемых художественность текста существует как некоторый набор тех или иных стилистических приемов, для авторов метатекстов художественность существует как некоторое

более абстрактное образование, определяемое посредством образности, эстетической выразительности и т. д. Анализ содержания признаков *научно* и *популярно*, данный испытуемыми и авторами метатекстов, показывает, что это содержание в своих существенных параметрах понимается одинаково и теми и другими.

Дальнейшее уточнение значения этих, а также и всех других признаков предполагает выяснение синонимичности тех высказываний, в которых существует (репрезентируется) данное значение, так как, несмотря на выявление некоторых общих компонентов значения, семантическая разнородность языковых структур может позволить по-разному понимать и интерпретировать значение этих признаков.

Из описания значения признаков *научно* и *популярно* выясняется, что научно-популярный текст существует для реципиентов в виде некоторого единства информационно разнородных структур, сочетая в себе признаки *научности*, *популярности* и *художественности*. Описание компонентов значения признаков *научно* и *популярно* позволяет также утверждать, что функция текста, характеризующегося как научно-популярный, есть производное от понимания реципиентами самого понятия популяризации: популяризация понимается ими в общеобразовательном, а не в интранаучном (популяризация научных знаний, рассчитанная на профессиональные интересы реципиента) или интернаучном (популяризация научных знаний, рассчитанная на междисциплинарные интересы реципиента) смысле.

Функционирование научно-популярного текста как совокупности информационно разнородных структур, характеризующихся признаками *научно*, *популярно* и *художественно*, хорошо согласуется с утверждениями В. В. Иванова⁷ и Ю. М. Лотмана⁸ о механизме функционирования поэтического языка (оба исследователя опираются на работы А. Н. Колмогорова по изучению поэтических текстов).

Если считать, что «энтропия языка (H) складывается из двух величин: определенной смысловой емкости (h_1) — способности языка в тексте определенной длины передавать некоторую смысловую информацию, и гибкости языка (h_2) — возможности одно и то же содержание передать некоторыми способами»⁹, — то научно-популярный текст можно рассматривать как функционирующий при $h_1 = h_2$. Тогда научный текст функционирует при $h_1 > h_2$, а научно-фантастический текст — при $h_2 > h_1$ (лексико-стилистические, синтаксические и другие ограничения, накладываемые на научный и научно-популярный текст, в данном случае не учитываются, так как этот вопрос требует специального рассмотрения).

По-видимому, технология создания научно-популярного текста, предусматривающая оперирование информационно разнородными структурами, является эффективной только для текстов, принадлежащих популяризации в ее общеобразовательной фор-

ме. Может оказаться, что к текстам, принадлежащим популяризации в ее интранаучной и/или интернаучной формах, будут предъявляться со стороны потребителей иные требования, связанные со специфической ориентацией этих потребителей на тот или иной текст. Тем самым изменится набор и значение признаков, по которым оцениваются тексты.

Специфика текстов, могущих обслуживать интранаучную и/или интернаучную сферы популяризации, может быть определена в настоящий момент лишь гипотетически. По-видимому, перевод «...системы понятий с языка одной области на язык другой»¹⁰, так же как перевод и адаптация понятий, существенным образом различающихся между собой в рамках одной научной дисциплины, могут на каком-то первоначальном этапе иметь своей основой популяризацию в ее общеобразовательной форме и, следовательно, текст будет обладать признаками, присущими данной форме популяризации.

На этом этапе специалистом будет осваиваться новый (первоначально азбучный) язык той или иной науки, позволяющий ему по мере изучения этого вторичного (третичного и т. д.) языка становиться полиглотом науки¹¹, ориентироваться и разбираться в некоторых новых предметных областях.

Возможность оптимизации научного общения именно таким путем не согласуется, однако, с тем фактом, что мышление может протекать не только на языковом уровне. Как показывают наблюдения И. М. Соловьевой¹², усвоение и адекватная интерпретация некоторого понятия специалистом могут протекать и без достаточного знания того или иного языка науки точно так же, как и перевод может быть сделан только при условии, если переводчик понимает некоторые концептуальные построения, существующие в некоторой знаковой форме, или, иными словами, имеет некоторый образ предмета, безразличный и автономный по отношению к той знаковой форме, в которой он существует.

К тому же вопрос о научном билингвизме (трилингвизме и т. д.) не снимает вопроса о специфике текстов, рассчитанных даже на такую, владеющую многими специфическими языками, аудиторию, ибо в научном общении важно в конечном счете понимание не некоторых знаковых средств, а концептов, репрезентируемых этими знаками. Научное общение в его интранаучной и/или интернаучной форме будет, очевидно, все интенсивнее развиваться по пути описания некоторых концептов, их адаптации и сопоставления между собой, а сами тексты, ориентированные на идеографическую функцию, будут выступать в безразличной для этой цели и для реципиента форме.

Результаты эксперимента и анализ этих результатов позволяют сделать следующие выводы: (1) методика шкалирования текстов, предложенная автором настоящей работы, очевидно, может быть использована и в дальнейших исследованиях, связанных с оценками текстов другими социально-профессиональными груп-

пами реципиентов; (2) ориентированность и эффективное функционирование какого-либо текста предполагают выяснение того, какие признаки текста являются релевантными для тех или иных реципиентов и какова содержательная интерпретация признаков предполагаемыми реципиентами.

¹ В нашем исследовании использовались метатексты:

- Агапов Б. Н., Данин Д. С., Рунин Б. М. Художник и наука. М., 1966, с. 100—101, 103—105, 107—110, 113, 115—119; Еремеев А., Руткевич М. Век науки и искусства. М., 1965, с. 13—15, 63, 78—82; Кожина М. Н. О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики. Пермь, 1966, с. 158—208; Лазаревич Э. А. Некоторые вопросы редактирования научно-популярной литературы.— В кн.: О редактировании книги. М., 1973, с. 161—216; Лихтенштейн Е. Редактирование научной книги. М., 1957, с. 227—254; Наука и журналист. М., 1970, с. 86—88, 96, 129, 180—181, 184—185, 187, 221—222, 231, 240—242, 255—256, 283—284; Сенкевич Л. Литературное редактирование научных произведений. М., 1970, с. 16—39; Содружество наук и тайны творчества. М., 1968, с. 122—123, 125—126, 128—129, 140, 382; Формулы и образы. [Спор о научной теме в художественной литературе]. М., 1961, с. 20—21, 27, 63, 89—90, 112—113, 120—122, 125, 127, 130—133, 138, 141, 146—148, 153—154; Частотный словарь общенаучной лексики. М., 1970, с. 59, 62.
- ² Эколс Г. Генетическая регуляция синтеза белков.— В кн.: Концепция информации и биологические системы. М., 1966, с. 64.
- ³ Дубинин Н., Губарев В. Нить жизни. М., 1966, с. 11—12.
- ⁴ Лем С. Формула Лимфатера. М., 1963, с. 37.
- ⁵ В данном случае различие между дискретным и недискретным сводится к различию между семантическим разнообразием и семантическим единообразием.
- ⁶ Лесскис Г. А. О некоторых различиях простого предложения в научной и художественной прозе.— «Рус. яз. в нац. школе», 1963, № 6; Он же. О зависимости между размером предложения и характером текста.— «Вопр. языкознания», 1963, № 3; Он же. О зависимости между размером предложения и его структурой в разных видах текста.— «Вопр. языкознания», 1964, № 3.
- ⁷ Иванов В. В. Лингвистика математическая.— В кн.: Автоматизация производства и промышленная электроника. Т. 2. М., 1963, с. 160—163.
- ⁸ Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М., 1970, с. 37—43.
- ⁹ Там же, с. 38.
- ¹⁰ Шнейдер Ю. А. К вопросу о структуре научных коллективов.— В кн.: Вопросы теории и практики информационно-поисковых систем. Киев, 1968, с. 41.
- ¹¹ Налимов В. В., Мульченко З. М. К вопросу о логико-лингвистическом анализе языка науки.— В кн.: Проблемы структурной лингвистики, 1971. М., 1972, с. 553.
- ¹² Соловьева И. М. К проблеме адекватности научно-технического перевода.— В кн.: Стилистико-грамматические черты языка научной литературы. М., 1970, с. 195—210.

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

- Сикорский
Николай Михайлович** — доктор филологических наук, профессор, директор Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина
- Чубарьян
Оган Степанович** — доктор педагогических наук, профессор, заместитель директора Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина
- Добрынина
Наталья Евгеньевна** — кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник сектора книги и чтения Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина
- Смирнова
Серафима Михайловна** — старший научный сотрудник сектора книги и чтения Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина
- Леонтьев
Алексей Алексеевич** — доктор филологических наук, заведующий группой психолингвистики и теории коммуникаций Института языкознания АН СССР
- Гордон
Леонид Абрамович** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора социального развития рабочего класса Института международного рабочего движения АН СССР
- Груздева
Елена Борисовна** — научный сотрудник сектора социального развития рабочего класса Института международного рабочего движения АН СССР
- Левыкин
Иван Тихонович** — доктор философских наук, профессор, заместитель руководителя кафедры теории и методов идеологической работы Академии общественных наук при ЦК КПСС
- Харитоновна
Оксана Всеволодовна** — кандидат философских наук, лектор Новгородского обкома КПСС
- Кирпичева
Ираида Константиновна** — доктор педагогических наук, заведующая отделом теории библиотекосведения Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина
- Шляпентох
Владимир Эммануилович** — доктор экономических наук, старший научный сотрудник сектора методики и техники социологических исследований АН СССР
- Коган
Лев Наумович** — доктор философских наук, заведующий сектором социологии культуры Института экономики Уральского научного центра АН СССР
- Евладов
Борис Владимирович** — кандидат философских наук, собственный корреспондент газеты «Правда»

Жабицкая
Лидия Германовна

— кандидат психологических наук, доцент Кишиневского государственного университета имени В. И. Ленина

Беляева
Лидия Ивановна

— кандидат психологических наук, доцент Московского государственного института культуры

Брудный
Арон Абрамович

— доктор философских наук, профессор, заведующий сектором диалектического материализма Института философии и права АН Киргизской ССР

Дридзе
Тамара Моисеевна

— кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора социологической информации Института социологических исследований АН СССР

Сорокин
Юрий Александрович

— кандидат филологических наук, младший научный сотрудник группы психолингвистики и теории коммуникаций Института языкознания АН СССР

СО

Н. Л.
Оси

О. С.
Исс

Н. Е.
Про

А. А.
Мест

Л. А.
Расп

И. Т.
Позн
чтени

И. К.
Чтени

В. Э.
Рост

Л. Н.
Книга

Б. В. П.
Метод

Л. Г. Х.
О пси
венной

Л. И. П.
К воп

А. А. Б.
Поним

Т. М. Д.
Пробле

текста

Ю. А. С.
Смысло

СОДЕРЖАНИЕ

Н. М. Сикорский. Основные задачи исследования чтения на современном этапе	3
О. С. Чубарьян. Исследование чтения и читателей в системе социальных наук	11
Н. Е. Добрынина, С. М. Смирнова. Проблематика и методика в исследовании распространенности чтения	30
А. А. Леонтьев. Место психологии в современной науке о чтении	39
Л. А. Гордон, Е. Б. Груздева. Распространенность и интенсивность чтения в городской рабочей среде	47
И. Т. Левыкин, О. В. Харитонова. Познавательные интересы современного колхозного крестьянства и чтение	65
И. К. Кирпичева. Чтение в процессе научного творчества	75
В. Э. Шляпентох. Рост уровня образования и отношение к средствам массовой информации	89
Л. Н. Коган. Книга и современное телевидение	103
Б. В. Евладов. Методологические проблемы изучения читательской аудитории газеты	117
Л. Г. Жабицкая. О психологическом подходе в исследовании восприятия художественной литературы	130
Л. И. Беляева. К вопросу о типологии читателей	143
А. А. Брудный. Понимание как компонент психологии чтения	162
Т. М. Дридзе. Проблемы чтения в свете информативно-целевого подхода к анализу текста	173
Ю. А. Сорокин. Смысловое восприятие текста научно-популярной литературы	185

Государственная
ордена Ленина
библиотека СССР
имени В. И. Ленина

**ПРОБЛЕМЫ
СОЦИОЛОГИИ
И ПСИХОЛОГИИ
ЧТЕНИЯ**

Издательство «Книга»
Москва, К-9, ул. Неждановой, 8/10
Тульская типография «Союзполиграфпро-
ма» при Государственном комитете Совета
Министров СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли, г. Тула,
проспект им. В. И. Ленина, 109

Редактор
В. Ф. Ларина
Художественный редактор
Н. Д. Карандашов
Технический редактор
А. З. Коган
Корректор
Л. В. Соцкова

А 09149. Сдано в набор 5/II-1975 г. Подпи-
сано к печати 1/VIII-1975 г. Формат 60×
90^{1/16}. Типографская № 1. Усл. печ. л. 12,5.
Уч.-изд. л. 13,158. Тираж 7000. Изд. № 1770.
Заказ № 196. Цена 1 руб.

II-1975 г. Подпи-
с. г. Формат 60X
Усл. печ. л. 12,5.
7000. Изд. № 1770.

Цена 1 р.